

Станислав Малозёмов

12+

ВСЮ ЖИЗНЬ Я ВЕРИЛ ТОЛЬКО В ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Документальная повесть

Станислав Малозёмов

**Всю жизнь я верил
только в электричество**

«Автор»

2020

Малозёмов С. Б.

Всю жизнь я верил только в электричество / С. Б. Малозёмов —
«Автор», 2020

Глазами мальчишки отражен фрагмент удивительной советской эпохи, жизни простых людей казахстанской провинции. Описан период с 1953 по 1964 годы.

© Малозёмов С. Б., 2020

© Автор, 2020

Станислав Малозёмов

Всю жизнь я верил только в электричество

Пролог

Это воспоминание об эпохе пятидесятых послевоенных и хрущевских шестидесятых лет. Мне сейчас 71 и многого я не запомнил, конечно. Но после двадцати, уже работая журналистом, я просто достал всех моих живых тогда родственников вопросами о моём детстве и о прошлой жизни вообще. Они, к моему удивлению, очень охотно рассказывали мне всё, что помнили обо мне маленьком и о нашей жизни в СССР. Я до 70 лет и не думал ничего писать. Так, из любопытства, спрашивал своих и сам вспоминал. А недавно вдруг из всех этих воспоминаний, частично мной записанных, а в большинстве запомненных,

решил написать что-то вроде документального романа. Это не мемуары автобиографические. Это просто портрет той, советской, самой счастливой для меня эпохи.

Глава первая

В начале марта пятьдесят третьего года в Кустанае было серо и холодно. Огромные сугробы заслоняли вид на жизнь. Из моего окна на втором этаже я мог видеть только эти сугробы, кусок пробитой грейдером дороги и два заваленных снегом почти до подоконников дома. Рано утром я надыхал теплом на стекло и растопил красивые снежные узоры. Жалко их было, но без этой жертвы улицу не разглядишь. Мама собиралась к восьми в школу работать учительницей. Отец брился. Ему в редакцию – к девяти. А бабушка Настя ставила для нас на стол вареную картошку в чугушке, помидоры соленные, хлеб и двухлитровую банку компота из сушеной деревенской вишни.

– Мам, времени там сколько уже? – торопливо спросила моя мама свою. – Не опоздаю?

– Без двадцати восемь. Не опоздаешь, – бабушка уже раскладывала вилки, топленое масло в блюде – картошку макать, и стаканы для компота.

– А ты чего прилип к стеклу? Давай за стол, – отец подхватил меня на руки и понес на свободную табуретку.

– А чего по улице столько людей идет в магазин наш?

Я съел помидор и взял маленькую горячую картошку.

Отец подошел к прогалине на стекле и долго стоял. Вглядывался. Потом он подошел к маме, отвел её в угол комнаты и они стали о чем-то спорить.

– Ну, тогда и я не пойду, – мрачно сказал отец, сел на свой самый большой табурет и, улыбаясь, начал есть всё подряд. – Там нас пересчитывать никто не будет.

Я побежал к окну и ещё шире продыхал круглое прозрачное пространство на стекле.

Было почти темно и медленно идущие мимо окна черные силуэты слились в массу пришибленных холодом и ссутулившихся то ли от мороза, то ли от страха непонятного теней. Их было так много, что я испугался.

– Пап, а это что, опять война началась? Куда утром со всего города они собираются?

– Это, сын, они к репродуктору идут, который между магазином и школой на столбе висит. В восемь часов невеселое сообщение будут передавать из Москвы.

Отец машинально поднял с пола свой любимый баян, накинул ремни на плечи и сел на кровать. Но не играл.

– Тут такое дело, сын... Сталин помер. Знаешь кто это?

– Ты же сам говорил, что он самый главный среди людей, но большая сволочь.

– Никому нигде так не скажи! – Мама ахнула и испуганно подошла к окну, отодвинула меня и тихо вздохнула. – Боря, ты глянь. Это только с нашей стороны сколько народа целыми семьями прёт. Да и со стороны Тобола, видать, столько же. А от городской бани, наверное, ещё побольше. Может, ты и прав. Может, лучше постоим со всеми? Отдадим дань. Вождь всё-таки.

– Кабы не этот вождь, жили бы себе в Польше. На родине, *zy;u by spokojnie na ojczyźnie, w ulubionej Polsce jak wysokogatunkowe panowe*. – Бабушка перекрестилась и утерла чистым передником губы. – Тыфу на тебя, родимец стогнидный ты, а не вождь. Туда и дорога тебе, к своим бесам – родичам.

– Ну, мама! – прикрикнула моя на свою. – Не стыдно? Человек же помер, земля ему пухом. Пойдем, Боря, хоть десять минут постоим со всеми. Отдадим последнюю дань, сообщение правительства послушаем.

– Иди слушай, – отец обрызгал себя из пульверизатора «Шипром». – Сегодня сообщение это целый день будут талдычить. Вон, радиоприёмник дома на стенке. Мало тебе?

У отца был шикарный волнистый волос, он никогда не ходил в парикмахерскую и с помощью двух зеркал сам себе делал модную тогда причёску. Вот после нервного, видимо, разговора с мамой он взял второе, маленькое, зеркало и пошел к умывальнику, где висело большое. Стрижка самого себя, похоже, была для него успокоительным средством.

Есть больше никто не стал. Мама пошла в школу на работу. Бабушка спустилась на первый этаж к своей подруге тёте Оле. Помидоры ей понесла. Отец подровнял волос сзади, потом снова взял баян и стал играть «Амурские волны». А я одел шубку-овчинный тулупчик, из деревни отцовской привезенный мне навыврост, шапку с ушами, рукавицы, валенки, закрутил вокруг шеи шарф из собачьей шерсти и пошел на другую сторону улицы. На горку нашу детскую. Огромный сугроб мы, малолетки, сами залили водой ведрами из единственного на два квартала колодца. Собирались на ней все, пятнадцать, примерно, дошколят, делились на две команды и играли утром, днём и вечером в «толкучку». Сначала одна команда защищала верх горки, а вторая пыталась её с горки скатить по скользкому склону. Потом менялись. И было нам интересно, весело и жарко.

Мне было четыре с половиной года всего. Поэтому весь только что рассказанный эпизод я никак не запомнил бы в деталях. О дне смерти Сталина и о том, что мы говорили и делали в этот день, мне мама рассказала потом, лет через пять, совершенно случайно. И сейчас память выхватывает из того времени, из улетевшего как быстрая ласточка прошлого, какие-то отдельные обрывки, фрагменты, огрызки и ошметки той жизни.

Но что я помню сам, я расскажу. А с шестидесятых начиная, я помню почти всё. Но вот самое странное как раз в том, что очень многое ввинтилось в память и осталось в ней до старости именно из самых ранних моих лет, вопреки всеобщему убеждению, что малыши, вырастая, забывают начало жизни почти полностью.

Так вот я помню весь день, когда Левитан до вечера с перерывами, заполненными траурной музыкой, зачитывал народу советскому скорбный текст, который я тогда, ясное дело, не запомнил, а посмотрел его перед тем как печатать эти строки:

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР с чувством великой скорби извещают партию и всех трудящихся Советского Союза, что 5 марта в 9 час. 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и. Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин.

Перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа – Иосифа Виссарионовича Сталина.

Мы стояли на горке, когда Левитан прочел печальное это сообщение в первый раз. Но когда заиграл духовой оркестр и воздух на километр вокруг сжался от горестных траурных стенаний медных инструментов и оглушительных как выстрел звонов серебряных тарелок, нас всех неизвестная сила смела с горки и как магнит притянула к толпе. Я стоял сначала с краю возле ноги в черных брюках, опускавшихся волной на ботинки с толстой подошвой и свисающими до снега шнурками. Видно, мужик был высокий, потому, что голова моя в большой шапке с ушами все равно торчала ниже его стёганой фуфайки. Потом сверху на воротник моего тулупчика легла огромная пятерня хозяина брюк и ботинок с болтающимися шнурками, и грубый голос сказал мне с высоты, чтобы я не торчал там, откуда ничего не видно и не слышно, а ломился чтобы вперед, поближе к репродуктору.

-Вождь помер. Не хухры-мухры. Такого нового хрен где найдешь на замену. Ты, пацан, запомни: Сталин – он как господь Бог был. Силу имел, власть имел и разум не человеческий, а божественный, высший. Потому и в войну мы не пропали, а победили, и живем теперь счастливо тоже по его воле. А что теперь стрясётся, не угадаешь ни умом, ни разумом.

И рука подтолкнула меня вперед. Я всю его фразу запомнил, но ничего из неё не понял. От Бога меня родители с бабушкой с малолетства легко отогнали, а слово «вождь» мне напоминало «вожди». И связи я не уловил. И несся вперед со скоростью, заданной мне дядькиной ладонью. Двигался сквозь частокол ног как через кустарник лесной вишни. Почти все меня замечали и тихо толкали дальше. В перерывах между голосом Левитана и духовым оркестром было минуты три тишины. Вот она, тишина эта, и была голосом народа. Со всех сторон надо мной летали разные звуки. Кто-то рыдал из последних сил, некоторые всхлипывали и причи-

тали жалостливо что-то вроде «Как же мы теперь жить без тебя будем!», многие с горьким смыслом покашливали и сопели, остальные стояли молча, сняв шапки и глядя в вниз, в снег. Я пробился в первый ряд и посмотрел по сторонам. Людей было очень много. Считать до столько я ещё не умел. Народ стоял на почтительном расстоянии от столба с серебристым вытянутым громкоговорителем, все лица до третьего ряда были хорошо видны и, что меня очень удивило, не выражали ничего даже у тех, кто безудержно плакал. Людей накрыло всеобщее оцепенение. Дядька, возле которого я примостился, посмотрел на меня с ухмылкой и спросил хитро:

– Чего не плачешь? Все вон стонут, а ты, значит, Сталина не любишь?

– Так и вы не плачете, – я застеснялся и двинулся от дядьки в сторону. Но он успел прихватить меня за воротник, присел и подтянул к своему лицу. Оно у него было в рытвинах от оспы и морщин. Глаза блестели как у пьяного, хотя от дядьки водкой не пахло.

– Ты, окурок, запомни на всю жизнь этот день. Пятое марта пятьдесят третьего. Вчера вечером сыграл в ящик самый плохой человек на свете. Из-за него я в лучшие свои молодые годочки десять лет лес валил. Ну, ты понял чего-нибудь?

– Как не понял? Понял, конечно, – ответил я. Обманул дядьку. Обманул и пошел назад, натываясь то на дамские полусапожки, то на валенки или на белые фетровые бурки с коричневыми полосками. Выбрался, пошел на горку. На ней уже боролись, скатывались вниз, визжали и отряхивали снег с одежды все наши.

– А айда теперь к базару, – сказал я так убедительно, что все насторожились – Там тоже радиоприёмник висит. Поглядим, кто там собрался и сколько.

И мы пошли. Возле базарного репродуктора людей было намного больше. Столько народа в одном месте я никогда не видел. Мы остановились метрах в двадцати от толпы на пригорке снежном около продуктового магазина. Было уже около девяти утра. Стало почти светло. Но масса людей все равно была тёмной и хмурой. Издали видно было как она колыхается. Это народ переминался с ноги на ногу от холода. Но никто не уходил. Оттуда, изнутри месива человеческого происходили те же звуки, когда заканчивал Левитан и оркестр. Всхлипывания, плач и покашливание сотен людей, которых непонятно кто и как смог заставить стоять на морозе и слушать одно и то же по сто раз.

Самое странное, что лет в пятнадцать, внезапно и легко, однажды я вспомнил и как на киноленте увидел и услышал очень точно и отчетливо всё то, о чем только что рассказал. Но в 1953 году, 6 марта, я и не пытался что-нибудь понять или запомнить. Просто тогда это было, наверное, самым первым моим большим удивлением и потрясением в начинающейся жизни, которое уединилось в уголке души навсегда. До старости.

В детстве у меня было детство. Счастливое. Радостное. Причем радовался я всему и всё воспринимал так, будто по-другому и быть не могло. В этой повести я расскажу обо всём детстве своём. О тех событиях и людях, которые прилипли к памяти моей. Но не потому расскажу, что так хочется себя показать. Просто моё детство совпало с довольно короткой, но неповторимой эпохой, уникальной по простоте своей, доброте и чистоте. Совместилось детство с эпохой слегка странной, наивной и во многом просто несуровой и смешной, но честной, в основном справедливой и надёжной как солнце наше и родная земля. Хронологию в рассказе я соблюдать не буду. Дело не в последовательности жизни детской. Жизнь эта длилась с пелёнок до

конца подросткового возраста. Лет до пятнадцати. Хотя мне, пятнадцатилетнему, было ясно, как ярким днём, что я полноценно взрослый. Потому как именно в это время я ушел из дома в самостоятельную взрослую мужскую жизнь. Дома начались конфликты отца с мамой из-за его любвеобильности и дерзких походов «налево». Мама вела интенсивные допросы, отец врал, как мог, хорошо врал. Достоверно. Но слушать каждый день это было грустно и я пошел к приятелю, который жил один. Родители его погибли в аварии на трассе. На дачу ехали в автобусе, который перевернулся на повороте. Приятель Костя ничего не спросил, а показал пальцем на раскладушку в углу и пошел на кухню,

– Живи хоть до пенсии.

Он разбил сырое яйцо и вылил внутренности прямо в глотку. Костя пел в самодеятельности, в самопальном ансамбле, и обязан был содержать горло в тонусе.

На следующий день я пошел в строительный техникум, за который два раза выступал в соревнованиях на первенство области среди техникумов, попросил директора взять меня работать хоть дворником. Директор позвал физрука и они вдвоем решили поставить меня на выдачу инвентаря студентам на уроки физкультуры. И я начал зарабатывать здесь аж сорок рублей в месяц как несовершеннолетний. Взрослому платили бы восемьдесят.

Жить я стал как король. Ел в хорошей столовой напротив работы. В новый свой дом у Кости возвращался автобусом. Экономил. Но зато тратился беспощадно на книжки, французские одеколоны, которых в Кустанай засылали столько всяких разных, как будто перепутали наш славный городок с Берлином или Римом. К одеколону слабость генетически переползла в меня от отца. Покупал пластинки с хорошей музыкой, спортивные товары – от трико и кед до всяких эспандеров, гантелей и даже шиповки купил собственные, хотя казенных, выданных в спортобществе, имел три пары. В общем, на широкую ногу, размашисто проживал. Тренировался, учил школьные уроки в паузах между выдачей лыж или мячей. К восьми утра бежал в школу, а в час дня уже сидел в техникуме, выдавал и принимал инвентарь. И радовался, что теперь я взрослый и хозяин себе сам.

Ну, это эпизод из детства, пограничного с юностью. Поэтому о нем сказал всё. Пойдем назад. К детству детскому. Имена и фамилии людей, с которыми сталкивали меня всякие события, я изменил. Потому, что не знаю – где они сейчас и хотят ли быть соучастниками моей блажи: написать повесть о далеких прошлых событиях и людях, упомянутых настоящими именами.

Я понимаю, что ни детство моё, ни жизнь сама в принципе никому из читателей совершенно не интересны. Каждому вполне хватает воспоминаний о себе маленьком, юном, взрослом и старом.

Но повесть эта и существование моё в самом нежном отрезке своего бытия как Земля на трех китах держится на пятидесятых годах, шестидесятых и семидесятых. Я хочу, чтобы вы притронулись к тем временам через мои ощущения собственного появления на земле, удивительной жизни моего крохотного тогда города Кустаная и разгона вверх и вперед невероятно замечательной огромной страны СССР.

Из них неуклюже складывается мозаика маленькой моей жизни, переполненная цветами яркими, радостными и праздничными.

В семь лет я уже почти утонул и умер, втянутый вихревой воронкой в нашей любимой речке Тоболе. Крохотным и ещё не тренированным умом своим я, припечатанный водоворотом ко дну, как-то догадался, что умираю. Но тогда я ещё не видел чужих смертей вообще, о возможности своей не думал никогда и потому страх близкой гибели опутал мой разум и тело как толстая веревка. Кто-то очень сильный громко крикнул мне из ниоткуда: «Не сопротивляйся, прикинься мёртвым и лежи на дне». Воздух из легких выскакивал изо рта мелкими пузырьками, но всё-таки ещё оставался. Каким-то образом удалось расслабиться, обмякнуть и начать вращаться в песке и гальке. Сначала меня крутило быстро, через несколько секунд вращение резко прекратилось и меня швырнуло в сторону так сильно, будто, действительно, кто-то выдернул меня этой веревкой. Я всплыл на поверхность метрах в двадцати от воронки и стал заглатывать воздух кубометрами. Когда надышался, поплыл к друзьям. Они по очереди ныряли вокруг водоворота. Меня искали. Я заорал как радиоприемник с утра кричит про доброе утро всем товарищам. Громко и радостно.

-Я тут. Я не утонул! Живой!

Это был мой первый настоящий, на всю жизнь въевшийся в сознание, счастливый праздник. Я уже почти исчез из жизни, но всё обошлось без печали и слёз родных с близкими.

Счастье и радость просто липли ко мне и раньше этого случая, и после него. как комары вечером возле воды.

Кустанай пятидесятых и шестидесятых сам по себе был тем местом, где счастье и радость вместе со всеми свободно гуляли по всему нашему миниатюрному городку, и разминуться с ними было невозможно. Так я тогда чувствовал.

Тётки в белых фартуках, напаянных на фуфайки или домашние халаты носили на ремнях через плечо фанерные ящики, обитые сверкающей белой жёстью. В ящиках лежали особенные, неповторимые как тульские пряники, кустанайские фирменные ливерные пирожки. Их вкус не могли удержать ни крышка ящика, ни сам ящик. Запах этого вкуса разлетался, проламываясь сквозь заточение на волю, и носился над улицей. Не купить пирожок-другой было невозможно. Человек взрослый или шмокодявка восьмилетняя, идущие вперед по своим делам с промасленными кулками, жирными руками и пирожками в зубах, были естественной и органичной частью городского пейзажа. Причем жевали их все слои населения. Коренные кустанайцы, ссыльные с 37 по 54 годы, несчастные, неудобные властям люди из разных краёв; бывшие зеки на вольном поселении, пацаны с девочками, пролетариат и интеллигентная публика. Ветры довоенных, военных и первых после победы разборок государства с народом, выделяющимся опасной интенсивностью ума, уносили умников и потенциальных критиков окрепшего строя за уральские горы, в азиатскую глухомань.

Весь этот многослойный и наспех перемешанный людской коктейль разливался почти на одном пятачке. А поэтому население проникалось несвойственными для разных слоёв счастливового советского общества одинаковыми правилами, законами неписанными, традициями, перемешанными с местными и завезенными издалека, и одной культурой, сшитой из совершенно разных материалов.

В Кустанае тех лет почти святой обязанностью любого жителя было регулярное посещение областного драматического театра. Что крайне изумляло гостей города и командированных. Артисты в нем были на редкость хорошие, яркие и талантливые. Какое-то время по таинственной причине жил у нас и выходил на сцену в главных ролях потрясающий и переполненный шармом Василий Васильевич Меркурьев. Народный артист и любимец. И он, и все не народные играли с душой, увлеченно, самозабвенно. Наверное, потому, что в театр всегда ходили только благодарные, воспитанные на высокой литературе и обожающие местную режиссуру граждане. А уважали культ Мельпомены все жители поголовно. В городе не было, наверное, ни одного человека, кроме прикованных к постели тяжелой болезнью, кто не посмотрел хотя бы пары спектаклей. Дощатый пол зрительного зала был всегда так перегружен, что не проваливался только чудом. В зале одинаково вдохновенно сидели рядышком, отмахиваясь от духоты большими листками программ, учителя, врачи, пролетариат, откинувшиеся условно-досрочно уголовники, ссыльные и освободившиеся политические. Регулярно приходили служители культа из единственной церкви, студенты, пенсионеры и разночинные представители власти. Там народ исполнял сразу три желания: себя показывал, на других поглядывал и запоминался общему собранию зрителей как человек культурно развитый, а не затюканный обыденностью бедолага. Одевались граждане, приходя в храм искусства, в лучшее своё. Как на праздник. Даже блатные надевали и не снимали свои лучшие клетчатые кепки и художественно сплетенные вручную кожаные брючные ремни с разными узорами и бляхами, отлитыми в виде тюремного окошка с решеткой. Гуляли по фойе до второго звонка степенно, красиво, достойно. Я тоже ходил в театр лет с восьми на детские спектакли и в юности – на взрослые. И все мои дружки и подружки часто светились то в фойе у буфета, то на последних рядах и балконе.

Напрасно люди из больших городов часто держат провинцию за отхожее место. Точнее – за болото, в котором только пьют водку, играют на гармошках, в домино и в карты, ругаются матом и через силу ходят на нелюбимую работу.

Это, конечно, заблуждение и несусветная гордыня людей, замороженных непомерными масштабами своих раздувшихся городов. Местечки провинциальные выносят на самые вершины любого дела побольше талантов, чем столицы всякие и нашпигованные кем ни попадя «миллионники».

Вообще, сумбур послевоенный и пугливая несправедливость тех ещё чиновников послевоенных, подозревающих в ярких гражданах скрытых подрывников советской власти, неожиданно сделали доброе дело. Они собрали в Кустанае такой пестрый интернациональный и статусный калейдоскоп из граждан Союза, что в нем одновременно мирно жили отпетые отсиженные бандиты, воры и разбойники, авторы учебников, по которым учились в школах и в институте нашем педагогическом. Всякие профессора, ученые, первоклассные врачи, актёры, удивительно талантливые инженеры, рабочие самых нужных отраслей с высшими разрядами, аристократы чуть ли не в пятом поколении и колхозники, изгнанные из родных краёв за несвоевременные свежие мысли об оживлении деревни. Отсюда и общая атмосфера городская вдыхалась всеми с учетом того, что дышали в атмосферу эту очень контрастные по житейским понятиям и правилам земляки.

Я, например, с семи лет записался сразу в три библиотеки из девяти, а ещё кроме спортзала честно и не без пользы всегда ходил до 15 лет в кружок киномехаников, радиолюбителей, мастерскую художественного выдува из стекла, в изостудию, в музыкальную школу по классу баяна и на курсы юных водителей грузового транспорта. Но время всё равно оставалось. На драки «улица на улицу и район на район», на первую любовь, на лыжи зимой. Мы с пацанами катались на них с горы, падающей к Тоболу, а ещё мотались на коротких лыжах, привязанных к валенкам сыромятными ремнями, за тридцать восемь километров в воинскую часть, где за белым бетонным забором возвышались холмы, а на них стояли военные «студебеккеры» с радарными и высотомерами. Нас пускали через проходной пост, кормили в белостенной солдатской столовой на длинных, метров по пять, столах. Потом водили по части, запускали на пять минут в огромные будки радарных машин, набитых от пола до потолка всякими приборами и экранами. Потом мы, радостные и сытые, пёрлись, уже помедленнее в город. Домой попадали уже в темноте. Всё, о чем я так долго рассказывал сейчас, всё, что вспомнил, было и радостью постоянной, и счастьем. Которые, я повторю ещё раз, приходили каждый день как дорогие родственники в гости. Их не надо было искать и звать. Они сами хотели первыми найти тебя и быть рядом всегда.

Осенью пятьдесят восьмого, в середине ноября моих родителей уголовники раздели на улице. Отец с мамой шли с последнего сеанса кино из клуба. До дома оставалось метров двести. Трое в кепках с козырьком, опущенным до глаз и в серых одинаковых полупальто с поднятыми воротниками достали из голенищ сапог ножи-финки и тихо сказали, что именно надо снять и положить рядом, перед ногами. У отца было серое красивое длинное демисезонное пальто, такая же шляпа из тонкого фетра и теплые ботинки на меху. твидовый темно серый костюм, шарф из плотного шелка, бежевый с тисненными на ткани лилиями. Китайский шарф. Добротный. Мама шла в вишнёвом пальто, сшитом собственными руками на бабушкиной машинке «Зингер». На голове держалась шпильками за волос кокетливая модная шляпка того же цвета. На ногах новые полусапожки. В Киеве купила. Когда ездили с отцом к её родственникам, в семью родной бабушкиной сестры тёти Кати. Польки, которая чудом не залетела за Уральские горы, ухитрившись в Слониме выскочить замуж за ценного военного инженера, русского дядю Федю. Он её и спас от повального переселения, потому как был в большом авторитете и делал все, что хотел. Он и увез её в Киев. Вот эту шляпку уголовники попросили снять. Вместе с пальто, платьем, тоже самостоятельно сшитом из какой-то очень модной ткани. Мама была модницей без границ и обшивала своих подружек, тоже полячек, которых в городе было больше десятка. Полусапожки тоже легли рядом на землю.

– Что в ридикюле? – спросил один из грабителей, не приближаясь.

Мама высыпала на землю зеркалаще, помаду,

семьдесят пять рублей и маленькие ножницы для подравнивания ногтей.

– Кидай всё обратно, – хмыкнул уголовник. Они воткнули ножи за голенища, бросили одежду и обувь в мешок, скомканный за пазухой у одного из них, и все трое махнули родителям руками в сторону.

– Идите. Не оглядывайтесь.

Такие ограбления в Кустанае были явлением обычным. Ну, вроде внезапно откуда набрасывающегося на город ветра из степи. Спротивляться было бессмысленно, поэтому ограбления обходились без жертв. Родители, радуясь тому, что обошлось без поножовщины, тому, что было темно и вокруг никого, добежали до дома, не успев замерзнуть ноябрьским вечером с маленькой минусовой температурой. Они, собственно, даже испугаться не успели. Тем более, что похожим раздеваниям счет шел за пару сотен в год.

– Ого! – сказала бабушка. – На лихих напоролись. Ладно, поесть я вам на печке оставила. Не остыло ещё. Ешьте, да спать ложитесь. На работу не опоздайте. И она ушла в полуподвал к тёте Оле. Ночевала у неё. А утром пошла к двум Иванам, в угловой дом нашего же квартала. Два Ивана были в Кустанае главными среди бандитов, воров, грабителей и прочих блатных. Бабушку мою Настю знали и уважали все в нашем крае, который звался «Красный пахарь». Потому как она работала почтальоном и всем делала доброе дело: газеты носила, письма, долгожданные всегда, телеграммы и почтовые денежные переводы. Про двух Иванов я потом расскажу побольше. Они в моей жизни поучаствовали основательно, причем с заметной для меня пользой, которая не стёрлась вплоть до моих старых лет.

Она рассказала Иванам про случай с моими родителями. Длинный Иван погладил её по плечу и успокоил:

– Ты иди, баба Стюра. Всё будет обгимахт.

– Своим передай, пусть не переживают, – добавил Иван маленький и крепкий как молодой бычок.

На следующий день рано утром, часов в семь, в дверь, которая стояла на лестничной площадке и закрывала сенцы, отгораживая проходную летнюю комнатку от жилой, постучали. Бабушка пошла открывать. На площадке стояли два мужика с мешком.

– Вот, – сказал тот, который держал мешок так, будто нёс в нём большой букет нежных цветов. – Извиняйте, ежели не так чего. Ошибочка случилась.

– Не со зла мы, – вставил второй – И ты, Стюра, зла на нас не имей. Тут, правда, не всё. Кореш наш успел вчера смахнуть кое-что. Но основное тут. В целости. Как было.

– Ото ж и лиходеи вы! – бабушка легонько толкнула одного в лоб. – А тебе Володя, там письмо пришло. Не оформили ещё. От матери. Вот возьму, да не отдам. Поплачешь у меня, родимец стогнидный!

– Баба Настя, да ни в жисть больше. Зуб даю! – зашептал Володя, – запомнил я твоих. Глухо теперь. Не держи зла. Не повторится больше. Век воли не видать!

Я слушал этот разговор. Двери были приоткрыты и в узкую щель холодной и скользкой змеей вползала в комнату осенняя изморозь. Бабушка внесла мешок в комнату и крикнула родителям, которых не было видно из-под толстого пухового одеяла:

– Эй, лодыри, айда вставать. Тут два деда Мороза вам мешок принесли с подарками. Разбирайте.

Отец, заправляя майку в сатиновые длинные трусы, слез с высокой панцирной кровати и высыпал всё из мешка на пол.

– Аня, ты глянь. Люди то вчерашние совесть нашли в закоулках души. Вещи наши принесли. А как догадались где мы живем – не понятно. Ну, да и не важно.

Мама тоже, поправляя мягкую комбинашку, спустилась с кровати и стала перебирать вещи. Не было только шляпки и отцовского шарфика с лилиями. Да, платья мамино тоже не было. Остальное выглядело выглаженным и почищенным щеткой.

Все обрадовались очень. Смеялись и хлопали в ладоши. А мама сказала, что платье такое точно на этой неделе сошьет. И шарфик отцу принесет такой же. У подружки Риты возьмет. Она тогда мужу два купила, а мама своему – один.

И я радовался вместе со всеми. Хотя чему радовался – не знал. Мне тогда ещё ничего никто не рассказывал. Просто хорошо было от того, что все смеялись и обнимали бабушку.

Приятно в тот момент было понимать – как хорошо жить на свете. Что осень еще не все листья съела на деревьях. Что мне уже девять лет и я учусь на пятерки. Что сейчас сяду уроки делать, а потом останется немного времени и я порисую цветными карандашами, которые родители подарили мне месяц назад в день рождения. Моё маленькое, но яркое счастье сидело рядом со мной и тоже радовалось всему, что было так хорошо устроено в нашей жизни. Родители пошли собираться на работу. Бабушка начала лепить пельмени на ужин. А мы с моим счастьем сели на подоконник и с радостью глядели на восток, который медленно выталкивал из-под земли в темное пока небо золотистый шар солнца. Вот выплывет оно целиком, выплеснет на землю свои сверкающие лучи и разбудит всё в городе. И придет новое доброе утро, а за ним добрый день и всё та же радостная добрая жизнь.

Глава вторая

Я сам от себя не ожидал такой шустрой скорости старения. Вот ещё вроде позавчера мне, семилетнему шкету, в нашем магазине без очереди давали любимые брикетки – маленькие бежевые кубики сухого, как катком утрамбованного, какао и кофе с сахаром. Очередь каким-нибудь ласковым тёткиным голосом пицала:

– Оце ж парубку треба швидко! Вони ж, малые людны, зробливые, дома працюють, батькам допомагають. Їм треба солодкого більше кушати. Сілі набирати!

– Хлебом клянусь, да! – обязательно подпевал достойный грузин или чеченец из конца очереди. – Этот джигит работа боится не успеть. Гляди туда-суда: рука грязный по колено, да. Он же слесарь на заводе, вай! Пропускай давай, а!

Я набирал шесть кубиков на рубль и десять копеек, а ещё на рубль покупал два брикета полусухого фруктового чая. Этот набор заменял мне на весь день и кино, и пять стаканов семечек, и два больших брикета эскиммо на палочке, да ещё четыре стакана газировки с сиропом

по тридцать копеек. Потому, что сравнится с прессованным какао и черничным или грушевым чаем не могло ничто.

Ела всё это без передышки одна мелюзга чепухового возраста от пяти до восьми лет. Стоил кубик удовольствия восемь копеек. С родителей сдирали по два двадцать на эскимо, а покупали на все кофе и какао.

Так вот в пятьдесят девятом году я постарел до десяти лет и уже не будил у очереди сюсюкающих возгласов и нежных чувств, которые любая мелочь пузатая эксплуатирует нагло и бессовестно. В десять лет я, похоже, оценивался очередью как отец трёх детей и минимум начальник строительно-монтажного управления.

– За мной будешь, – говорила румяная, насквозь пропитанная удушливой «Красной Москвой» созревшая для замужества деваха.

И уже тогда я понял, что у старости преимуществ меньше, чем у сопливого малолетства. А сейчас, прожив семьдесят, просто удивляюсь – как же тогда мне удалось сформулировать диалектически верное философское резюме.

То есть, если ты с пеленок и примерно до конца школьных мучений нужен сначала родителям, родственникам, куче друзей, девчонкам, одуревшим от вскипевших ранних гормонов, а в итоге к восемнадцати в тебя намертво влюбляется военкомат, а за ним и стройные ряды советской армии, то в реальной старости... Ну, чтобы не отвлекаться на печальное, я расскажу ещё и про веселый культ семечек в Кустанае. Не знаю, все ли города Казахской ССР были насквозь поражены тогда могучей притягательной страстью разгрызания семян подсолнуха, но Кустанай и область наша развалились бы через неделю и народ убежал в подсолнуховую Сибирь, если семечки фантастическим образом злая сила изъяла бы из рациона наших граждан. Их грызли везде. Интеллигенция ходила по городу с кулками из почти негнущейся магазинной бумаги или газет, лузгала их культурно, на землю лузгу не сплёвывала, а рассовывала по карманам и высыпала в попутную урну, которых было почти столько же, сколько населения в городе. Народ, не испуганный избыточным образованием и утонченным воспитанием, комплексов имел поменьше. Грыз семечки на ходу, сидя, лежа, когда работал и когда отдыхал. Плевали лузгу перед собой, вбок и назад, не стесняясь ни редких милиционеров, ни интеллигентов с кулками. Не грызли только во сне, в кабинете у начальства и когда плавали в Тоболе. Ну, в единственной церкви сдерживались лузгать, да в гробу ещё, само-собой. После сеанса в кинотеатре или клубе на работу выходила целая бригада с вениками, совками, ведрами и до начала следующего сеанса в поту освобождала пол от плотного серого и черного сантиметрового налёта кожурок под креслами, между ними, в проходах и за дверьми выхода из зала.

В моей родимой деревне Владимировке, заселенной наполовину бывшими уральскими казаками, (которые почти все были друг дружке хоть дальними, но родственниками), а наполовину немцами с Поволжья, можно было завязать за околицей любому глаза, раскрутить его и пустить в вольную: иди, мол, домой. Если это был казак, то он безошибочно, ориентируясь исключительно по хрусту под ногами, пришел бы на свою половину деревни, а там уже уменьшение треска лузги или, наоборот, усиление, привело бы его и на свою улицу, и к дому родному. Когда в казацкой семье объявлялись частые гости, то за столом в горнице самогон все заедали солеными огурцами, салом и загрызали семечками. После трудного распознания гостей по домам, а хозяев по лавкам и печкам, молодое поколение семьи без напоминаний

мётлами сносило лузгу к порогу в кучу, а потом в ведро её и на улицу. Курам или свиньям в корыто с их неопределенной по составу густой едой.

Тогда у Кустаная герба вроде бы не было. Но если б его сделали, то он мог выглядеть как гора белых, серых и маленьких черных семечек на фоне лучезарных подсолнухов.

Дома мы каждый вечер садились все вместе после ужина разговаривать. Бабушка делилась экономическими недостатками и убытками, мама рассказывала о чудесах в своей школе и допрашивала меня о чудесах в моей.

Отец вспоминал тяжелый творческий день, заостряя общее внимание на своём безвылазном сидении на стуле весь день. Мама морщилась, но терпела и тему не меняла. Пол перед посиделками плотно застилали газетами, отбракованными в типографии, когда отец дежурил выпускающим. Он привозил их из типографии пачками, перевязанными шпагатом. Газеты подсовывались под три кровати, стол и, свернутые трубочкой, затыкали пространство под шкафом для одежды. И все начинали с треском и звуками сухих плевков погружаться в почти шаманский ритуал лузгания семечек. Сам процесс каждый раз смотрелся по-разному в зависимости от темы беседы, накала страстей и дневной усталости. Семечки наша семья употребляла только большие серые, но они почти всегда готовились разнообразно. Бабушка либо вначале держала их минут десять в нерафинированном подсолнечном масле, после чего обжаривала на противне в печке, либо сыпала противень солью и по ходу обжарки перемешивала семечки большой деревянной лопаточкой. Семечек у нас было много, как и у всех, кто имел своих в деревне. Из Владимировки отец с братом привозили на бензовозе дяди Василия, мужа их сестры, сразу несколько мешков. Дед Павел, для своих – Панька, на время останавливал свой маленький пимокатный подпольный цех и заготавливал запасы семечек и со своего необъятного огорода, и с поля бахчевого, который сторожил в сезон созревания арбузов. Бахчи были вокруг в пять рядов зажаты кольцами из подсолнухов. В общем, хватало всем.

Обычно мы заплёвывали пол кожей часов до десяти вечера. К этому времени уже исчерпывались актуальные темы дня и подбивались семейные финансовые сальдо и бульдо. Потом все газеты аккуратно стягивались со всех сторон к центру, концы крайних газет поднимались и лузга ссыпалась в большую кучку. Её укрывали с боков и закатывали в толстый рулон. Боковые дырки рулона загибались вовнутрь и бабушка выносила его во двор и придавливала сверху кирпичом. Утром кирпич снимали и поджигали газету. Через полчаса на земле оставался серый пепел, который бабушка хоть зимой, хоть летом сыпала лопатой в ведро и разбрасывала удобрение в палисаднике, где росли деревья зимой, а летом вместе с ними много разных цветов.

Семечки все от первоклашек до выпускников носили в школу, грызли бесшумно на уроках и громко на переменах. Учителя грызли их в учительской, а как вытерпели сорок пять минут преподавания без лузганья, сказать трудно. Наверное, у всех учителей в институтах был предмет по укреплению силы воли и психологического самоконтроля.

На центральном базаре было пять длинных рядов, покрытых сверху досками и толью, чтобы уберечь продавцов от солнца, дождя и снега. За ними стояло единственное монументальное здание с четырьмя входами и огромными окнами. Это был самый главный павильон – мясной. А из пяти крытых рядов один полностью оккупировали продавцы семечек. Ряд был длиной метров в сто, но торговцы стояли друг к другу так плотно и сплоченно, что издали

напоминали заградительный отряд, сквозь который без повреждений мог прорваться только военный танк или трактор С-80.

Базарные семечки существовали для иногородних, местных бедолаг без родственников в деревнях, для школьников, студентов учительского института и медицинского техникума. Сюда же бежали служащие из разнообразных контор, которым никак нельзя было появляться на работе с мешочками или кулками. Они покупали по паре стаканов, засыпали семечки в карманы и потому делали на базар по три-пять рейсов за день.

Все остальные горожане считали унижением покупать на базаре любимый продукт питания, что могло истолковываться случайно встреченными знакомыми как отсутствие надежных, бесперебойных источников поставки семечек прямо с плантаций. Кстати, если сгрызть сразу пару стаканов семян подсолнуха, поджаренных на масле, да подсолненных, то с виду пустячное мероприятие вполне могло заменить обед из трёх блюд. Настолько калорийны эти маленькие волшебные зёрна.

Фирменный кустанайский обряд обожествления подсолнечника и его семян, он же – народная традиция и почти священная часть культуры местного бытия сейчас потеряли значимость свою и колоритный шарм. Недавно летал я на могилу отца, а потом на машине брата долго ездил по родным памятным местам. Мало чего узнавал, путался в новостройках и просто был в безжалостно обновленном центре города. Но понимал, что инициаторов прогресса провинции и доведения её внешне до подобия мегаполисов можно только отравить всех разом и оставить город в его старом уюте и первозданности. Но тут же догадывался, что инициаторов-активистов пришлют новых, а город всё равно додолбят-таки до красивой безликости.

Но меня потрясло не столько издевательство архитектурное, сколько исчезновение той греющей душу прелести, которую являли собой семечки на улицах, тетки с ящиками, полными неповторимых ливерных пирожков, веселые продавцы, залётные дети гор, делающие пушистую сахарную вату и старьевщики на лошадях с телегами, которые объезжали окраины и собирали тряпье.

На нашу Ташкентскую улицу со свистом, улюлюканьем и прибаутками в пятидесятых годах раз в неделю врывался седой цыган Харман на гнедой кобыле и увешанной воздушными шарами телеге. Он всегда останавливал кобылу на углу возле маленького сквера, давал ей из телеги хороший комок какой-то травы, а потом садился на свои мешки и орал со всей дури:

– Я лихой цыган Харман. У меня большой карман. В том кармане все твоё! Приноси сюда старье!

Пацаны малые и девчонки из трёх ближних кварталов его давно ждали и когда кобыла, фыркающая, вылетала из-за угла, начинали хлопать в ладоши и выстраиваться в очередь. Все были с мешками и хозяйственными сумками, набитыми выпрошенным у родителей рваным и мятым тряпичным барахлом.

Цыган, продолжая говорить стихами и прибаутками, взвешивал каждый комок тряпок на безмене, после чего выдавал сдатчику расчет. Это была либо глиняная разукрашенная свистулька с дырочкой, которая, если правильно дуть и зажимать дырку, издавала пронзительные звуки, напоминавшие стон умирающего или жалобный вой шакалов, которые часто забегали зимой из степи на окраину города. Либо он давал из ящика перетянутую резинкой тонкую

пачку воздушных шариков. Но больше всего везло тем, кому Харман торжественно двумя руками подавал сразу три красных сахарных леденца на палочке. Это всегда были петух, не входивший целиком в рот, заяц с высокими ушами и пятиконечная пурпурная звезда.

– Только вчера с Кремля снял для тебя, дорогой! Те аве;н бахтале;, зурале;! Значит – будь здоров, дорогой!

Он стоял на углу примерно час. Приходили и взрослые с большими мешками, скидывали мешки старьевщику, но ничего не брали. Покурят с цыганом, поболтают и уходят. А дети их ещё раньше все скинули в телегу и дули в свистки, накачивали ртом шарики и обсасывали петухов с зайцами. Это были дни счастья. Лошадь. Красивая телега. Пестрый маленький островок цветастой радости. От него, островка этого, пахло сеном, теплом старых тряпок, одеколоном «Русский лес» с курчавых волос Хармана и вкусным сахаром от петухов и зайцев из ящика. От него не хотелось уходить и не думалось о том, что скоро он уедет сам, оставляя меня в ожидании и замечательных надеждах на то, что в следующий раз Витка выиграет не свисток, а шарики, а свисток достанется мне.

Я рос. В четырнадцать почему-то потерял интерес к ожиданию старьевщика и больше никогда не дул в однажды всё-таки полученный и лежащий дома в жестяной банке глиняный свисток, похожий на несчастную птицу, которой зря пробили дыру в боку. Только вкус петушков на палочке не стерся в памяти. Он остался как самый замечательный аромат отставшего от скорости моей жизни детства.

В десять лет благополучно завершился второй акт пьесы «моя детская жизнь», которую мы дружно писали и исполняли вместе с этой самой замечательной и непредсказуемой жизнью. Первый акт проскочил, когда стукнуло пять, но цветов на сцену после него никто не кидал, не кричали «браво» и бурные аплодисменты гремели только от ладоней папы с мамой. Они через силу, но вынуждены были высоко ценить сам факт моего наличия у них и на белом свете в частности. Потому как эгоистичной и почти безмозглой была эта начальная часть существования. Вот в десять лет у тебя уже есть солидный, весомый и частично уважаемый взрослыми житейский багаж. Его я нёс уже не так легонько, как в первую свою пятилетку. Потому как оброс увлечениями, какими-то умениями, черпнул маленько ума из книжек всяких, школьных и библиотечных, да от поживших и натренированных житеём мужиков и мужчин. Делил я свой пол на две части так: мужики – это народ свойский, близкий по развитию к нам, взрослеющим детям. Книжек они к своим сорока годам осилили не больше меня, кино смотрели тоже про любовь и шпионов, с удовольствием ходили даже на мультфильмы про белочек с зайчиками. Занимались мужики в основном делами, которые и нам, пацанам, были под силу. Копали чего-то где-то, пилили, носили и возили, разгружали вагоны на станции и перебуртовывали деревянными лопатами на элеваторе зерно. Они же любили играть в разные игры, как и мы. Только игры немного отличались. Они резались в «дурака» и стучали об столик возле чьих-то ворот костями домино, изредка дулись в шашки и еще реже в шахматы.

А мы играли в «чику», например. Разбивали большой гайкой-битой столбик из монет с расстояния, а потом разлетевшиеся в стороны монеты ударом биты старались перевернуть с «орла» на «решку» или наоборот. Выигрывал тот, кто разбивал удачно и переворачивал умело.

Ещё играли мы в «люру». Или в «лянгю». Одна игра по-разному звалась в разных частях города. О! Это была даже не игра, а один из видов искусства циркового. Каждый из нас делал

себе «люру» сам. Под себя. И никогда не давал её никому. Сам чужую тоже не брал. Играть не своей «люрой» было неудобно и всё получалось хуже.

Я сейчас подробно опишу скучный для женщин процесс изготовления «люры». Женщины запросто могут его перескочить и продолжать чтение со следующей темы, читать это скучно. Да и вспоминать нечего. Но описание это я делаю и не для мужчин. Хотя старики, конечно, вспомнят и саму игру, и годы молодые. В общем, то же самое вспомнят, что и я. А вот для малолеток и подростков очень полезным может стать этот эпизод. Если, конечно, их деды прочтут и попытаются переключить своих пацанов с калечащих позвоночник компьютерных стрелялок на живую дворовую игру, которая развивает физически лучше фитнеса и не хуже футбола с хоккеем.

Значит так. Мы собирались у кого-нибудь из наших во дворе. Витька Жалмай приносил банку из-под краски и маленькие крышки от вазелина, Вовка Жук щепки, бумагу и спички, Толик Лось воровал из дома большую суповую ложку, нож и ножницы, Саня Немец доставал в отцовском гараже для мотоцикла самое дорогое – большой кусок, отрезанный от старого тулупа. Снизу у куска была прочнейшая сыромятная кожа, а сверху высокий курчавый мех. Я имел кликуху Чарли, родившуюся от моей самозабвенной любви к фильмам с Чарли Чаплином. Моя задача была стащить у дяди Миши из нашего дома старый аккумулятор, который он зачем-то привез на своей инвалидной тележке аж от базара. Он поставил его сбоку от своего крыльца и больше к нему не притрагивался. Я с трудом приволакивал его на рабочее наше место, откручивал крышку с одного отделения и мы с кем-нибудь длинными гвоздями медленно выковыривали из него две свинцовых пластины. Потом пластины сгибали почти в комок и кидали в банку. Ставили её на два раздвинутых кирпича, под банку кидали газету со щепками и поджигали. Через пять минут свинец расплавлялся. Лось помешивал его ложкой, а уж тогда разливали вонючую жаркую жидкость из горячей банки, обмотав её мягкой Витькиной кепкой, по крышечкам от вазелина. Свинец застывал так же быстро, как и плавился. Его сразу выбивали из крышек и повторяли процедуру столько, сколько надо было свинцовых бляшек для двух «люр» каждому. Я втихаря оттаскивал аккумулятор дяде Мише под порог, Жук доставал из кармана катушку шелковых ниток и воткнутую в них толстую иглу. Ждали пока свинец слегка остынет, потом гвоздем протыкали в кружочках четыре дырки и каждый вырезал себе из куска меха верх «люры», парашют, благодаря которому она удерживалась в воздухе ровно и так же ровно опускалась вниз, на ногу. После всего этого начиналась художественная резьба по свинцу. Каждый сам себе остругивал ножом кружок свинца подходящей толщины и диаметра, подравнивал его до правильной круглости, а потом все по очереди пришивали плотно свинец к коже. Занятие было долгое и мучительное. Шкура прокалывалась строптиво. Но в итоге получались отличные люры которых заботливому игроку хватало на год минимум.

Ну, сама игра была почти цирковым номером, это я уже сказал. Надо было, постепенно наращивая количество подбивов люры сначала одной, а потом другой ногой, как можно дольше не давать ей упасть. Потом то же самое проделывалось одной ногой, но не касаясь земли. И самая серьёзная часть игры оставлялась на конец. Надо было, прыгая «козликом», удерживать свинцовую штукину в воздухе, подбивая её правой ногой в прыжке, но с левой стороны тела. Сам я играл неплохо, но в чемпионы не выбился ни разу. Лучше всех и дольше держали в воздухе меховой парашютик Лось и Немец. Они выигрывали и у пацанов из других районов города, с которыми по графику мы жестко дрались за звание самого «пацанского» района и так же, по расписанию, абсолютно мирно и дружески рубились в люру. Такова была наша хоть и не спортивная, но подвижная подростковая жизнь.

Отвлекся. Про мужиков и мужчин начал рассказывать. Так вот мужчинами мы считали тех, кто закончил минимум семь классов, тем более, если десять. Они работали на заводах и фабриках, в проектно-институте или в Доме культуры, читали книжки, не бегали на прожженую всякой шушерой танцплощадку в парке, имели мотоциклы или «Москвичи-408», не играли в карты и не жрали литрами плодово-ягодную бормотуху, как мужики. У них были крепкие семьи, красивые жены и розовощекие дети.

И с теми, и с другими мы часто общались и набирались от них, кто чего хотел и кому что нравилось.

Настоящими первосортными мужчинами весь Кустанай подростковый считал наших двух Иванов. Ивана большого и Ивана маленького. Оба они были «ворами в законе» из Ленинграда, но после отсидки в нашей кустанайской «четверке», зоне строгого режима, их оставили здесь же на поселении и в Ленинград не пустили. О чем, по моему, никто из них и не страдал. Они жили в угловом выбеленном доме на углу нашего квартала, спиртное не пили, курили папиросы «Казбек» и «Байкал» занимались штангой во дворе у себя и боролись каким-то странным и хитрым способом. Мы смотрели внимательно через щели в воротах, но не понимали, как они ухитряются незаметными движениями валить друг друга на землю. Два Ивана пару раз в неделю выходили вечером из ворот и кричали налево и направо:

– Эй, шпана, подтягивайся сюда бегом!

И мы бежали радостно, будто нас звали в кино бесплатно или так же бесплатно прокатиться в автобусе по шестому круговому маршруту через все городские окраины. Нас звали настоящие мужчины, у которых вся комната была заставлена книгами как в библиотеке, стояла радиолка, на которой под салфеткой лежали долгоиграющие и простые пластинки с разной музыкой. На одной из верхних пластинок Ташкентского завода я даже успел прочесть однажды «Иоганн Штраус. Вальсы». Два Ивана пропускали нас пятерых во двор, заставляли снять кеды или ботинки и мы шли в дом разговаривать о взрослой жизни. То есть о тайне, которую нам рано или поздно предстояло разгадать.

В этот раз они позвали нас, а мы побежали наперегонки с насиженной Витькиной скамейки, тёплой осенью, вечером в сентябре, когда степной ветер уже сшибал с наших уличных клёнов, берёз и огромных тополей разноцветные листья.

Сегодня маленький Иван налил нам по стакану горячего чая красноватого цвета. Я такого нигде не видел и не пил. Был он немного горький и вязущий. Глоток выпьешь и сразу после глотка сказать ничего не можешь. Рот как будто склеивался на какие-то мгновенья. Большой Иван клал возле каждого стакана по куску колотого сахара. Тогда, посасывая сахар после глотка, можно было говорить сразу. Губы не стягивало.

– Это чай? – осторожно и недоверчиво поинтересовался Вовка Жук.

– Не похож на чай-то, – добавил Немец, воткнувшись носом в стакан.

Иван большой пошел к буфету и вернулся с красивой, расписанной странными буквами и замысловатыми узорами желто-коричневой жестяной банкой размером с литровой бидончик для молока. Он отвинтил крышку и дал каждому посмотреть внутрь и понюхать. Листочки чая свернулись в толстенные коричневатые трубки и на всю комнату выбросили из банки

запах коры то ли вишни нашей лесной, то ли молодой яблони «лимонки» из Чураковского сада, подкравшегося издали к берегу Тобола.

– Это чай с острова Цейлон, – Маленький Иван поднял вверх большой палец. – Сорт экстра-люкс. По-другому, самый лучший, значит. Кто знает про остров Цейлон? Ну, шпана!

– Я знаю! – неожиданно даже для себя вскрикнул я и поднял руку как на уроке. – Он в этом находится, в океане Индийском. Читал в детской энциклопедии. Там ещё залив большой есть с другой стороны острова. Бенгальский.

Лось и Жук оторвались от стаканов и посмотрели на меня с отчаянным удивлением. Никогда мы не умничали друг перед другом, а говорили на темы, близкие каждому, причем суровым, «пацанским» языком. На лицах у них было отпечатано, что они не только про Цейлон не слышали, но и про детскую энциклопедию тоже.

– Не, ну так нечестно будет, – мрачно сказал Жук, – У него маманя училка, а батя писатель, корреспондент в «Ленинском пути». Ну, газета, которая недавно была «Сталинский путь». Они ему по вечерам в башку вот это всё заколачивают. Чтобы он кобенился перед нормальными людьми и все думали, что он лучше нас.

Иваны оба засмеялись. Потом большой сказал, что чай им привезли друзья из Ленинграда, подошел к книжной полке и снял с неё книжку.

– Вот здесь – продолжал улыбаться Иван, – уложены мысли умных. В этой конкретно остался ум Чехова Антона Павловича. Сам он помер давно, а ум свой сюда заложил. Сохранил. Книжки, если их не рвать и не жечь на самокрутки, долго живут. Сотнями лет. А ум, он никогда не стареет. Всегда пригоден. Читаешь книгу и вылавливаешь из неё всё, что тебе обязательно знать надо. Про то, как выглядят правда и добро, глупость, брехня всякая и зло. Что такое совесть и справедливость. Как распознать дурака и каких фокусов ждать от него, что такое честь, достоинство и цена слова мужского.

А вон сколько у нас умных людей после смерти своей живет на полках! Если по-простому рассуждать, то это кладбище понявших жизнь и поделившихся с нами понятием своим умных людей. Все они давно сгнили в могилах своих. А ум и мысли их, полезные и ценные для правильной жизни, вот тут, между двумя переплётами уместились.

Маленький Иван незаметно оказался возле книжной полки.

– Сюда гляди, шпанята! – он за верх книжек выдвигал их наполовину и с улыбкой показывал на каждую пальцем. – Вот Гоголь, Горький, это Тургенев, вот граф Толстой, а тут кто у нас? Дюма старший. Умного тут мало, но про то, как наглая жизнь людей в скотов превращает, четко расписано.

Я тут же вспомнил наши «мушкетерские битвы» край на край и согласился, что самые наглые из противников наших именно по-скотски себя и вели. С Иваном согласился.

А он погладил переплеты, потом сбоку от полок, с табуретки, поднял высокую стопку тонких и толстых книг.

– А это мои личные. Учебники и справочники. По электротехнике. Я до войны учился в техникуме электротехническом. Может всё ещё обернётся путём, да я опять заочно поступлю. Электричество – это моя страсть. Да...

Он присел с этой стопкой в руках на корточки и задумался.

А я вспомнил сразу же брата отцовского, Шурика. Он был всего на десять лет старше меня, но успел на каких-то курсах в городе выучиться на электрика. И уже лет пять, когда ему и шестнадцати не исполнилось, стал обслуживать всю родную Владимировку. Ремонтировал проводку в старых домах, менял розетки, выключатели, счетчики древние на новые, тянул провода туда, где сроду не было света, через столбы, которые вкапывал вместе с деревенскими парнями. Сельсовет его на работу по закону принял и зарплату платил. Он умел делать всё, что относилось к электротехнике. И это именно он сказал мне, когда я подрос до десяти, слова, которые были его девизом и его главным откровением, а потом стали и моим до самой старости.

– Электричество – это то, на чем теперь всегда будет держаться вся жизнь на Земле. Это энергия, которая родила новый, электрический мир. И он будет сильнее всех эпох, которые были до него. Электричество никогда не обманет, не предаст, если ты его правильно подключил. И не кончится никогда, покуда есть вода, ветер и Солнце. И я давно не верю ни во что. Только в электричество. И всю жизнь буду только в него и верить. И ему одному.

Александр Павлович умер уже давно. Этот девиз храню теперь я один. Это моя вера и глубокое почитание Энергии. Единственного явления на свете, что можно считать истиной.

– А вы точно в тюрьме сидели? – неуверенно спросил Лось. – А то вон возле базара Тимка Хлыщ живет. Семь лет сидел. Магазин обчистил промтоварный в Затоболовке. Так он с ножом ходит, водку пьёт до полусмерти, по фене разговаривает, дерется с кем ни попадя и всех перерезать обещает когда нажрется. Так у него дома даже кровати нет. На матрасе спит. Кинет на пол и одетый падает. Книжек никаких. Он их вообще вряд ли в руках держал. «Я вор, – говорит – и жисть моя идет покуда фарт катит».

– Дурак ваш Хлыщ, – Иван большой сел на стул прямо напротив меня и я впервые рассмотрел его как на увеличенной фотокарточке. Красивое лицо, точеное как у артиста Петра Глебова из кино «Тихий Дон». Его в прошлом году показывать стали. Суровое лицо у Ивана большого. Глаза умные, хитрые и улыбающиеся одновременно. Надеть на него китель офицерский, фуражку с гнутой кокардой – типичный получился бы военный командир.

– Я таких в документальных киножурналах в нашем клубе видел. Часто перед фильмом военную хронику показывали, хоть войне уже почти пятнадцать лет как хана. Глядел он прямо и глубоко внутрь того, с кем говорил, глаза не гуляли влево-вправо как у мелких воришек, которых я видеть уже устал. А в этом человеке, в лице его, прямой гордой осанке, в движениях рук и пальцев, в неторопливом повороте головы, выдающем спокойное превосходство над суетливой обыденностью, виделось его благородное прошлое, а, может, даже само происхождение. Дома в разных книгах я видел иллюстрации и фотографии проклятых офицеров-белогвардейцев голубых кровей, а ещё с позором изгнанных из нашего светлого настоящего бывших аристократов, которым не было места в рядах трудящихся. Осанка, взгляд и поворот головы, прогиб спины, показывающий высокое достоинство – всё это было явно видно у Ивана большого. Маленький Иван, атлет, сделанный целиком из пружинистой мускулатуры, мало чем отличался

от большого такими же признаками принадлежности к офицерскому чину и благородному происхождению. У него были такие же четко сформированные черты лица, тонкие губы, прикрытые сверху аккуратными, опущенными до уровня нижней губы черными усами, короткий уверенный шаг и прямая под линейку спина. Мягкий, но пронзительный взгляд, уверенный и спокойный как гладь озера в полный штиль.

Почему они были ворами, причем «в законе», то есть высшей кастой в том мире, почему их не только как огня боялись, но искренне уважали и кустанайская гопота, и блатняк, почему их, приседая, слушались даже самые отпетые наши урки и кто доверил им держать порядок в нашем городе не запугиванием, как делала милиция, а только одним своим авторитетным присутствием. Я уже догадался тогда, что никто Иванам обратную дорогу в Ленинград не перекрывал, а, наоборот, посадили их старшие по воровской иерархии смотрящими за городом. Однажды летом, когда мне было лет четырнадцать уже, мы с пацанами во дворе у Иванов отливали из свинца в земле кастеты. Уговорили их показать, как правильно это делается. Драк было так много, что иногда приходилось что-нибудь брать в руки, чтобы отбиться. Ножам никто не пользовался. Крови не хотел никто, да и на зону не спешили даже самые кондовые блатные романтики. А сесть можно было даже просто за то, что наряд милиции на улице мимоходом пошарил у тебя за поясом или под брюками возле ботинок и находил финку. Иваны сами носили только кастеты самодельные и ничего больше. Их не проверял никто, но если бы и нашли кастет, то всё обошлось бы пятнадцатью сутками. А, может, и без них вообще. Кастет и палка, прут железный тогда почему-то оружием не считались.

Так вот. Отливаем мы как-то раз кастеты, ждем когда свинец в земле остынет, чтобы его выкопать. А тут к приоткрытым воротам дома Иванов подъезжает черная «Победа». Из неё выходят двое плотных мужчин в серых двубортных костюмах. В руках у каждого по дорожному чемодану. Оба Ивана тихо приказали нам сесть на землю и не вставать пока они не скажут, а сами ровным коротким уверенным шагом пошли к машине. Минуты три они о чем-то неслышно перекинулись парой слов с гостями. Потом подняли с земли чемоданы, синхронно, по-военному, повернулись на каблуках и так же четко и ровно пошли в дом. Машина сдала назад и уехала, а Иваны вышли и присоединились к нам с теми же прибаутками и выражением лиц, как и до приезда явно непростых гостей. Хотя даже самому известному нашему тугодуму Жалмаю понятно было сразу, что в чемоданах деньги. Много денег.

Очередная доза в общак, который хранить доверили Иванам, смотрящим по воровскому рангу.

Потом много лет прошло. Я отслужил. Вернулся. Иванов в уголовном доме уже не было. Там жил тихий старик, который развел во дворе кур и пил сырые яйца из лукошка, поставленного рядом с ним на скамеечке перед воротами.

Старичок этот, как потом выяснилось, отсидел в общей сложности тридцать лет, был тоже вором в законе и теперь смотрящим вместо Иванов. Он и рассказал о том, кем на самом деле были наши друзья – два Ивана.

Их призвали в армию, но полк № 2416 Р в сорок втором году месяц стоял в резерве в Белоруссии. И однажды Иваны дезертировали, растворились в пространстве, хотя батальоны их окопались на голой равнине, где виден был каждый суслик, выскочивший из норы. В батальонах решили, что они пошли в деревню к девкам, а по дороге их взяли как «языков» разведчики с той стороны. Потому искать и не стали. А Иваны нашли не очень честный способ пере-

одеться в гражданские шмотки и стали искать выходы на блатных. Они ещё до войны имели грандиозный план масштабных экономических краж, тянувших на миллионы рублей. В сумятице, которая легко покорила себе гражданскую жизнь, планы были вполне выполнимыми. Долго искали, но всё – таки познакомились с одним из авторитетов уголовного мира. Тот свел их с паханами. После месячных разговоров с ними и всяких проверок блатные их приняли. Поверили. Они выправили им новые паспорта. По документам оба стали Иванами с разными фамилиями и уехали в Челябинск. Там и началась их воровская карьера. Они кроме официальной работы заведующими складами организовывали вывоз тракторов ЧТЗ по левым бумагам сотнями и раскидывали их через устойчивые старые воровские каналы по всей стране. Деньги им доставались такие, что старик просто постеснялся называть суммы. Потом они перебрались в Свердловск, на Уралмаш и три года тем же методом опустошали государственную казну на много миллионов рублей. Вычислили их перед самой победой. К этому времени, год назад, за особые заслуги их короновали в Казани, где на воровской сходке общим согласием дали им высший неприкасаемый статус «воров в законе». Так что на зоне свои семь лет они отсидели в покое, относительно уюте, с хорошей едой, поездками по субботам в кустанайскую баню. А по воскресеньям сам кум отпускал их в город отдохнуть, пообедать в ресторане и погулять с девчонками до вечерней поверки перед отбоем. Освободили их через пять лет за примерное поведение и ударную работу, к которой они никогда не прикасались. За колючкой их встретили на трёх «победах» свободные пока «орлы» из Свердловска и сказали, что старшие велели им поработать смотрящими в Кустанае лет пять, не больше. Так Иваны попали в угловой дом на улице Ташкентской и Октябрьской. Стали нашими соседями, друзьями и карающим мечом для наших безмозглых уголовников.

Шестьдесят лет пролетели от нашего знакомства с этими загадочными людьми. Адская смесь их аристократизма врожденного, ума и разума, опыта и глубокого понимания сути существования человека на земле грешной нашей, доброта, редкое умение без труда жить свободно, просто, без зависти, жадности и зла в душе, с работающей совестью и верным словом, переплетенные с уголовщиной и угнетающим яркостью личности каждого Ивана пышным и пугающим титулом «воров в законе» – это даже не парадокс. Это удар судьбы ниже пояса. Запрещенный и наказуемый.

Но никому ещё и никогда не удавалось даже замечание сделать своей судьбе без ненужных последствий, а чтобы наказать её за злые и губительные подарки – об этом и подумать-то жутко.

Их, конечно, уж нет здесь, на белом свете. И, возможно у кого-то от них не осталось и следа в душе.

Кроме меня. И, возможно, ещё нескольких внимательных ребят, вникших в простую, доступную и спасительную их житейскую философию.

Это только кажется, что в четырнадцать-пятнадцать лет ты уже переплыл реку детства и выпрыгнул на берег взрослой жизни. Это чушь несусветная. Ты можешь до пятидесяти лет быть дитем неразумным, если не найдешь до этого времени ни книг, ни людей, которые сумеют без пафоса нравочений рассказать тебе тяжкую правду о жизни, Которые понятно разъяснят – какие нужно обязательно понять правила, принять их и с ними метаться по судьбе своей. Которые подскажут, как научиться соблюдать неписанные законы, созданные бегущим из вечности в вечность временем отдельно для мужчин и женщин.

Я в малолетстве, само-собой, не читал Конституции СССР, морального кодекса строителей коммунизма, Библии, не знал десяти заповедей и семи смертных грехов. Я читал разные книги, умнел, но не одна книга не объяснила мне, каким должен быть внутренний кодекс каждого мужчины, который желает прожить истинно по-мужски свой маленький кусочек срока на этом свете. Но, к счастью, мне случайно повезло, что в конце пятидесятых в Кустанае на углу Ташкентской и Октябрьской жили странные уголовники белой кости, голубой крови и светлого, верного разума – Иваны, чьих фамилий я так и не узнал. Ни родители, чьи наставления инстинктивно отторгались, ни школа, внушавшая вместе с приблизительными знаниями расплывчатые прописные истины, ни друзья, почти все избитые в итоге судьбой: кто до полу-смерти, а кто и насовсем. Только эти два Ивана и брат отца Шурик. Александр Павлович. Благодаря ему я с детских лет и до сих пор верю только в себя и в электричество. В безграничное могущество великой Энергии, правящей миром.

А от Иванов впитались в суть мою понятия, почитаемые в уголовном мире по строгому указу этого мира. А в обычную мужскую вольную жизнь не попадают эти понятия по торопливой брезгливости нашей. Не из неволи же этим бедолагам нас жизни учить.

Но я не побрезговал. И понял, что человек мужского пола может без стыда и самообмана называть себя мужчиной, если готов нести ответственность за каждый свой шаг и слово, за всех, кто ему близок по крови и духу. Если он свободен от зависти, жадности, упоения самим собой, если он добр и его душа сама желает помогать всем, кому нужны помощь, сочувствие, его сила и уверенность в победе хорошего над плохим. Это всё непросто, но научиться всему правильному можно, если начать ещё в сопливом возрасте.

Мне было десять. Мы стояли посреди двора двух Иванов. Большой Иван уложил мне на плечи гриф от штанги и сказал:

– Иди.

Пока я шел они с двух сторон навесили по десятикилограммовому блину.

– Иди!

Я шел по кругу и через каждые десять шагов на гриф навешивались два десятикилограммовых железных кольца

– Иди! – тихо, спокойно говорил большой Иван.

Подкашивались ноги, грохотало сердце, стучало в висках и я медленно опустился на колени.

Иваны вместо того, чтобы снять штангу, повесили на неё ещё по блину.

-Теперь вставай.

Я поднимался с колен с дрожью ног, кровью из носа и посиневшим лицом. Но поднялся.

– Иди! – прошептал Иван маленький.

И я пошел по кругу. После десятого шага вдруг стало легче. Деревянные ноги стали слушаться и двигаться свободнее. Перестало ломить плечи и утих сердечный, рвущийся наружу барабанный бой.

И я почувствовал, что на гриф накинули ещё по блину.

– Вот так оно и будет всю жизнь, парень, – Большой Иван улыбнулся и сел на траву. – Больше, чем ты сможешь унести, жизнь тебя никогда не нагрузит.

– Давай, иди дальше!

И я пошел.

И иду так уже долго. Из детства в старость. Не опускаясь больше на колени.

Глава третья

Три дня я не ел. Пил только молоко. Кринками. Примерно три литровых глиняных кринки вливала в меня моя вторая, деревенская, бабушка Фрося. Мама отца моего. Столько в меня вливалось со скрипом, но как-то там размещалось и делало своё спасительное дело. Меня три дня носило легким ветром до дворового «скворечника». На нём с левой стороны дощатой двери со щелями в палец толщиной коричневым суриком дед написал букву «М», а с другой стороны букву «Ж». А выше них кисточкой потоньше предупредил, что нужник перекрывается на обед с часу до двух и совсем не работает по воскресеньям. Шутка нравилась всем, кроме самого деда Паши. Или Паньки, как звала его вся большая семья. Дед собирался написать ещё буквы «С» для собак и «К» – для кошек и куриц. И перерыв в работе «ветер-клизета» планировал укрупнить. Сделать с часу до четырёх.

Но задумывал он весь текст с утра в трезвом виде, а писал после полутора литров на нос бражки, заглоченных совместно с дядей Костей, братом двоюродным, в обед. И после начала разрушительной работы бражки в голове он заученный текст забыл, но всё равно изобразил неверной рукой и мутным мозгом останки замышленного. Дед был вторым по рангу шутником во Владимировке. Первым – дядя Гриша Гулько, которому на войне оторвало ногу выше колена. Он ходил на «культяпке», сложно притягивающей деревянную ходулю с толстым кожаным кожухом к остатку ноги. Кожу он обматывал широким сыромятным ремнем, одним концом прибитым к верху ходули, а потом перебрасывал длинный кусок ремня через плечо, натягивал ремень вниз и цеплял дыркой за крюк на деревяшке. От протеза, похожего на ногу, который предложил кустанайский облвоенкомат, отказался. Все в деревне считали, что он прогадал. На него даже штаны можно было надевать и ботинок. Нет же он ходил на «культяпке», конец которой был похож на чертово копыто.

Вспоминая детство сумбурно, я иногда отвлекаюсь на внезапные проблески нюансов, не очень близких к теме, но выбросить их из текста не хватает сил. Так что, строго не судите.

Так в чем дело-то было? Чего, собственно, я усиленно и неумеренно навещал быстрым ходом это заведение с художественной росписью? Зачем изводил зверски в таком количестве три дня распрекрасное парное молоко? А вот, представьте себе, прогресс технический стал причиной тому и страсть моя к механизмам всяким, особенно к автомобилям. У младшей сестры отца Валентины (которая, к несчастью, в восемьдесят один год умерла в той же Владимирке как раз в тот день, когда я только начал писать эту главу) имелся очень замечательный муж Василий. По-пацански – дядя Вася. Замечателен он был светлой головой, неукротимой никем активностью бытия, которая швыряла его из одного увлечения в другое с такой силой и скоростью, что в целом деревня наша толком и не понимала – кто он по профессии, что больше всего ему по душе и куда его чёрт занесёт завтра. Дядя Вася был не наш, не из Владимирки, и как нашел он себе здесь жену – тоже неведомо. Никто мне не говорил. А я даже его не спрашивал и до сих пор не знаю.

Он не делал ничего плохого и ничего не делал плохо. Руки у дяди Васи были даже не золотые, а бриллиантовые. Во дворе у него всё было автоматизировано. Ворота во двор открывались по сигналу машины. На звук срабатывало какое-то хитрое реле и включало моторчики. Они наматывали тросики на катушки. Свиньи и куры с гусями получали еду в нужное время. Руководило процессом устройство, похожее на гидравлику самосвала. Оно сгружало корм куда положено. Им управлял часовой механизм, который параллельно ухитрялся в нужное вечернее время закрывать ставни, а с рассветом – открывать. У всех в деревне, кроме дяди Васи, колодцы во дворах были традиционные – журавлики. Столб возле сруба над колодцем, к столбу вверху прикручен шест. На шесте сверху точно в середину сруба свисала тонкая жердь с прицепленным с ведром, а на другом конце крепился противовес. Что-нибудь железное. Какая-то, может, деталь от трактора. Тянешь жердь вниз – ведро спускается к воде, наполняется, а потом вместе с противовесом тащишь его наверх. Не шибко трудное, но всё же физическое упражнение.

У дяди Васи отсутствовал журавлик, не было даже бревна с ручками по бокам и цепью на этом бревне. У него из глубины колодца выглядывала дюймовая труба. Через шланг она соединялась с электрическим насосом. В противоположное отверстие насоса навинчивалась труба, ведущая в дом. Там, в сенях, на неё ставился вентиль. Кран, проще говоря. Насос через трансформатор подключался к обычному автомобильному аккумулятору. Щелкаешь выключателем, насос подает в дом столько воды, сколько тебе надо. Выключаешь насос и заворачиваешь вентиль. Ручного труда – минимум. Зимой снег со двора убирался маленькой тележкой на гусеницах с мотором от мотоцикла. Спереди на тележку крепилось под углом самодельное стальное лезвие, которое сносило снег в сторону, а крутящаяся боковая щетка с проволочным «волосом» подметала двор почти до грунта. И вот таких необычных для простой деревни устройств дядя Вася насочинял много. Всё не вспомню. А и вспомню – места нет уже рассказать.

Вот ему первому и пришло в голову сделать из меня мужчину и украсить жизнь мою невеликую настоящей мужской профессией. Он решил вылепить из меня шофера. Водителя, для начала – третьего класса.

В конце мая, когда школа радостно сбегивала нас на каникулы, он тут же приезжал за мной домой и забирал меня на всё лето в деревню. И до осени почти я вкалывал помощником шофера дяди Васи, который на хлеб с маслом

зарабатывал водителем большого бензовоза «УралЗиС-355В. Интересное было время – эти пятидесятые годы. После войны, через десяток лет, страна из полуразрушенной стала богатой и доброй к своему народу. Всё было, что людям надо и всё стоило гроши. Бензин, например, государство хотело, может, разливать народу вообще даром. Но, видимо, постеснялось показывать дурной заразительный пример. Народ мог запросто пожелать и бесплатной колбасы с бесплатной водкой. Потому цену бензину определили сугубо символическую. Как на электричество и оплату государственного жилья.

А у начальства МТС (машинно-тракторной станции), где дядя мой эксплуатировал здоровенный бензовоз, имелось суровое рабочее условие. Если с утра в машину заливали полный бак, то вернуться вечером он должен был с каплей на доньшке. Ну, кружки две-три от силы имел шофер право оставить в баке, чтобы доковылять до МТС. Это обозначало, что он трудился в поту по путевому листу, сам на работе горел и бензин нещадно сжигал, нагоняя нужный километраж. Его тоже до метра начальство расписывало в путевом листе. Строго было с трудовой дисциплиной. Но никто из водителей, включая и моего родственника, не мог спалить всё выданное на день горючее. Это оказалось невозможно выполнить. Ну, разве что ездить первые полдня вокруг деревни безостановочно. А по пути пару раз заскакивать в город за сорок километров, а там разворачиваться и дуть обратно, чтобы после обеденного перерыва быстренько, по накатанным маршрутам закинуть груз или, как мой дядя, бензин по шести бригадам, да на ток.

Но вынудить кататься впустую матёрого шоферюгу, лет за пятнадцать притомившегося вертеть тугую баранку и бороться с изготовленной для очень сильных мужиков коробкой передач, никто бы не смог. Все ездили знакомыми короткими путями в нужные места и выработать горючее, да накрутить заданные начальниками километры у них не получалось, хоть тресни. А на въезде в ворота МТС вечером стояла тётка-диспетчер. Она металлическим щупом лезла в бак и замеряла остаток бензина. Потом запрыгивала на подножку и в блокнот списывала со спидометра накатанные километры. Водила, который не выполнял дневную норму по километрам и истраченным литрам, попадал в лентяи и мог запросто помахать ручкой и месячным премиальным и заветной годовой премии в декабре. Но, к счастью, дураков среди шоферов почти не было.

Мы с дядей Васей половину дня крутились меж бригадами и везде успевали. Разливали там по маленьким бочкам бензин из нашей пятитонной, потом он усаживал меня за руль и дрессировал как правильно трогаться, когда и как менять передачи, учил рулить так, чтобы не отваливались руки, добивался, чтобы я по-умному перебирался через кочки и ямки с помощью перегазовки, переключения скоростей и управления тормозами.

Мне тогда грохнуло аж девять лет. Был я для этого возраста рослым пацаном, но всё равно в этом огромном «УралЗиС -355В» я тонул даже на твердом сиденье и глаза мои торчали между верхней дугой руля и приборным щитком. Как я видел и чувствовал дорогу да машину, видя перед носом почти весь капот и только удаленное метров на десять начало дороги, мне загадочно до сих пор. Но сносно ездить я научился месяца за два, причем всего однажды увлекся, выгоняя одной рукой больно кусающих оводов с переднего стекла, и съехал с грейдерной дороги в мелкий кювет. Дядя Вася матюгнул меня в полнакала для справедливого порядка, а руль не забрал, дал выбраться из кювета самому. Потом мы ехали домой обедать, после чего управлять автомобилем уже никто физически не мог. Я от усталости, а он от непобедимой тяги к кровати, в которой отрубался мгновенно и спал часа три. Ну, а там и рабочему дню подоспевал час сворачиваться.

Пока дядя мой спал, я успевал протереть сухой тряпкой стекла кабины, зеркала, а мокрой – капот, крылья, колеса и боковые отсеки бочки, где прятались шланги и инструменты. Он просыпался, выпивал две кружки воды, приглаживал мокрыми руками волос и мы ехали ставить машину до утра на прикол в МТС. Проезжали дальше ворот с километр, потом он сворачивал с дороги в степь и катился по ней ещё минут десять. Тормозил, доставал из-под сиденья короткий тонкий шланг, совал один конец его в бензобак, а другой прихватывал губами и втягивал в шланг горючее. После чего резко отводил руку в сторону и вниз. Бензин А-72, красно-фиолетовый от растворенного в нём свинца, плотной струёй и с хорошим напором стекал на траву. Шофером дядя мой был опытным, поэтому успевал выдернуть шланг, когда бензина в баке оставалось литра три. Засунув его обратно под сиденье, он ложился на пол кабины, лез рукой под щиток приборный и колесики на спидометре начинали тихо крутиться. Периодически дядя Вася выныривал, глядел на новую цифирь, ложился снова и наконец устанавливал спидометр так, будто машина прошла на пятьдесят километров больше. Что и требовалось для сохранения шанса иметь и обычные премии и подарочную дополнительную зарплату в конце года. За ударный труд.

Был день обычный. Хороший летний ранний вечер. Мы вернулись с развоза бензина по бригадам и поехали в степь сливать из бака бензин. Вроде бы как очень много трудился шофер с раннего утра и спалил его до последнего литра. И тут, к моему несчастью и всеобщему впоследствии волнению за жизнь мою, дядю Васю прихватил банальный понос. Его скрутило почти в узел и лицо перекрасило в синюшный цвет. В таком измененном виде он вывалился из кабины и, зигзагами, со страшной скоростью обогнув бензовоз, удалился глубже в степь. Там были неглубокие ямки. Куда он и успел-таки добежать и присесть. Ну, сколько дядя мой мог потратить сил и времени в битве с расстроенным кишечником, никто не знал. Поэтому я решил сделать своему наставнику подарок – слить бензин лично. Даже представил картину душевную: вот приползает он, изможденный и ослабевший, чтобы завершить акт обмана родимых начальников, а уже и не надо ничего делать. Способный, даже в меру талантливый ученик уже обдурил руководство наполовину. Останется только цифры на спидометре подкрутить. Плёвое дело. И обнимет меня наставник, похлопает по плечу, как мужчина мужчину, да скажет, что завтра мне положена премия – порулить самому часа на три больше.

Достал я шланг, с трудом свинтил крышку, сунул его в бак, после чего взял в рот свободный конец и как дядя Вася сильно вдохнул, чтобы вызвать бензин на волю. Он с радостью и вырвался из шланга. Я раньше-то и не думал, что сила моего вдоха такая разрушительная и беспощадная. За секунду минимум половина литра А-72 была уже у меня в желудке. В ту же секунду меня заколдовал такой страшный ужас, что я как в сказке окаменел, но по инерции ещё тянул эту вонючую и скользкую жидкость в себя. Только через полминуты, когда бензин невежливо попросился из желудка и рта на траву, я выронил шланг и мы с ним на пару стали поливать землю. Шланг – легко и весело, извиваясь змеей под напором. А из меня горячая адская смесь выпрыгивала фонтаном с пузырями, со всеми тремя блюдами обеда и убийственным запахом. Я стоял то на коленях, то на карачках, потом почему-то вскакивал и снова валился на землю. Тут, к счастью, застёгивая на бегу ремень и заправляя рубаху в брюки, с искаженным почти как у меня лицом вылетел из-за машины дорогой дядя Вася, мой наставник и скорая медицинская помощь в одном лице. Он мгновенно выдернул шланг из бака, а меня поставил на ноги, присел, выставил колено и бросил меня на него животом. Бензин хлынул из меня в таком количестве, что на нём запросто можно было бы доехать до города.

– Ни хрена себе! – культурно восклицал одну фразу без пауз мой дядя, попутно заталкивая шланг под своё сиденье, а меня – на пассажирское. Эта же мысль звучала вслух весь наш наземный полет на автомобиле со скоростью самолета до бабушкиного дома. В хате были все. Дед, отец мой, приехавший из города с новой майкой для меня, спортивным трико и кедами, которые я забыл взять. Бабушка и брат отца Шурик под дядино разъяснение события перенесли меня как бак с остатками бензина на кровать. После чего меня вдруг как бы не стало.

Очнулся я в положении сидя. Сидел, подпертый подушками, на кровати и чувствовал, что в меня вливают что-то горячее с запахом разных трав.

– Глотай, милок, глотай, – гладила меня по спине бабушка Фрося. – Вот ковшик этот допьём, а потом молочка постарается побольше наглотаться. Оно лучше любого врача, парное-то молочко. И всё опять будет хорошо.

– Не, ну, ни хрена себе! – слышал я дядин голос из угла, где стояла скамейка. – Так ведь думал я, что и не довезу его до дома-то. Это ж этилированная гадость. Мы этим бензином крыс в сарае травим. Нальем вечером по стакану в углы, да по-над стенками. Они идохнут к утру. Ну, ни хрена себе!

– Ты молоко всё пей, что бабушка будет давать. – Отец наклонился надо мной и посмотрел в глаза. – Скоро отойдёт. Глаза получше уже.

– Ты, Боря, ехай, а то опоздаешь. Я тут сама. И Аньке не говори ничего. Нервы у неё ни к чёрту из-за вас обоих.

Баба Фрося пошла к столу и вернулась с кринкой молока и кружкой. И пошло народное лечение. То травы, то молоко. И всё. Даже пирожка за три дня не дали.

Зато через неделю мы с моим двоюродным братом Сашкой уже грызли семечки на заваulinke и ходили в ближайший березовый колок за вишней ранней. За лесной кустовой вишней. Нарвали ведро. И ещё полную Сашкину кепку сыроежек набрали, которые бабушка нам зажарила, а мы сметали грибочки за милую душу.

– Ну, ядрёна мать! – Поздоровался со мной дядя Вася. Прошла неделя. Он пришел вечером после работы – От же оно как обернулось! Ну живой-здоровый, и ладно! Молоток. Я тебя через две недели в дальний рейс беру. Совхоз коров повезет на семи грузовиках аж под Каспийское море. На луга. У нас тут нет корма коровам. Распахали всё. Так вот мы с Володькой Прибыловым на бензовозах за ними поедem. Заправлять будем по пути. Там через пустыню ехать. Заправок нет. Ни хрена там нет. А под морем зато травы высокой уйма. Поедешь?

– Правда, дядь Вась?! – я просто обалдел от новости. Он кивнул, надел кепку свою в клетку, помахал мне грязной от солидола рукой и вышел в сени.

– Конечно, правда! – баба Фрося подняла подол фартука и в него хихикнула пару раз – Он у нас не врет никогда. А как тебя теперь не взять! Ты ж теперь настоящий, крепкий шофер. Чуток подрастешь, получай права и работай во Владимировке. «Газон» тебе Сухинин, директор наш, всегда найдет.

Я вышел на улицу и три раза высоко подпрыгнул. И три раза прошептал – Ура!

Сколько в жизни бывает сразу радости. И живой остался, не отравился, и грибов наелся от пуза. Не тошнит больше совсем. В дальний рейс еду! И, главное, я прошел испытание. Бабушка много людей видела. Знает, что говорит. И получается, что я и вправду теперь шофёр!

Мне было всего девять лет. Это и много и мало. Мало настолько, что я без стыда мог позволить себе заплакать. Я сел под акацию возле ворот. И заплакал. От счастья, конечно...

Две недели до отбытия в кругосветное путешествие, каким представлялся мне дальний рейс к Каспийскому морю, тащились как коровы с выгона домой. Вразвалку, валяжно, дожывая на ходу какую-то коровью вкуснятину. У коров, полоумных, безмозглых на первый взгляд животных в действительности ума было побольше, чем у некоторых моих городских дружков. Вот они шли ровно по середине дороги от околицы неразборчивой толпой, мыча и сшибая хвостами мух и оводов. Но никто из хозяев не вылетал со двора в волнении, не лез в эту толпу, похожую на медленно ползущую лаву из вулкана. Я киножурнал смотрел в клубе, как эта лава захватывает пространство и подминает под себя всё на пути. Никто не орал истошно и зазывно: – Манька – домой! Или:– Зорька, дура рогатая, а ну как сейчас хворостиной блысну! Бегом во двор!

Не было кроме коров никого на улице. Один пастух, плелся за стадом сзади. Молодой паренек лет пятнадцати, сивый и обветренный, читал на ходу какую-то книжку и на коров не глядел вообще. Кнут он держал под мышкой и конец его змеей полз за ним, тонко раздвигая серую пыль.

И вот, когда этот рогатый батальон всплывал от околицы на улицу и пылил уже напротив первых домов, в недрах коровьей толпы начиналось продуманное движение. Из середины пробивались, толкая соседей полукруглыми боками, те, кому пора было из строя выбираться. Они медленно и плавно прорезали себе путь к выходу ровно напротив своих открытых ворот и исчезали во дворах, мыча «привет» хозяевам. Никто не метался, никто не спешил. Коровы лениво отделялись от массы общей там, где надо было заходить домой. И я точно знаю. Что их никто не дрессировал, веревками за рога во двор не волок, и пинками не приучал сворачивать домой вовремя. Точно так же они удалялись самостоятельно с утра на выгон. Хозяин раненько отворял калитку, потом стойло и шел по своим делам. Но никто из коров не вылетал пулей из своего сарая на улицу и не носился по улице, не зная что делать и куда бежать. Стадо собиралось постепенно. Когда общий шум и разноголосое мычание приближалось к калитке, коровы неторопливо выплывали из стойла и через открытую калитку тихо присоединялись к идущим на пастбище. Пастух как обычно плелся позади и никогда не оглядывался. Незачем было. Ни одна корова никогда не опаздывала и её не заворачивало в другую сторону.

– Дед, а, дед! – как-то раз достал я Паньку своим неожиданным предположением – Может человек от коровы и произошел, не от обезьяны?

.Обезьяны все дурные. Как попало носятся без смысла, на деревьях часами болтаются, пользы никакой от них. К нам прошлый год в Кустанай зоосад приезжал. Вот они по клетке прыгают туда-сюда. Им спиливают деревья с ветками, забивают от пола до потолка и они на них висят по два часа. Какая от них польза. Шерсти нет, мясо их не едят, работать они не могут, читать-писать тоже. Как мы могли от таких идиотов произойти? Коровы вон какие умные. Только не разговаривают.

Дед Панька в это время стоял напротив зеркала и менял повязку на том месте, где у него давно, до войны, был правый глаз. Он аккуратно складывал кусок бинта квадратиком и укладывал его в пустую глазницу, потом отрезал нужный размер бинта, сгибал его вдвое по длине и помещал на белый квадратик. Сзади, ниже затылка, дед вязал бинт бантиком и так ходил день. На ночь он всё снимал и выбрасывал, а с утра опять сооружал повязку новую, белоснежную. Причем бинты покупал только накрахмаленные.

– Дурак ты, Славка, – откликнулся дед с большой задержкой. Пока бинт не устраивался удобно на том месте, где осколок разворотил ему часть скулы и вырвал глаз. – Я вот произошел от мамы с папой. Папу звали Ваней. И бабушка твоя от папы Тимофея произошла. А ты от Бориса. Они кто, шимпанзе? Или быки производители? Человек произошел от человека, внучок. Хороший от хорошего. Дурак и сволочь – от сволочи. Веришь мне?

Деду я во всем всегда верил и просто кивнул, но очень сильно. Чтобы дед не сомневался.

Он и не сомневался. Верили деду все без исключения. Маленькие потому, что у него было несколько прутиков гибких от какого-то непонятного куста. Назывались они вицами. Держал дед их только для детей. Взрослых пороли розгами. Они были потолще и брали их с каких-то других кустов. Розгами в деревне пользовались редко. Только если виноват был казак серьезно. Ну, скажем, с чужой женой зачудил, замиловался, да сманил на совхозный сеновал за деревней. И то до самой порки собирались старики, обмозговывали степень тяжести преступления. Если виноват был только он и взял женщину хитростью да обманом, то с ним сначала говорили, расспрашивали, уж когда подтверждалось худшее, то назначали количество «горячих», день и час экзекуции, на которую собирались только желающие удостовериться, что охальника приструнили. Это был обманутый муж, родственники его, старики из числа советников на круге. Опозоренную жену на порку не брали. Вспоминаю я это сейчас, в двадцать первом веке, да и то по рассказам отца, когда мне перевалило за двадцать. Никто из детей в том же 1958 году об этом не знал, не слышал и даже не догадывался. Хотя мне взрослому после рассказов отца было жутковато от того, что в конце пятидесятых, когда в глухие деревни уже ворвалось электричество, прекрасные фильмы возили из города в клуб, когда почти у всех стояли радиолы с пластинками, радио пело в домах и на столбах, когда всех обязывали подписываться на газету «Правда» и по желанию на всякие другие, вот в это цветущее и радостное время казаки жили прошлыми законами своими, диковатыми и непререкаемыми.

Зато нас, малолеток, вицами угощали часто, причем за пустяковые проступки и послушание взрослых. Вицу мочили, снимали с тебя штаны и отстёгивали с десятков простых стежков. Без отяжки. В нашей семье это делал дед Панька, в других либо тоже деды, либо отцы. Девчонок не пороли, и то хорошо. Они отбывали наказание в трудовых повинностях. На перегуртовке лежалого сена, на прополке самых сорных грядок, на бесконечной беготне в сельпо за всем, что желали старшие. Ну и, самое ужасное, девчонкам неделю, а то и две не разрешалось есть карамельки с леденцами и пить газводу, которую наливал возле клуба старый немец Григорий. Гюнтер по-ихнему. Я становился под дедовскую вицу раз пять-шесть. Точно и не вспомню. За ночёвки с двоюродным брательником Сашкой в лесу без спроса. Ну, еще за то, что тягал у дяди Васи втихаря из мягкой блестящей бежевой пачки с заграничным названием «Jebel» тонкие, пахнущие живой луговой травой сигаретки. Меня могли не поймать вообще. Дядя Вася курил Беломор, а сигареты эти держал для форса. Вот приходят к нему, допустим, гости из местных механизаторов, деревенщина кондовая, садятся они треснуть по стакашку самогона, а он после второго розлива небрежно так кидает на стол не советское, запашистое

курево и ещё небрежнее пробросом вставляет, откусывая соленый огурец: – Кури, мужики! Знакомый из Франции прислал.

Мужики шалели и осторожно курили одну на всех, задумчиво упираясь взглядами в потолок и прищмокивая губами. Совесть была у каждого и она не позволяла изымать у доброго щедрого друга весь драгоценный импортный подарок.

В дни, когда самогон не употреблялся и хвастаться было не перед кем, «Джебел» лежал на крыше буфета. Я туда заглянул случайно. Искал по всей хате маленький перочинный ножик, который отобрала бабушка, чтобы я «с зелёных соплей» с ножами не привыкал ходить. И вполне могла отнести его для верности через дорогу, в дом дочери Вали и её мужа Василия. Подальше с глаз. Взял я тогда одну маленькую сигаретку, Зажал её верхушку резинкой трусов, майку выпустил поверх трико и осторожно, чтобы не поранить сигарету, взял в сенцах наших бабушкины спички возле керосинки и ушел в наш «скворечник «М-Ж», где с упоением мелкими затяжками и высосал сигаретку. Покуривать я начал год назад на чердаке дома друга Витьки. Воровать папиросы было не у кого. Ни его, ни мой отец не курили. Мы набирали возле магазина по горсти «децелов», окурков, значит. Потом Витька приносил из дома газету, мы лезли на чердак, рвали там газету на прямоугольные кусочки, на большой остаток газеты потрошили «чинарики» и с помощью слюны скручивали длинные, туго набитые коктейлем из разных табаков трубки. Напоминали они всё, что угодно, но не папиросу и не сигарету. Вот их мы и поджигали, втягивая дым сначала без затяжек. Чтобы пообвыкнуться, а потом потихоньку начинали запускать дым в горло. Люди, которые проходили мимо Витькиного дома, вполне могли подумать, что в нём живут два ещё живых, но смертельно пораженных туберкулезом пацана. И, возможно, нас жалели. Кашляли мы страшно, до слёз. Но острое желание протиснуться в число взрослых мужиков побеждало и отвращение к едкому невкусному дыму и желание эти «не пойми что» затоптать. Наконец через неделю настал день, когда дым проскочил внутрь без осложнений. Мы высадили по целой длинной трубочке и с трудом спустились с чердака. Голова вращалась как карусель в парке, ноги были набиты ватой, а глаза различали только черный и белый цвета. Но зато с тех пор и я и друг мой прикоснулись к миру взрослых и стали покуривать не то, чтобы часто, но регулярно. Привыкли мгновенно, раза с пятого не курить уже и не могли. Я так и курю до сих пор. Правда, последние шесть лет только электронные.

Ну, так вот. Отвлёкся слегка снова.

Пошел как-то мой дед Панька к дяде Васе и поинтересовался, прервав прослушивание моим культурным дядей пластинки с комсомольскими песнями в исполнении хора с оркестром. Я сидел там же, рядом с радиолой, и пытался понять слова про героизм комсомольцев.

– А чего ты, Васька, в наш нужник шастаешь? – спросил дед ласково, но строго. – Свой на переучет дерьма закрыл что ли, а?

– Не понял! – не понял дядя Вася и перешел из лежачего положения на диване в сидячее. – Ты чего, Панька? Какой переучет дерьма? Ты вроде трезвый, А?

– Ну, вот гляди, – дед достал свой кисет, развязал и сунул дяде моему в нос. Дядя Вася осторожно вдохнул запах из кисета. – Чуешь, что это?

– Чего тут чуют? Самосад, он и есть самосад. Но хороший. Запашистый.

– А у меня в нужнике пахнет вон теми твоими, не советскими. Как одеколоном тройным.

– Да ладно! – очень вежливо возразил Дядя Вася. – Вот когда у меня в нужнике самоса- дом пахнет, который я не употребляю, я к тебе, Панька, имел претензию хоть один раз? Ходи к нам на здоровье. У нас нужник и побольше, поглубже, да и щелей нет, не продует.

– Поглубже у него... – хмыкнул дед и поправил повязку на бывшем глазу. – Мне в нём пла- вать что ли надо? Поглубже... Это вон ты сынку своему скажи, Ваську, чтоб после себя провет- ривал. Раз отец самосад не курит, а только папиросы благородные, да сигареты иностранные.

Ё!!! – заорал вдруг дядя Вася и спрыгнул с дивана. – Так чего ж получается-выходит? Васька мой дымит уже! Это в восемь лет! Ну, гаденыш!!!

И он стал расстегивать ремень. Но дед его вовремя остановил. Вот, мол, вернется сынок, тогда и снимешь. А сейчас просто зря штаны спадут. Без смысла.

– А ну, погодь. – дед погладил волосы и на минуту ушел в себя. А когда оттуда вышел, задумчиво произнес. – То есть, самосадом в нужнике пахнет у тебя, значит Васёк твой гребет его у меня на сушилке в сарайке. А у меня в «скворечнике» прёт твоими чужеземными, значит, что?

И они оба повернулись ко мне. Возможно я в ту секунду разбудил в себе совесть и чувство заметной вины, да слегка смутился и покраснел. Только дядя Вася заржал как его молодой конь Булат. А дед одним глазом уперся в меня как вилами и тихо сказал:

– Ну, внучок, пошли. Вицу мочить сам будешь. В бочке возле баньки. Там и ответ станешь стойко держать.

После десяти виц примерно по всей территории задницы дед меня отпустил без слов. И рукой махнул. Иди, мол, не маячь. Свою порцию получил.

Я после этой порции садился как тяжело раненый дня три. Потом прошло. И воровать папиросы я перестал, ходил к селпо и собирал незаметно бычки.

Ну а про остальные отношения мои с вицами рассказывать некогда уже, да и скучно.

В общем, две недели после моего злоупотребления бензином А-72 пролетели быстро. Мы с Сашкой бегали в ближайший березовый колок каждый день, рвали вишню и собирали грибы, а брательник мой ещё лазил попутно на деревья, где гнезда вороны. Он совал в гнездо руку, доставал три-четыре яйца и прямо там их колот и выпивал. Предлагал и мне, но я никаких яиц, даже куриных, не любил и не ел. Потом мы с ним ходили раза три в страшный лес за восемь километров. Лес этот и назывался Каракадик по- казахски. Чёрная, значит, опасность. Там, в глухом лесу, через который не шла ни одна дорога, откуда-то взялся искусственный котлован с берегами и дном из липкой серой, почти голубой глины. Туда непонятно как забредало с паст- бища много коров. Мы купались в совершенно чистой и теплой воде, получая удовольствие, которое могло быть и более ярким, если бы не кусали оводы. Их там было десятки тысяч. Они садились и на коров. Но у них, в отличие от нас, имелись хвосты-хлопушки. А когда плывешь – руки в работе. Отмахиваться нечем. И жалеешь, что ты не корова. Но удовольствие от купания

нельзя было сравнить даже с нападениями самых злых оводов. И домой мы прибегали слегка изъеденные этими зверскими мухами, но радостные и счастливые.

И вот утром в понедельник пришел к нам дядя Вася и сказал, что через час выезжаем в дальний рейс. Что надо взять мне одеяло и какую-нибудь старую подушку. И больше ничего. Остальное он уже всё взял.

Баба Фрося достала из сундука одеяло верблюжье десятилетнего примерно возраста, подушку маленькую из гусиного пера, затолкала их в холщовый мешок, после чего перекрестила нас обоих, повернулась лицом на «красный угол», где под красивой ажурной окантовкой из тонкой полупрозрачной ткани скопилось четыре разных иконы в медных окладах. Пока она шепталась с ликами Господа, его мамы и двух почитаемых святых, мы вышли, затолкали мешок за спинку сиденья и сели по местам.

– Ну, мать твою! Погнали! – сказал весело дядя Вася, завел движок, воткнул первую передачу. И мы погнали. Почти на другую сторону Земли. Туда, где росла высокая, истекающая соком трава, цвели невиданные цветы и плескалось огромное и таинственное Каспийское море, которое для завершения своей славной жизни выбрала сама великая река Волга.

Глава четвертая

Мы с дядей Васей ехали к морю. Каспийскому. До этого потрясающего события меня возили только через Москву в Киев. К родственникам мамы и бабушки. В Киеве жила бабушкина сестра полячка тётя Катя.

Но туда меня возили как чемодан с глазами. Только фотографии отца зафиксировали моменты этого путешествия, по которым я пытался потом вспомнить и Москву и Киев. Маленький я был тогда. Шести лет не успело исполниться. Так ничего и не вспомнил толком.

А сейчас я, девятилетний орёл, наравне со взрослыми мужиками из каравана грузовиков, везущих коров на прикаспийские сочные травы, работал помощником шофера дяди Васи. И его ответственность за удачное завершение тысячекилометрового пробега по дорогам и без них сразу же частично перевалилась на меня. Я ехал справа от шофёра, у меня не было ни руля под руками, ни педалей внизу, но я сосредоточенно повторял внутренними, незаметными даже себе движениями всё, что делал на дороге он.

Путь наш лежал из кустанайского июня 1958 года в другой совсем июнь, который гладили то ласково, то зло, совсем другие ветры, в котором иначе светило солнце и не такие как у нас росли деревья и травы, не те бегали суслики и летали незнакомые птицы. Так я думал. Мне казалось, что уезжаем мы не из Владимировки, а с любимой планеты на другую, неизвестную, где тайн и загадок больше, чем на нашей.

– А карта у тебя есть, а, дядь Вась? – беспокоился я, когда мы только выезжали из Кустаная. До этого от Владимировки все сорок километров мы ехали молча. Я представлял себе всякие неожиданности на долгом пути, а дядя Вася, по выражению лица его, думал о чем-то весёлом. Наверное, о скорой свадьбе дочери нашего дяди Кости и сына тёти Марии, которая

шесть лет назад после смерти от болезни её мужа переехала в деревню из города с подростком Серёгой. Он как-то быстро вырос в большого, похожего на какого-то видного артиста мужичка. Свадьба намечалась на июль и мы должны были успеть вернуться.

– Карты? – не расслышал, наверное, он. – Взял я карты. На передышках играть будем в «дурня». Денег у тебя нет, потому будешь терпеть мои щелбаны.

Мне стали вспоминаться все проигрыши мои дяде Васе вечерами в деревне и сами щелбаны с оттяжкой, после которых, казалось, что на их месте волос больше расти не будет.

– Географическая карта! – заорал я пискляво, чтобы голос не совпадал с басовым хрипом движка. – Как ехать без карты? Вон в океанах даже корабли по картам плавают. А там где дороги? Плавай себе как вздумается. Нет же, они по картам плавают.

– Не плавают, а ходят. Утки плавают, – дядя глянул на меня с любопытством.

– А ты откуда знаешь? Книжку какую-нибудь читал? Ну, там пишут правильно всё. А я вот на пастбище за коровами мотаюсь туда-сюда уже шестой год. Можешь мне глаза завязать, я так доеду. Под сидухой возьми полотенце, да глаза мне заматай. На затылке узелок оставь. Так и поедем. И ты думаешь – промахнусь? Ещё побыстрее самих грузовиков долетим. Давай, заматывай глаза мне. На спор! Спорить на что будем?

– У тебя шуточки, дядь Вась, как для пацанов из детсадика, – обиделся я. Повернулся к боковому окну и стал рассматривать начало степи. Ехали мы по грейдерной насыпной дороге. Её не асфальтировали, но так укатали, что она была ровной. Сбоку от дороги вровень со скоростью машины нашей высоко над травой летела ворона. Куда она так торопилась? Я оглянулся назад. Никто за вороной не гнался. Серые кустики, которые росли ближе к дороге, лепились друг к другу. Наверное, их посадили так специально, чтобы корни укрепляли землю и вода от дождей и снега не размывала грейдерную насыпь. Дальше от дороги они торчали как попало вперемежку с желтоватой низкой травой. Она ближе к горизонту сливалась в широкую сплошную желтую полосу, по которой гулял ветер и солнечные лучи. Поэтому горизонт казался живым. Он шевелился и переливался всякими оттенками. Серым, желтым, голубым и красным. Между горизонтом и нашей машиной изредка попадались островки ковыля, незрелого ещё и потому не очень пушистого. Но и они имели не один оттенок. Белые перья на секунды становились то розовыми, то стальными с голубым отсветом. А когда их крепко клонил ветер, то и стебли переливчато светились перламутром. Степь я видел часто рядом с владимировскими лесочками и далеко за Красным кордоном, развалившуюся вдаль от страшного леса Каракадик на десятки километров. Она даже с высоты нашего щенячьего роста видна была до края Земли. Степь лежала на ровной как бесконечный стол земле и от ковыля, цветов желтых, синих и бордовых шла вверх к небу её сила. Она чувствовалась физически потому, что даже воздух над ней дрожал от вздымающейся ввысь мощи земли степной.

Хорошая дорога закончилась как-то слишком уж быстро. После города Рудного мы резко свернули на юг и по самой отчетливой, накатанной пыльной и вдавленной слегка в грунт дороге на хорошей скорости катились в пустоту.

– На Тургай пойдем. Так быстрее. Да и посмотреть есть на что возле озер и на озерах. – дядя Вася на ходу снял легкий пиджак, рубашку и остался в голубой майке, пятьсот раз сти-

раной и похожей на тряпьё, какое мы в городе сносили старьёвщику Харману. – Другая дорога тоже есть. Она через Россию идёт, через Орск, потом опять выбегает в Казахстан, в Актюбинск. Но это – поскучнее дорога. Да и длиннее.

– А порулить дашь? – Без особой надежды спросил я, снимая с себя лёгкую вязкую кофточку. Майка под ней была белая и такая новая, что мне стало неловко перед дядей. Я её тоже скинул и бросил за сиденье.

-А! Ты же дублёр. Половина моей зарплаты – твоя!

Машина остановилась прямо в колее. Дядя Вася вышел на простор, потянулся, сорвал серую травинку и растер её пальцами.

– Вот это, я понимаю, натуральная горькая полынь! Вот и ста километров не прошли ещё, а к югу жизнь уже другая. Ишь, как пахнет. В дом повесь на занавеску – ни одного комара не будет, ни одной осы и моли. Ну, чего сидишь. Вот руль. Давай бегом!

Я выскочил из кабины с той же скоростью, с какой ехали, взлетел на шоферское сиденье и лихо стартанул без дяди Васи, который машину-то обошел, но снова прицепился к другому кусту полыни. Выдрал его и, вдыхая аромат, довольно резво побежал за бензовозом. Он вскочил в открытую дверь и без слов огрел меня не очень жестким кустиком по лицу. Полынная пыльца разлетелась по кабине, а тонкий её слой прилёг на всю мою маленькую рожицу. Так что ехал я в ароматизированном состоянии, чихая и вытирая слезы, разбуженные едким желтым порошком. Он, кстати, создал в кабине почти лесную атмосферу. Когда цвела полынь на полянах в наших ближних деревенских лесочках, так легко дышалось тем острым и подстёгивающим запахом, что хотелось бегать без остановки и веселиться.

Наверное, есть в полыни какие-то витамины, от которых добавляются силы и возникает радость.

Дядя Вася уложил локти на окно, кисти его с полынной веткой между пальцами висели над подножкой, а щеку он удобно пристроил на руку и задумчиво глядел вперед, по ходу машины. Так мы проехали километров сто, не меньше. Я даже подумал, что он уснул. Оторвал взгляд от колеи, повернулся и крикнул: – Эй, дядь Вась, ты тут?

– Эх, задумался маленько! – он выпрямился, вдавил спиной сиденье, а ногами пол. Потянулся. – Не привыкну никак к этой земле. Сколько лет езжу сюда, а никак вот. Ровно на другую, хоть и похожую планету меня заносит. Я и думаю, что на самом деле где-то ближе к краю неба должны быть ещё такие же. Ну, вот сам посмотри: сто километров назад всё было так же, как на Земле. Трава, деревья. А теперь что? И небо другое. Пониже как бы. И цвет земли под колесами не такой как везде. Видишь – бурый цвет. Трава в нашей степи всё равно зеленее, а тут рыжая, на траву-то не похожая. Это здесь специально прилепили здоровенный кусок от другой планеты. Чтобы мы знали. Вот знаем теперь, да? Ты в Бога не веришь?

– Не, не верю, – я прибавил газу и переключился на четвертую. – Отец говорит, что раньше, до всех религий, давно очень, у человека не было страха никакого. А раз его не было, то он не боялся убивать, воровать, обманывать и разбойничать. Ну, если он всех обманывал, то у него и совести не было. А потом умные старики собрались и придумали много разных

богов. Ну, прямо на все случаи жизни. Бог огня был, ветра, солнца, ещё какие-то. Вот, отец рассказывал, прибьет кого-нибудь молния или солнце всю пшеницу сожжет, или вода поселок затопит и вся скотина потонет. Есть нечего. Старики тогда и говорят мужикам, что это боги их наказывают за плохое поведение. Что надо им молиться, бояться их и других людей не убивать, не разбойничать и не обманывать. Стал человек бояться богов и плохого меньше делал. А сделает сдуру чего плохого, то дрожит потом, ждет наказания.

– А он откуда узнал, батяня твой ? – засмеялся дядя Вася. – Вон у нас в деревне все воруя, врут где надо и не надо, всё ещё как в тридцать седьмом брехливые доносы на соседей пишут в сельсовет. На тех, кто живет получше, у кого коров пять штук, да курей табун. И Боги где? Чего не заступятся? Кого молнией пришибло из этих гадов? Никого.

– Не знаю, – я заслушался и пропустил глубокую ямку, а за ней сразу и кочку. Нас подкинуло, дядя Вася врубился в потолок затылком, а я не достал.

– Отец говорит, что разные народы своего Бога придумали потом в разных местах, но уже одного. У кого Христос, у кого Будда, у других Аллах. Что вроде бы как Боги смотрят за своими людьми и чуть что – наказывают. Потому каждый своего Бога боится, а в церквях и дома ему всегда говорят, как они его любят и уважают. В общем, Бога придумали для того, чтобы его боялись. Тогда меньше плохого люди творят. А я почему не верю? Потому, что всё равно он никому не помогает. Ни мне, ни родителям, да никого не видел я, кому бы он помог получше жить. А бояться мне неохота. Не люблю бояться.

– Ты, Славка, шкет, а говоришь – как вроде вырос уже, – дядя Вася повернулся ко мне и нагнулся прямо к уху: – Запомни. Батя твой нарочно тебе про бога такое говорит. Чтобы ты коммунистом стал. А на самом деле – глянь хоть куда. Откуда всё взялось? С Луны свалилось? Волшебной палочкой Дед Мороз махнул и всё на земле сделал. Хрена там. Бог нас создал. И Землю. А её он приспособил для разной жизни. Вот здесь не живет и не растет то, что растет и бегаёт вон там. О! Так человек не придумает. И Дед Мороз. Только Господь! Глянь, красота какая! Само по себе такое не родится. Божья это воля.

И дядя Вася перекрестился три раза.

– Ну, ладно, – сказал я. – Мне всё нравится. Мне жить интересно. И радостно. А бояться мне бога пока нечего. Даже если он есть.

– А сигареты у меня таскал? – дядя Вася громко засмеялся.

– Так дед меня наказал уже. Вицей десять шпыней отвесил.

– Дед! – дядя хмыкнул и уставился в моё боковое окно. – Это господь тебя выпорол дедовской рукой.

– Не возражаю, – сказал я. Лишь бы он прекратил болтать про несуществующие чудеса и про Бога тоже.

– Гляди! Вон туда гляди! – закричал дядя Вася и перегнулся через мои руки, мешая рулить и видеть дорогу. – Сайга! Мать твою, сколько сайги! Какой табун. Гляди!

– Ты ж висишь на мне, я дорогу потерял, руль не могу повернуть! – так истошно завопил я, что дядю отбросило моим воплем к его двери. Он открыл её, руками вцепился в крышу кабины сверху, а ноги приспособил на порог двери и разглядывал бегущий табун сверху. Я, как заводная игрушка, которую сзади ключиком закрутили до упора пружины, делал два движения головой. Влево, чтобы наблюдать бег сайги и обратно прямо, глазами на дорогу. Раньше я не видел сайгу живьем. Только на рисунках и фотографиях в детской энциклопедии. Знал, что это один из подвидов антилопы, что в степях, полупустынях и в пустыне Кызыл-Кумы нашей республики её очень много. Что она грациозная, мощная и может бегать со скоростью восемьдесят километров в час, умеет плавать и ест любую траву, даже ядовитую для других животных. Я держал скорость в пределах шестидесяти из-за внезапных неожиданностей на дороге, но очень хотелось увидеть самому, что сайга может нестись быстрее.

– Дядь Вась! – закричал я неожиданно для себя громче, чем всегда. – Можно я дам восемьдесят?

– На кой чёрт? – он нырнул на пару секунд головой в кабину.

– А они тоже возьмут восемьдесят!

– Давай, только недолго. А то загонишь их насмерть! – дядя вынырнул на волю и засвистел сайге через два пальца. Держался за крышу он одной левой и это напомнило мне цирковой номер из брезентового «шапито», который заезжал в Кустанай. Там воздушный гимнаст летал над зрителями и держался за перекладину левой рукой, а правой рассылал всем воздушные поцелуи.

Я вдавил педаль акселератора в пол. Пришлось оторвать зад от сиденья и крепче вцепиться в баранку. Спидометр лениво передвинул стрелку на цифру 80. Табун бежал вровень с машиной, которую подбрасывало, сносило на мгновения с дороги, снова возвращало и подбрасывало на мелких ухабах.

Минуты три я держал скорость, потом появилась голова учителя и наставника, которая скомандовала:

– Опускай на шестьдесят, через минуту на сорок и начинай тормозить. Потом остановись. И мотор заглуши!

Выполнил я всё на удивление правильно. Бензовоз, издавая замысловатые металлические хрипы и скрежет, довольно плавно остановился.

– Смотри! – дядь Вася спрыгнул с подножки, обошел машину с капота и открыл мою дверь. – Вылезай и смотри.

Потрясающе! Весь табун моментально остановился вместе с нами. До ближних сайгаков от дороги было метров сто пятьдесят, не больше. Своим отличным зрением я разглядел и табун целиком и некоторых антилоп, которые стали спокойно щипать траву. Бока их не раздувались как меха у гармошки, дышали они ровно и вели себя так, будто нас уже не было.

Красивые они, эти сайгаки. Даже горбатый, крохотным хоботом свисавший над губами нос их не превращал в уродов. Тело ладное, сделанное из одних мышц, короткий хвост, забав-

ная расцветка. Спина – темная широкая полоса, сужающаяся на шее и хвосте, плавно стекала на бока и на них была уже бежевой, а брюхо и короткие ноги выглядели серыми.

– Как они на таких ножках несутся под восемьдесят километров? – удивился я вслух.

– Дело не в длине ног, – дядь Вася потихоньку пошел к табуну. Я, естественно, ещё медленнее – за ним. – Дело в сухожилиях. В них сила. Не только у сайгаков. У всех. И у людей тоже. Видел же во Владимировке как худой и костлявый на вид Морозов Колька ГАЗ- 51 за передок от земли отрывает. А здоровенные бугаи вроде Шурки вашего и отца твоего – шиш. Не могут. Сила у всех в жилах, пацан. Тренируй сухожилия – будешь всех на землю валить.

– А научишь? – я обогнал наставника, не отрывая глаз от антилоп.

– Напомнишь – научу. А то у меня и без тебя делов не вздохнуть.

Сайгаки были разные ростом, между ног у родителей болтались сайгачата, ни один из которых на бегу не отстал от табуна. Одни взрослые были поглубже на вид и со странно выгнутыми рогами. Другие выглядели элегантнее и рогов не носили. У всех были смешные уши и носы.

– С рогами которые – это ихние мужики, – уловил мой взгляд дядя. – Зовется мужик сайгачий «маргач».

Сайгаков было очень много. От ближних к нам до самых удалённых было метров триста. И в длину табун растянулся на полкилометра.

– А польза от них есть? – спросил я.

– Нет от них ничего, кроме рогов. Мясо. Правда, вкусное, но не ест его никто. По деревням говядину, баранину и свинину девать некуда. А из рогов берут середину на какие-то лекарства. А сами рога идут на пуговицы и разные украшения.

Мы ещё постояли метрах в тридцати возле стада, полюбовались, да дальше поехали. Дядя Вася за руль сел. А я всё глядел на табун. Мы тронулись и табун зашевелился. Машина пока-тилась резвее, побежали и сайгаки.

Х-эх! – обозначил своё удивление дядя Вася.

Я тоже повторил с выражением – Х-эх!

И мы поехали дальше. Дело делать. И природу смотреть..

Только теперь дошло до меня, что я устал и руки мои как гипсовые застыли и не разгибались до конца. Ноги, наоборот, не сгибались. Не уходило чувство, что руль ещё в руках, а ноги по очереди нажимают педали акселератора, сцепления и тормоза.

– Ты ногами чего сучишь? – засмеялся дядя мой, закуривая «Беломорину». – Судороги что ли начались? Тебе, видать, рано ещё рулить. Курить будешь?

– Сам кури! – разозлился я. – Вы теперь все подкалывать будете про курево? А мне десять лет, между прочим, через два с половиной месяца. Во Владимировке, если десять лет пацанам есть, их вон в одиночку в город отпускают в кино или за инструментами какими. Вовка Кнауф на той неделе за новым рубанком ездил. Взрослый потому что. Одиннадцатый год пошел. И тоже, между прочим, курит.

– Ну, ладно. Тоже курит. Ха-ха, – задумчиво сказал дядь Вася. – С Вовкой не равняйся. Он, первое дело, немец. Значит, ничего не перепутает и везде всё сделает, как ему сказано. Второе дело – он у матери один и рубанок нужен ему. У них на полу три доски вздулись. С улицы весной вода в подпол протекла. Он и строгать будет, и доски менять. Как отец помер – он с восьми лет за него дома всё правит. А курит – так что теперь?! Раньше начал, раньше и помрет. А тебе куда спешить?

– А деду Антону Кузнецову сколько?

– Вроде семьдесят три. Хочешь сказать, что его ни махра не берет, ни бражка? – он на секунду уронил голову на руль, потом повернулся ко мне. Глаза его грустили. – У меня отец мог жить до ста. Как бык был. Не болел сроду. Но пил лет с тридцати, когда мама померла от воспаления лёгких. И помер в сорок семь. Сорок семь для взрослых – как для вас, пацанов, три годика. Рано, значит, помер батя. И курил по две пачки в день под водку-то.

Дед Антон проскочил смерть. Повезло. А везёт единицам. Но и он весь больной насквозь. Ты просто не знаешь. Дышит плохо. С сердцем раз пять лежал в больнице. Ноги у него еле ходят. Желудок больной. Печень тоже. Он из районной поликлиники не вылезает. Зачем такая жизнь, особенно в старости, когда и так уже радость ушла вся. Он бражкой каждый день болячки свои заливает и их не чувствует по пьянке. Жить ему мало осталось. Точно говорю. Так что, лучше не кури. Не пей.

Мы оба задумались и ехали молча. Я разминал затёкшие руки и ноги, а он чуть слышно свистел что-то незнакомое. Солнце незаметно проплыло над нами ближе к краю неба и уже не было золотистым, а перекрасилось в тусклый оранжевый цвет. Я долго смотрел на него и думал о том, что раньше никогда не наблюдал за солнцем и вообще редко глядел на небо. Ночью так вообще почти никогда. Заставляли ложиться спать. Серый пейзаж степи под потускневшим солнцем неожиданно ожил. Вдали, если смотреть в сторону от солнца, мелькали и гасли белые и сиреневые блики. Их бросали в разные стороны отполированные ветрами разные камешки, неизвестно откуда взявшиеся в степной траве. Низко над землёй летали, пересекая друг другу воздушные дорожки, маленькие птицы с длинными клювами и коротенькими крыльями. Когда они делали виражи, от гладких клювов и глянцевых перьев тоже отскакивали частички ломающихся лучей солнца, которые рисовали на фоне пока голубого ещё неба смешные сверкающие абстрактные фигурки.

В своё окно я видел вдали неведомую мне раньше жизнь, спрятавшуюся меж пучков трав, невысоких кустиков и невысоких бугорков кем-то приподнятой снизу земли. Из ниоткуда вдруг появлялись желтые живые столбики. Одни поменьше, а другие, почти коричневые, ростом повыше.

– Суслики и сурки. – Поймал мой взгляд дядя Вася. – Они сейчас все нырнут обратно в норки. И мыши тоже. Ты их просто не видишь.

– А зачем? Стоят себе, греются да на машину любуются. Тут ведь мало кто ездит. – Мне было так интересно наблюдать за ними, что подмывало попросить дядю остановиться.

– Ты вверх посмотри, – сказал он и показал пальцем на небо. – Голову вытащи из кабины и гляди, что дальше будет.

Высоко над степью, как раз там, где внизу торчали суслики, не летел, а висел на своих неподвижных огромных крыльях большой беркут. Казалось, что он встал длинными мохнатыми ногами на затвердевший под ним воздух и чего-то ждал. Собрался я рот открыть, чтобы спросить, чего он затормозил. Но не успел. Беркут мгновенно сложил крылья и стал падать как мёртвый. Будто его насмерть подстрелили с земли. Тут же все суслики и сурки исчезли. Беркут падал не как мешок из перьев, а головой вниз. Прошло секунды три всего, а он уже почти плюхнулся на траву. Я даже глаза закрыл. Жалко его стало.

– Ты гляди, гляди! – Дядя Вася толкнул меня в спину. – Пропустишь главное!

Я открыл глаза ровно в тот момент когда беркут в двух метрах от твердой степи резко распахнул крылья, вытянул ноги и коснулся земли. И сразу же взлетел почти параллельно линии горизонта, медленно поворачиваясь вправо и набирая высоту. В его когтях извивалась и надеялась вырваться длинная серая змея.

– Всё, – подытожил дядя мой без выражения. – Гадюке хана, а орлу ужин хороший. Закон природы. Змея ест одних, а её едят другие.

Мне было жаль и змею. Я опустил голову и не стал наблюдать за беркутом.

– Дядь Вась, а мы сами когда есть будем? – ужинать мне совсем не хотелось, но что-нибудь сказать надо было обязательно. Чтобы словами перебить застывшую в мозге картинку, на которой в огромных как клещи когтях трепыхалась обреченная змея.

– Ночевать встанем, тогда и поедем. Это часа через три. Мы уже шестьдесят километров едем по тургайской степи. До Тургая самого два часа ходу. Но мы сейчас вильнем влево и я тебе покажу такое, что всё жизнь будешь помнить и друзьям рассказывать. – Дядя мой сунул руку за спинку сиденья, достал рубашку и на ходу, меняя руки на баранке, надел её аккуратно и ровненько. Пуговицы прямо к петлям. Я засмеялся. Ловко у него получилось.

– А куда вильнем-то? Далеко? – мне было все равно – далеко или близко, но после сцены с беркутом надо было говорить вслух, чтобы забить голосом мысли об орлиной охоте.

Он не ответил сразу. Он вытянул шею и высматривал что-то в траве.

– Ага! Поймал, – шея приняла нормальное положение. Мотор хрюкнул, потом застонал и машина побежала шустрее. – Дорожку топтаную поймал. От ГАЗика шестьдесят девятого. Егерь тут местный мотается. Машина старая у него, с пятьдесят третьего года, но шины новые поставил. Протектор свежий. По его следам мы как раз туда и попадем. Там несколько озёр. По научному – система озёр. Штук пять. И все с одним названием – Сары-Копа.

Еле заметный в примятой траве след повел нас на пологий бугор, поднимающийся над равниной степи с большой неохотой, будто что-то бережно охранял и не желал пускать наверх. Но перед нашим бензовозом и власть природы бессильна оказалась. Бугор сдался и мы с поднятым выше горизонта капотом перевалились через его острый хребет. И когда нос машины опустился, я даже не понял, в какую страну мы попали.

– Дядь Вась...– прошептал я, когда замолчал мотор. – Это и есть другая планета, про какую ты говорил на выезде из города? У нас же бензовоз обычный, а не машина времени. Мы ведь не могли на нём случайно заехать в Африку?

– Подарок тебе от дядьки твоего, которого ты, шкет, недооцениваешь. Да, Славка, машина у меня волшебная. Я тут шепнул заклинание, и вот тебе натуральная Африка! Страна Мозамбик!

Я протер глаза, отвернулся и снова посмотрел вперед. Хотел даже ущипнуть себя для верности. Надо было понять, что картина впереди мне не мерещится.

Передо мной лежало огромное озеро. Мелкое у берега но дальше глубокое, судя по полной волне, вздувавшей воду жидким бугорком метров через пятьдесят. Всё озеро от берега до берега было переполнено птицами. И я их узнал! Я видел их на картинках и в кино. Но сказать что-нибудь или издать ликующий возглас не получалось. Я открыл рот, приподнялся на носки и застыл в таком смешном и дурацком положении, лупая глазами и слегка задыхаясь от учащенного дыхания.

Прямо передо мной, слева, справа и немного дальше от берега ходили, аккуратно переставляя длинные, вывернутые коленками назад тонкие грациозные ноги, лениво, но деловито прохаживались настоящие розовые фламинго. Фламинго!!! Высокие, с удивительно изогнутой длинной шеей и красивым розовым телом и розовыми крыльями, обрамленными по краям черной каймой. Они сосредоточенно и неспешно опускали в воду почти всю голову с крючковатым клювом, у которого самый кончик был черным. Они ужинали. Их гуляло так много, что озеро от них самих и от отражения в воде выглядело розовым. Для меня, маленького, много читающего и жутко любопытного, увидеть живого фламинго на воле, не в зоопарке, казалось таким же невозможным событием, как встретить здесь же Старика Хоттабыча, Жар-Птицу или настоящего Карлсона, который живёт на крыше, но летает где захочет. Эти потрясающие птицы гуляли в моей родимой Кустанайской области, в центре тургайской степи, а не в Африке, южной Америке. Я обалдел настолько, что ничего не мог произнести, но как заколдованный шел к воде.

-Эй! – закричал дядя Вася и ветерок донес до меня кроме его голоса запах папиросного дыма.– Туда не ходи. Испугаешь – улетят. Стой там. И направо посмотри.

Я повернулся и рот мой открылся ещё шире. Проще говоря, отвисла челюсть. Там, между фламинго и за ними, плавали поодиночке, не приближаясь друг к другу, гордо подняв головы с огромными клювами, которые внизу украшались отвисшими бледно-желтыми кожаными мешками, большие, лоснящиеся пеликаны. Они тоже отсвечивали желто-розовым цветом. Более бледным, чем у фламинго. Крайние справа пеликаны плыли полукругом рядышком к берегу. Этим наполовину сложенным кольцом они гнали мелкую рыбу к мелководью. А там опускали открытые клювы в воду и мешками своими подхватывали рыбок. Потом подбрасывали их в воздух, ждали когда они развернутся головой к их голове и снова подхватывали их мешком.

Потом глотали. Про них я читал, что птицы эти перелетные и на зиму улетают на юг Африки, а живут и на Черном море, и на Каспийском, да и в Европе на юге их много. И ещё я читал, что многие народы считали пеликанов священными птицами. Это запомнилось мне хорошо и глядел я на них с придыханием, будто был как раз из того народа, который священность пеликанов уважал и почитал.

Дядя Вася на бугре докурил уже вторую папиросу. Он сел на капот и сверху наблюдал за необыкновенно красочной и бурной феерией птичьего будня, похожего всё-таки на праздник. Так казалось мне.

– Хочешь посмотреть как они полетят?– крикнул он сверху.

-Все полетят? – я не поверил.

– Зачем все? Кого шугану сейчас, те и полетят. – Дядя спрыгнул с капота, подобрал с земли несколько мелких камешков и пошел к воде.

– А зачем? – засмеялся я радостно. Я только сейчас, через час ходьбы вдоль берега понял как мне повезло. С каким чудом я встретился нечаянно, никуда не уезжая с родной земли. – Слушай, дядь Вась, а слонов тут рядом нет нигде? Или Жирафов?

Он не ответил и стал кидать камни прямо под пеликанов. Некоторые просто отплыли подальше, а двое вдруг каким-то образом приподнялись над водой, бешено размахивая огромными крыльями и побежали по воде. Ногами! Они гребли перепонками от себя и бежали как по твердой земле. Взмахи крыльев становились реже и мягче с увеличением скорости разбега и наконец, пробежав так метров двести, они как бомбардировщики тяжело отделились от поверхности и взлетели. Сделали круг над озером и, выбросив ноги вперед, снизились, затормозили ногами о поверхность воды и сели подальше от нас с широко расставленными крыльями. Вместе с ними улетели и несколько фламинго. Отрыв у них был почти без разбега, но такой же мощный и скоростной. Свесив длинные как веревки ноги. Они долетели до конца озера, развернулись и плавно спланировали в тесный розовый табун, никого не задев. И тут же продолжили ужинать, будто и не пугал их никто.

Я был заколдован всем, что видел и переполнен счастьем, которого запросто могло хватить на всех пятерых моих дружков из города. Им просто не повезло, что они не поехали со мной и дядей Васей. Но я уже придумал как обрадовать их рассказом в красках и эмоциях, чтобы они почувствовали хоть каплю той радости, какую испытывал сейчас я.

– Ну, нагляделся?– дядя Вася уже завел машину и стоял на подножке.– Ехать надо, шкет счастливый! А то засветло не успеем до места, где ночевать. Поехали. Я тебе по дороге ещё с верблюдами познакомлю. Пасутся недалеко от поселка. Слышал про аул Тургай? А может это село. Или даже махонький город. Вот мимо него поедem. Заходить туда нет времени. Надо ночёвку готовить.

Я помотал головой влево – вправо.

– И верблюдов тоже не видел.

– Ну, прыгай тогда,– зевнул дядя и сел за руль.

Я помахал красивым птицам двумя руками сразу и пожелал им хорошей жизни и много вкусной еды. Они, конечно, мне ответили. Поблагодарили. Птицы-то серьёзные, культурные. Но я уже ничего не мог услышать. Гремел мотор, звенела цепь заземления позади бака. Её всегда вешают на бензовозы. Я высунул голову из окна, назад. Оглянулся. Но мы уже спускались с холма. Скрылось озеро. Кончилось чудо, которого, как считают многие, не бывает. А я его видел своими глазами. И после этого переубедить меня, что на свете нет сказочных мест и чудес в них, не смог бы ни один человек на Земле.

Такое твердое убеждение закрепилось в голове моей на первых же метрах нашего пути в аул Тургай, зачем-то существующий в самой середине безлюдного степного простора.

Глава пятая

– А то давай заедем в Тургай-то, – я неуверенно и наигранно заныл. Мне было просто жутко любопытно. Я вспомнил Владимировку. Там пахали, косили, пшеница росла, ещё всякие зёрна, да те же подсолнухи. Кукуруза ещё. А, картошка! Целые поля картошки. Через картофельный совхозный огород замучаешься перейти. В ботве застреваешь как рыба в сетях. Пацану вроде меня – по грудь ботва. А картошки потом!.. Машинами в хранилище её неделю возят! Ещё коров много у нас, лошадей, свиней, овец. Народу не хватает, чтобы вовремя всё убрать и разложить по местам. Так у нас вокруг деревни поля сплошные да фермы. А тут на голой, вылизанной ветрами земле, что делать?

Одна серая трава редкими кустиками, кое-где арча, которую вряд ли есть кто будет. Коров не видно. Свиней тоже. Баранов нет нигде. Не по домам же люди их прячут.

– Ты, дядь Вась, знаешь, что в Тургае люди едят, где это берут? Вообще, зачем жить там, где не растет ничего?

– Я же тебе говорю – не заедем. Нам переночевать надо устроиться правильно. А в Тургае оставаться на ночь негде. Пробовали мы года три назад. Это поселок большой. Законы тут как во всех больших сёлах или городах. Незвестных и незнакомых в дом спать не возьмут. А тут тысяч десять народу. Если не больше. Казахи, русские, узбеки туркмены есть. Там речка течет, тоже Тургай. Нам отсюда не видно речку. Так вот, давно, при царе ещё, русские на берегу речки построили военное укрепление. Ну, вроде военного городка. Жили в нём казаки из Оренбурга. И охраняли Россию от восстания кочевников. Целое войско у них было. Да... Ну, там всё обошлось как-то, не знаю. А укрепление переросло в поселок. Люди сюда поехали. Вода ведь рядом есть. И русские ехали, и казахи, уставшие кочевать по степям. Короче набился поселок тем народом, которому на своих местах по разным причинам нельзя было оставаться. И все сюда. Верблюдов разводят, овец, коров. Мясо и молочное всё в Россию продают. Так и живут.

– Тебе хорошо, дядь Вась, – тихо сказал я. – Ты умный и всё знаешь. Я вот уже три года отличник в школе, а знаю в тыщу раз меньше.

Я посмотрел на темные силуэты довольно больших домов, вокруг которых вообще не было никаких заборов. Очертания жилья крупного и мелкого сливались в густую массу одного коричневатого цвета и масса эта уползала вдаль и вглубь. Мы ехали по небольшой возвышенности. С неё виден был почти весь вечерний Тургай. Узкие улицы, прямые как линейки, какая-

то пустота посреди строений проглядывала серым пятном. Наверное, центр города там. Площадь. Меня только смутило, что я не разглядел ни одного дерева и то, что ни в одном доме не горел свет.

– У них деревья не растут, наверное? – я подергал дядю за локоть. Он вытянул шею и глядел на небольшой холм справа от дороги. Горка была высотой метров в двадцать. На фоне темно синего неба выглядела она как нестриженная голова, которую никак не мог правильно причесать ветер. Холм весь щетинился кустами с острыми ветками и под ним происходило шевеление чего-то непонятного, длинного, бурого, и неровного сверху.

– Карагач у них растет, – дядя мой плюнул в окно и резко крутнул баранку к холму. – Карагач один корявый. И всё. И тот маленький. Возле русских домов он есть, а туркмены, киргизы и казахи не сажают почему-то. Тут у них латыш один живет, на аэродроме ихнем работает техником. Года два назад он ездил домой и привез оттуда саженцы сосны, яблони и березы. И, бляха-муха, прижилось всё. Я в прошлом году сам видел. Маленькие деревца. Но живые.

Так он на них чуть не молится. И гладит стволы, и обнимает, веточки изо рта водой обрызгивает. Кусочек своей родины бережет. Молодец. Значит человек хороший. Плохой за слабым и хилым душой не будет болеть. Да и родину свою плохие люди не помнят. Нет у них в недобром сердце места для тоски и грусти по прошлому. Во как! Точно говорю.

– Ночевать под холмом будем? – почему-то обрадовался я.

– Тут на земле спать нельзя, – дядь Вася приподнялся над сиденьем и водил глазами по сторонам. Искал что-то. – Тут ночью к тебе и змеи в гости заглянут. И пауки всякие. Змеи в этих краях – не только гадюки, как наши деревенские. Пошибче твари тут. Гюрзы. Стрелки, да эфы. Щитомордников навалом. Слышал про таких?

– Читал. – Я тоже приподнялся, но куда надо глядеть так и не понял. – А пауки тоже разные?

– А то! Ещё какие разные! У нас во Владимировке какой паук самый нехороший?

– Ну, тарантул. Мы их с Шуркой водой из норки выливали. Вылезет мокрый, но не бежит. Стоит. Его палочкой подцепишь, так он палку кусает, яд спускает. Потом в руки брать можно.

– Можно, да не нужно. Он вообще не ядовитый, но кусает – не дай бог. А вам так и надо. Потому – дураки вы с Шуркой. От его кусачек лечиться долго, – дядя стал объезжать холм.

– Ну так какие тут пауки? – я ещё раз ткнул дядю в локоть. Холм стал поворачиваться к нам левым боком и мне показалось, что он длиннее с этой стороны, потому как километрах в трех от нас он ещё не сравнялся с землёй, а у подножья его ходило какое-то стадо, в сумерках не похожее ни на коров, ни на слонов, которых, как честно признался мой дядя, в округе не было.

– Каракурты есть. Самые злостные. Укусит, считай покойник. Яд раз в десять сильнее, чем у гадюки. Такой не очень большой, черный, но с красной в крапинку спиной. Это бабы ихние кусаются. Мужики никогда. Если увидишь – лезь куда повыше. Или факел зажигай. Они огня боятся. Фаланга есть. Злая тоже. Правда, не ядовитая. Но кусает когда, слюну свою пускает. А в ней дрянь всякая. Жрёт-то она всё, вплоть до падали. Потом опухает всё вокруг укуса.

И если к врачу не успеешь, тоже можно вполне в ящик сыграть. Главное- приклепнуть её непросто. Панцирь на ней толстый. Ну и прыгает как кузнечик. На метр вверх. Запрыгнуть тебе на руку ей как не фиг делать, во! Ну, про тарантулов ты всё знаешь. А что хорошо – нет здесь скорпионов. Вот гадость несусветная. Сколько людей от них померло, да в инвалидов превратилось, сказать страшно. Вот в Кызыл-Кумах на такырах они встречаются. Мы туда специально крюк дадим, в пустыню. Ты ж нет видел пустыню-то. Надо познакомиться.

Тут я разглядел стадо. Огромное. Странное. Даже уродливое. Видны стали длинные шеи, корявые ноги, нелепые губастые морды и неровные спины.

– Это верблюды!!! – заорал я почему-то испуганным визгом и высунулся в окно по пояс. – Ёлки-палки! Верблюды настоящие! Живые верблюды!

Я так кричал, что дядя Вася даже затормозил и посмотрел на меня подозрительно. Видно, подумал, что я сдурел и впал в бесконтрольную истерику.

– Ты б помолчал, – вежливо попросил он и улыбнулся весело. – Разгонишь стадо. Подумают верблюды, что ты их сейчас кусать начнешь. А они же твари мирные, добрые. Корабли пустыни. Хозяева степей.

Он остановился метрах в ста от стада и свистнул громко раза три. Через минуту из-за холма на коне вылетел человек в тюбетейке и сером халате- балахоне, который на скаку развевался как флаг. В руке у него была плеть. За спиной ружьё на ремне. Я и спросить ничего не успел, а его рыжий жилистый конь уже гарцевал перед нами.

– Салам алейкум, Шынгыс! – протянул руку всаднику дядя.

– Аввалеюк-ассалам, Василий-джан! – протянул руку казах Шынгыс.– Кал калай? Опять коров на Каспий тащите?

– Рахмет, джан! Всё жаксы пока! – дядя махнул Шынгысу рукой. – Тащим. Своей травы мало. Слезай. Покурим.

Шынгыс, красавец лет тридцати со взглядом доброго зверя и черными, образующими круг усами и бородкой, спрыгнул с коня как цирковой наездник. Легко и красиво.

– Племяш мой хочет верблюдов посмотреть. Не видал раньше.

– Пусть идет, смотрит!– Шынгыс взял меня подмышки и приподнял над собой. Вон тех видишь? У них два шишка на спина. А рядом ходят, у них одна шишка. Туда иди. Не бойся, они маленьких не кушают.

Он поставил меня на место и громко захохотал. Засмеялся и дядя Вася.

– А чего ржать-то? – сказал я культурно. – Ну, не видал человек верблюдов. И что? Вы, допустим, БелАЗ-532 в Рудном на карьере видели? Друг на друга встаньте – вот такой высоты у него колесо. Так я ж над вами не ржу.

И я, довольный тем, что не проиграл дяде и пастуху-казаху в словесном соревновании, повернулся лицом к верблюдам, широко, чтобы не пропустить деталей, распахнул глаза и почти бегом, счастливый, заспешил познакомиться поскорее с очередным радостным, не похожим ни на что чудом.

Стадо почти никак меня не восприняло, когда я стал подходить ближе. Зато с другого конца табуна выскочил огромный верблюдище с двумя горбами и удивительно быстро для такой нескладной туши, понесся в мою сторону. Горбы его на бегу качались в разные стороны, но не одинаково. Передний влево, задний вправо и наоборот. Сзади за ним возникала маленькая пыльная буря, а изо рта во все стороны разбрызгивалась желтыми пузырями слюна. Я испугался почти до полусмерти и сел на жесткую траву. Никаких предположений в моей окаменевшей голове не возникло, зато я, как иногда говорят, задницей почувствовал, что дело идет, нет – бежит к глупой и бесславной моей гибели на прекрасном степном просторе.

Но неожиданно буквально на два шага вперед отошел от моего дяди Шынгыс и плёткой своей сделал в воздухе три звенящих щелчка. Здоровенная туша сразу остановиться не смогла, но, подняв почти всю пыль в том месте, верблюд как-то смог выставить вперед ноги и остановился.

– Оны ;стама;ыз! Арт;а бару! – крикнул верблюду пастух и ещё раз плетка со свистом крутнулась вокруг него и очередной щелчок, звеня, взлетел на вершину холма.

Верблюд с полуслова уловил мысль хозяина и медленно развернулся. Посмотрел, гордо подняв голову, на Шынгыса и вразвалку, не спеша пошел обратно.

– Это ихний баскарма! – крикнул мне Шынгыс и заткнул плетку за цветастый пояс халата. – Нашяльник на этот табун. Подумал, что ты ;ас;ыр. Волк – по-вашему. Иди, ;оры;па! Это... как... А! Иди, не бойся теперь! Я ему сказал, что ты джигит хороший!

И тогда я почти без страха, но с большим уважением стал бочком подбираться к этим необыкновенным созданиям. Они ходили, постоянно склоняясь к кустикам травы, похожим на прозрачные мячи, и никакого внимания на меня не обращали. Подошел к крайним верблюдам. Один из них, поменьше, имел на спине даже не горб, а что-то похожее на большую кочку. И волос на нем было поменьше, чем у соседа. Второй «корабль пустыни», коричневый, волосатый, с двумя свисающими в разные стороны горбами, которые заросли густой нечесаной шерстью, имел довольно толстые ноги и круглые бока, но морда его, раскачивающаяся вместе с жующими губами вверх-вниз-влево-вправо, не выражала ни радости от еды, ни усталости от однообразной жизни. Я подошел сначала к тому, что поменьше и аккуратно тронул его за шею. Верблюд повернул голову, внимательно посмотрел на меня и наклонился прямо к моему лицу. Он втянул носом воздух, фыркнул и уткнулся носом мне в лицо. Мягкий, но шершавый влажный нос прошелся сначала вверх, потом вниз по лицу моему нежно и миролюбиво. Но меня всё же качнуло два раза так, что устоял я на месте не без напряжения. Он оторвался от моего лица, но смотрел на меня в упор спокойно и с интересом. Глаза у него были тоже влажные и грустные. Я осторожно поднял руку и стал гладить его по морде сверху вниз. Погладил и нос, после чего он ещё раз фыркнул и поднял верхнюю губу. Наверное для того, чтобы я оценил его большие, крепкие желтые зубы. После этого смелость всколыхнулась во мне как камыш от сильного ветра и я прильнул щекой к его морде. Верблюд дышал легко и тихо. Он не отодвинулся от меня, а, показалось, наверное, тоже прижался к моей щеке. Я чувствовал всё его огромное тело, легкую дрожь его, тепло короткой шерсти на шее и даже то, что он медленно

машет хвостом. Мы стояли так минут пять и мне было хорошо и уютно, тепло и радостно. В меня перетекала, чувствовал я, нерастраченная сила его, уверенность и спокойствие, которые сам верблюд каждый день забирает себе понемногу из бесконечной могучей степи, из суховея-ветра и густого знойного воздуха. Потом я поцеловал его в шершавый нос, похлопал по жилистой шее, попрощался и пошел к двугорбому шерстяному гиганту. По пути сорвал тот самый шар из колючей травы, который им так нравился, протянул руку и поднес кустик к его губам.

Эта громадина сделала маленький шаг назад и уставилась на меня, не моргая.

– Вот. Это тебе, – я сделал шаг и приставил траву прямо к его губам. Огромный, коричневый, свирепый на вид верблюд выпятил трубочкой обе губы и верхней осторожно забрал из рук траву. Он жевал и глядел на меня, а я готов был скакать от счастья. Потому, что подружился с таким прекрасным, милым и сильным животным. Если взял из рук корм, значит, объяснил мне, что мы теперь друзья и бояться его – глупое занятие. Потом я обошел его вокруг, похлопывая по бокам, попробовал зацепиться двумя руками за шерсть выше живота и подтянуться, чтобы потом перехватить шерсть повыше и так забраться на спину, а там сесть между горбами. Но этот трюк верблюд не понял. Он шатнулся в сторону и стряхнул меня на землю. Упал я мягко, не больно, а потому сразу поднялся и стал гладить его по шее, потом по голове, когда он нагнулся и повернул морду ко мне. Я гладил его долго, обнимал и целовал в нос, щекотал его за ухом и говорил всякие приятные слова. Если бы их кто-то говорил мне, то я мог стать окончательно добрым, послушным и никогда не прекращал бы учиться в школе на одни пятерки.

– Эй, шкет!– угробил моё счастливое состояние души и тела громкий как гудок паровоза голос дяди Васи. – Или пасись со всеми тут до поздней осени, или поехали на ночёвку. А то там, на месте, нас наши ребята ждут. Давай, бегом!

Я ещё раз погладил обоих моих друзей, оглядел, насколько смог увидеть, стадо и побежал обратно. Душа пела. Сердце радовалось. Я уже представлял на бегу, как расскажу про удовольствие от встречи с «кораблями пустыни» лучшим городским дружбанам Вовке и Витьке.

Шынгыс и дядя Вася сидели на траве и докуривали по последней. Они были веселыми. О чем-то смешном, видно, трепались. Может, и не обо мне.

– А как Вы, дядя Шынгыс, плеткой щелкаете, что аж воздух звенит? – я осторожно потрогал рукоятку у него за поясом. Потом спросил строго. По-моему. – И вообще, она Вам зачем нужна, чтобы верблюдов бить?

– Зачем бить, джигит?! – Шынгыс поднялся, достал плетку. Взмахнул, щелкнул. – Это сигналить чтобы. Верблюды, они же как балалар, ну, как дети, значит. Нехорошо бить. Вот она называется по-нашему «камча».

Коня ей потихоньку задену, чтоб пошел бегом быстро. И траву ей кошу.

Шынгыс и дядя Вася в голос захохотали.

– А как это? – я даже присел. Ничего себе – плеткой траву косить!

– Ну как, как... Вот так.

Шынгыс отошел, откинул плетеный конец камчи за спину и сделал быстрое, неуловимое почти движение. Просвистело жало плетки в сантиметре над землей и вернулось под ноги хозяину.

– Алга! – крикнул Шынгыс и махнул мне рукой, – Бегом, кішкентай ат;ыш!

– Маленький джигит – Перевел дядя Вася.

Я побежал следом, догнал его и остановились мы там, куда он метал жало камчи. Твердая верблюжья трава площадью примерно три на три метра лежала на земле как бритвой срезанная.

– Косим так. Верблюды зима кушать будет на стойле.

– Ни фиги себе! Это ж сколько надо нарезать камчами на такую ораву! – Я очень удивился, но поверил. Чего пастуху врать? – А можно попробовать?

– Держи. Хвост брось за спина. Потом кидай быстро.

Я сделал всё как видел в исполнении Шынгыса. Плеть камчи жалко промяукала что-то невнятное, долетела до травы и там застряла.

– На тот год приедем и Шынгыс тебя научит, – дядя Вася подбрасывал на ладони ключ от машины. – Пойдет?

– Айналайын, – ласково подтвердил Шынгыс.

– Пойдет! – я крепко пожал пастуху руку, он проводил нас до машины. И мы поехали. Я радостный и счастливый. А дядя мой уставший и полусонный. Поехали ночевать.

Темнеет в степи почти мгновенно. Отъезжали мы от пастбища ещё в начале сумерек, а как только выскочили на дорогу – хоть свет включай. Двигались мы медленно. Но не потому, что дорога не нравилась. Просто дядя Вася расслабился и откинулся на спинку. Левую руку он небрежно бросил за окно и она болталась на кочках отдельно от дядино тела, которое хоть и в размазанном по сиденью виде, но машиной управляло как положено. Дальний свет фар вынимал из длинного светлого куска дороги всё, что на дороге валялось, ползло по ней или бежало. Мы проехали старую, лохматую от пробега в спущенном виде шину, валявшуюся справа от колеи. Потом пошли вперемежку большие и маленькие болты, пружины, гайки и куски металлические неизвестно от чего. Днём, да ещё на скорости, ничего на пути в глаза не бросается. Разве что бревно поперек дороги или глубокая яма. Бревну в степи взяться неоткуда, а ямы большие автоматически огибались вокруг по чуть заметному следу на траве.

– Вон, гляди, ящерица большая от нас удирает, ищет место, чтобы из-под фар вильнуть в темень, – дядя показал пальцем метров на десять вперед.

Там по правой колее набирала скорость длинная, похожая на змею с ногами, ящерица. Ноги она переставляла так быстро, что, казалось, будто и не ноги у неё, а маленькие колеса.

Под лучом правой фары спина её переливалась зеленовато-голубыми блёстками, а на голове виднелось темное коричневатое пятно.

– А ты знаешь, как её зовут? – Я выглянул из окна на дорогу. Ящерица пробежала ещё метров двадцать и, резко вильнув длинным в тёмных узорах хвостом, выпрыгнула из луча в мрачную траву.

– То ли Батон, – зевая вспоминал дядя Вася, – то ли Гегемон... А, может, вообще Гематоген. Ну, не знаю точно. Помню, что с буквы «Г» начинается.

Под фарами мелькнула большая бежевая мышь. Просто перебежала дорогу. А ещё через полчаса мы поймали в луч гадюку, которая почему-то ползла в нашу сторону, на свет, но потом моментально соскользнула с дороги. И уже на подъезде к стоянке, где нас ждали две машины с коровами в кузове и дядей Лёней с дядей Валерой в кабинах, в свет фар ворвалась здоровенная птица. Она выпорхнула прямо из-за кабины вперед, туда, где было светло.

У неё был хвост веером из блестящих тёмных перьев и длинные широкие крылья посветлее хвоста, которыми она делала редкие и глубокие взмахи.

– Сова это? – спросил я.

– Филин. – Дядя Вася проводил птицу уважительным взглядом. Тут Кызыл-Кумы рядом. Пустыня. Слева от нас и ниже. Переночуем, я тебя на самый край её отвезу. Вглубь не поедем. Да и далеко ехать. Почти до Туркмении. А филин с этого края пустыни залетел на охоту. Потом обратно пойдет на своё гнездовье. Они на одном месте по пять-десять лет живут.

Впереди на обочине стояли две машины. Коровы в кузовах, высоко огороженных толстыми жердями, спали стоя. Шофера сидели на траве перед белыми, вдвое сложенными скатерками, пили что-то из кружек и ели яйца с зеленым луком. Посреди скатерти стояла большая алюминиевая тарелка с нарезанным сушеным и подкопченным мясом. Так у нас во Владимировке хранили мясо долго, не имея редких по тем временам холодильников.

Мы прижались носом к последнему грузовику, выключили движок, свет, и пошли к белой скатерти. Навалившаяся прохладная ночь освещалась метров на пятнадцать в диаметре большой керосиновой лампой, очень похожей на старинный уличный керосиновый фонарь. Я такой видел в кино

про революционный Петроград.

– Поужинали, Валера? – дядя Вася сел возле фонаря и сказал мне: – Там за моим сиденьем сумка и бидончик. На тебе Жучок и принеси. Я взял фонарик и, сжимая-отпуская нижнюю ручку на пружине, добывал из него довольно яркий свет. Нашел все, что надо было и с трудом приволок сумку и бидон к скатерти.

Ели мы почти час. Лениво, неторопливо. Спешить было некуда, еды навалом, впереди ночь, вокруг фонаря колпак из черного неба, свисающего со всех сторон до земли. Звёзды и луна были отгорожены от нас яркостью керосинового чудо-фонаря, да и темень вокруг не пугала неизвестностью по той же причине. Свет этой чадающей вонючим дымком лампы и темноту делал мягкой, полупрозрачной.

– Вы уже сидели, когда темнеть начало? – спросил шоферов дядя Вася, протягивая мне кусок круглого домашнего хлеба, на котором лежал толстый шмат мяса, луковое перо и огурец.

– Ну, – ответил дядя Лёня, запивая хлеб и лук квасом.

– Не было сегодня огней, Вась. – ответил за товарища дядя Валера. Специально лампаду не жгли. Головами вертели. Не было в этот раз.

– А помнишь, в прошлом году вон оттуда, где холмы и озера глубокие, на востоке получается, три шара поднялись? Два красных, а третий с голубым отливом. И пошли над землёй в сторону Арала. Колышатся, дрожат. А внутри у них что-то переливается и крутится. И, главное, непонятно – близко они к нам или далеко в стороне.

– Ага! – вставил дядя Лёня, с трудом перекусывая сушеное мясо. – А потом они – бац, и под землю провалились. Прямо посреди степи. Там ни ям нет, ни воды.

– А, точно! – дядя Вася посмотрел на меня. Я сидел с открытым ртом и вертел головой то на дядю Валеру, то на дядю Лёню. – И неожиданно вылетели вон там, правее километров на двадцать. Да вертикально вверх с бешеной скоростью. Там под звездами и пропали. Слились с ними как будто.

– Ну да, тут, в тургайских местах, чудес всяких не пересчитаешь. Вечный грузовик с мёртвым шофером так и мотается по пустыне, да по степи. Где его только ни встречали наши мужики. – Дядя Валера допил квас и вытер губы скатертью. – ЗиС-5. Военного выпуска ещё. И, главное, никто остановить его не может. Один наш его обогнал и поперек дороги встал. Перегородил путь. Выскакивает – и к этому ЗиСу бегом с монтровкой. А никакой машины нет. Пусто. А след есть. Свежий, как молоко парное. Ну, он там натурально в штаны наложил и заикался пару месяцев. Страшное дело!

Мне стало жутко. Я машинально прислонился к Дяде Васе, взял его за руку и посмотрел ему в глаза. Он тоже мельком глянул на меня. После чего вставил своё увесистое слово.

– Это ладно. Вот грузовик этот однажды, лет пять назад, за мной шел. След в след. Отставал метров на пятьдесят. Но я в боковое и заднее зеркала всё видел. Да, ЗиС-5. Краска облезла почти вся на железе и на дереве. Фары включены. И сигналил мне. Ну, вроде намекает – давай, тормози! Я гляжу, а за рулем скелет сидит. В фуражке военной. Китель на нем офицерский, но полностью расстегнутый. А под ним кости белые. И пальцы на руле – кости одни. И, главное, пыль за ним летает как и за моим бензовозом. А звука от мотора нет. А он сигналил и фарит – моргает, сигналил и фарит. Ну, я тогда выжал со своего коня скорость под сто километров. Нет, прилип ко мне и не отстаёт. ЗиС – 5, бляха! Он на скорости восемьдесят должен был на мелкие детали рассыпаться. А этот идет ровно, дистанцию одну держит. Причём скелет даже головой своей, с дырками вместо глаз и носа, ни разу не пошевелил. А тут вдруг в стороне аул небольшой из-за бугра увиделся. Так я прямо через бугор, без дороги, напрямик в этот аул на всём газу. Только долетел до первой мазанки, смотрю, а сзади нет никого. Вышел, лопату отцепил позади кабины и бегом назад. Думаю, наверное, за мою машину спрятался. Нет. Пусто там было. Пошел я след смотреть. Так вот, мужики, подумайте, как так: за мной он ехал, след оставил. Видно – не мой протектор. А обратного следа – нету! Вот как это?

Дядя Вася в паузе закурил и отвернулся чуть в сторону от обалдевших дядей Валеры и Лёни. Они наклонились в сторону рассказчика напряженными лицами, с которых на скатерть лились ручьями любопытство и испуг.

Дядя Вася паузу продержал как артист. Столько, сколько надо. Потом воткнул папиросу в зубы и добавил жути, добил товарищей по профессии:

– Иду с лопатой обратно, удивляюсь на ходу, что привидения, выходит, есть натурально. И тут – бац, на окурочек какой-то наступил, а из под сапога искры в разные стороны. Я не курил сам. Вокруг – ни души. Получается, после того скелета окурочек остался. Я прыжком за руль и ходу в аул этот. Примостился к какому-то домику в середине улицы и никуда больше не поехал. Дождался когда хозяин выйдет. Попросился у него переночевать. Амантай, хозяин, постелил мне на полу в сенях. До ночи простоял я на улице возле машины, а поздно стало, пошел спать. У него дверь из толстых досок, а на ней засов здоровенный, литой, чугунный. Задвинул я его накрепко, лёг, а уснул где-то под утро уже. Не шел сон. Стоит этот ЗиС-5 перед глазами, и всё. Короче, той дорогой не езжу больше.

Мужики посопели, пожевали, кто что подхватил со скатерти, по очереди сказали «Ну, ни хрена себе!» и тоже стали вспоминать. Кто-то из их товарищей в этой местности видел город большой. Дома по пятнадцать этажей, машин не пересчитать на улицах, фонтаны бьют, купола золотые видно, но без крестов. С месяцем на верхушке. А ещё месяц назад не было там ничего. Степь до края Земли. Решили заехать в город. Чудно ведь: за месяц такую красоту отгрохать! Подъезжают ближе, а город как мороженое на солнце, на глазах расплавился и пропал.

А ещё сам дядя Лёня в прошлом году ехал с коровами по нижней дороге от Тургая, которая потом в Кызыл-Кумы уходит. Случайно в левое окно глянул и остолбенел. Машину осадил как коня, она чуть в землю по самые диски не закопалась. Перед ним, метров за пятьсот, стоял поезд на станции. Люди ходили по перрону, носильщики тележки с чемоданами катали, поезд стоял длинный с красным паровозом в голове. Пар из трубы, отблески солнца от окон, за перроном рельсы, стрелка полосатая, черно-белая и семафор с круглым красным стеклом, прикрученным к белой штанге, висел параллельно путям. Таких семафоров лет сорок уже как не выпускают. Сейчас везде электрические, в которых за красными и зелеными стеклами – лампочки. Получается, поезд-то из прошлого века ещё! Ну, дядя Лёня посмотрел издали, ехать туда поостерегся. А рванул вперед, прямо по своей дороге. Через пару километров повернул голову в окно, а поезд как стоял, так и стоит ровно напротив. И люди точно так же ходят, и носильщики те же, семафор на месте, красный паровоз из трубы пар пускает. Солнце от окон разбрызгивается.

Дядя Лёня не останавливается, едет, газу прибавил, скорей побежал. Едет и в окно поглядывает. И ему становится не по себе. Поезд, перрон, семафор, стрелка, люди – всё на месте снова. Но останавливаться не стал больше. Какая-то сила заставила его поехать ещё быстрее. Думал, машину раскурочит на кочках при такой скорости и коровы все из кузова повывлетают. А только через десять километров глянул – степь лежит пустая. Беркут парит. Назад оглянулся из кабины – степь ровная, голая, только редкие невысокие деревца саксаула торчат. Он в Бога, как положено советскому человеку, не верил, но всё равно перекрестился для верности и больше не оглядывался. Доехал потом нормально. Ничего больше не попадалось на глаза кроме сусликов да шакалов.

Дядя Валера почесал затылок, пригладил сивый длинный волос назад и тоже, как-то нехотя, припомнил встречу на дороге с ротой солдат в форме, какую в войну носили. Рота шла по степи, впереди сержант с красным маленьким флажком. Метров тоже пятьсот до них было. Глаз у дяди Валеры острый, зрение отличное. Смотрит, у каждого солдата под мышками свертки белые. Кальсоны свежие нательные рубашки и чистые портянки. В баню, значит, рота шла. А до ближайшей бани, в Аральске которая, ещё километров двести.

Он поехал в степь, чтобы поближе к ним, и крикнул: – Мужики, там позади меня четыре машины идут. Если подождать их, то вся рота между коровами спокойно встанет и долетим в баньку за три часика. А так вам ещё пару дней телепаться. А они как шли, так и идут. Даже сержант не повернул головы.

Дядя Валера подумал. Что его не слышали. Ветер дул в обратную сторону. Ну, он тогда обогнал строй и остановился подождать. А их нет и нет. Вышел из кабины, смотрит – пропали солдаты. И пыли никакой, поднимавшейся под сапогами. Тоже нет. Сухо, тихо, гладко, кустики не примяты в степи. Только ветер низкий тоненько свистит и суслики бегают.

Рассказал это дядя Валера, налил из своего бидона кружку кваса и мне протянул. – Давай, пацан, на костянике настоящий квасок!

Пока я пил, все встали, потянулись, а дядя Вася сказал, зевая.

– Ну, хорошо посидели. Ложиться надо. Пошли стелить.

– А еду убрать?– оторвался я от кружки.

– Не, не надо, – дядя Лёня присел три раза и громко выдохнул.– Фаланги, да гюрзы это не едят. А под утро пойдем с Валерой эфу искать. Поймаем для нашего живого уголка клубного.

У них эфы нет. Гадюки, ужи, полозы, гюрзы две, лягушки всякие. А мы им красавицу эфу подарим!

– Тут щитомордники одни. И гюрза. Полно вон там. – Дядя Вася показал пальцем.– Эфы, они в Кызыл-Кумах. И то – ближе к туркменам.

– Ну, попробуем все равно. Денег никто с нас за посмотреть не попросит. Пошли стелиться.

Дядя Валера побежал за грузовик, на ходу расстегивая ремень: – Давайте хором всё оправились за дорогой, да ложимся.

Мы тоже сбегали за дорогу и вернулись каждый к своей машине. Между кабиной и баком у нас брезентом было укрыто что-то высокое.

– Все, что надо в дальнем рейсе, – объяснил дядя.

Кое-как стянул толстый брезент, потом начал доставать сложенные сверху стопкой большие бараньи шкуры. Вытащил шесть штук и бросил мне под ноги. – Давай, стели их под машиной. Стели оттуда, где кабина кончается, да под бак, в сторону раздатки.

Я тогда не знал, что такое «раздатка», но направление понял. Ползал быстро, шкуры разложил ровно и одна к одной.

Дядя Вася втиснулся под машину и раскинулся на шкурах, как на пляже загорают: руки – ноги в разные стороны, а голова у самого конца шкуры.

– А почему шкуры-то? – я нашел для себя довольно много места. Шерсть пахла пимокатной мастерской деда Паньки и потому лежалось мне в этом привычном аромате уютно и спокойно.

– Фаланги, тарантулы и змеи от этого запаха шарахаются, не лезут. Так, может, кузнечики какие запрыгнут или ящерка маленькая. Спи не обращай внимания.

– А волки, шакалы? – в полусне вяло спросил я.

– Волк близко к машинам не подойдет, хоть в них полно коров. И шакалы тоже. Бензином тут на километр вокруг прёт. Это для них страшный запах.

Дядя Вася зевнул так громко, что из-под соседней машины голос дяди Лёни тревожно прошептал: – Вася, нормально всё?

– Всё путём. Спим, – ответил мой дядя, тоже шепотом.

И минут через десять мы уже крепко спали. Может, даже храпели. Но я этого не слышал. Я спал крепко и набирался сил на завтрашний интересный, увлекательный и полезный день, наполненный запахом бензина, степных трав, дорожной пыли и предчувствием новых приключений.

Глава шестая

Под машину, где мы на овечьих шкурах бегло просматривали навязанные впечатлениями прошлого дня сны, рассвет заползал с трудом и долго. Наши шофера с грузовиков будили нас вместо рассветного солнца. Они тихонько пинали наши ноги по пяткам, посвистывали, покашливали. И мы проснулись. Я догадался об этом по первым хриплым и сонным словам дяди Васи:

– Ну, кому там какого хрена надо?

– Пошли эфу ловить, – это произнес дядя Валера.

– Кончай ночевать! Рота, подъём! – так пошутил дядя Лёня.

Мы выползли на свет. Посидели на траве, отходя ото сна всё дальше и глубже в натуральную жизнь.

– Вода где? – почему-то именно меня спросил мой дядя.

– Вот бидон. Там вода, – дядя Лёня поставил нам под ноги пятилитровый бидон. Мы, сидя, умылись. То есть побрызгали на лица. Попили прохладной после ночи воды и поднялись. Было почти светло, но в одной руке дядя Валера зачем-то держал фонарь керосиновый, а в другой длинную палку- рогатину. Рожки были маленькие, сантиметров по пять. Дядя Лёня сжимал в руках толстый джутовый мешок и, отдельно, веревку.

– Ты, шкет, иди позади нас. Вперед не лезь. А под ноги гляди всё равно. Понял? – дядя Вася погрозил мне толстым своим пальцем.

И бригада охотников за страшными змеями медленно двинулась в просыпающуюся степь. Дядя Валера шел на пару шагов впереди и палкой постукивал по земле, разводя иногда по стебелькам густые серые пучки травы. Фонарь он держал на вытянутой руке над землёй непонятно зачем. Всё было видно и без него. В разные стороны убегали маленькие мыши, шустрые тушканчики, жуки какие-то коричневого цвета, разлетались большие мухи, кузнечики, черные бабочки с бархатными крыльями и странные крохотные серые паучки, которые подпрыгивали, переворачивались на бегу, но снова вставали на шесть своих треугольных ножек и чесали от нас подальше так же быстро, как мыши.

Прошли метров двести. Внезапно дядя Валера рванулся как большой барбос с цепи и взлетел над степью аж на полметра, и оттуда, с высоты куриного полета, вонзил в землю рогатину, сопровождая действие воинственным возгласом немолодого охрипшего индейца. Он воскликнул: – «О-оп-она!» и приземлился на колени. Он перехватил палку внизу, а другой рукой вцепился во что-то длинными пальцами. Во что – издали не видно было. Но вдруг трава рядом с ним ожила и стала метаться по сторонам.

– Идите сюда! – позвал он на всю степь, хотя мы держались кучно метрах в трех за ним. Подошли. Дядя Валера прижал к земле рогатиной змею, а пальцами крепко держал её за шею у самой головы. Мне змея показалась красавицей. Примерно метр в длину, с мягким коричневым узором от головы по всей спине. Узор был похож на орнамент, которым обрамлялись все рисунки в моей книжке «Волшебная лампа Аладдина». По бокам она была украшена пятнами посветлее, но не круглыми, а похожими на доминошное число «пять». В общем, пять расплывчатых бежевых точек, напоминающих круг. Всё портила голова. Она имела выдающиеся щеки, сужалась ближе ко рту и казалась почти треугольной. Над большими круглыми глазами с вертикальным зрачком торчали полукруглые некрасивые наросты.

– Молодая, – разочарованно сказал дядя Валера. Таких в клубе, в зоокружке ихнем, три штуки уже ползают.

– А звать её как? – я сел поближе к змее. Она уже не сопротивлялась и только часто выбрасывала быстрый трепещущий язык, раздвоенный на конце.

– Гюрза это. Самая большая из всех гадюк. Из этой поганой семейки, гадючьей, – объяснил дядя Лёня. – Ну, я мешок не разворачиваю, Валера?

– Да зачем? – дядя Валера рогатину приподнял и бросил рядом. – Пусть тут ползает. Растёт пусть. Отпускаю.

Мы отошли назад шага на три, не сговариваясь.

– Ну, давай, малышка, побежала дальше! – дядя Валера разжал пальцы и поднялся. Гюрза ещё малость полежала без движения, после чего без спешки, делая широкие зигзаги своим нарядным туловищем, уползла прямо, никуда не сворачивая.

– Я тебе говорю, нету здесь эфы, – дядя Вася высморкался, чихнул несколько раз и все пошли к машинам. – Будет время в другой раз – сгоняем в пески под Туркмению. Там возьмешь эфу. А сейчас некогда. Мне вон Славку ещё по разным экскурсиям таскать надо. Пусть в дикую жизнь вникает с любовью. Правильно, шкет, я рассуждаю?

– Ага, – подтвердил я радостно, от того, что впервые видел такую большую и страшную змею своими глазами.

А через полчаса мы всё собрали, разложили по местам и поехали к Аральску. Туда, где рядышком море. Первое море в моей жизни, которое я увижу не на карте.

Мимо города мы проскочили на скорости по верхней дороге, с которой Аральск смотрелся живописно, облагороженный поднимающимся солнцем. Золотились под радужным лучом глинобитные желтые и белёные дома, бликовала зелень деревьев городских и был он большим, красивым и шумным. Гудели какие-то моторы, слышались голоса, ехали грузовики и машины с будками к трём длинным белым зданиям с красной крышей. Во дворах этих зданий штабелями стояли решетчатые ящики, бочки, валялись трубы, висели на вбитых кольях серые многометровые сети бредешки с ручками из тонких брусьев.

– Рыбзаводы это, – сказал дядя Вася. – Ловят рыбаки в Арале, а здесь мастера разделяют, сушат, коптят, солят и консервы делают. Рыбы тут – девать некуда.

Сзади засигналили нам оба наших грузовика. Мы остановились на обочине.

– Вась, а ты ж малыцу хотел Кызыл-Кумов кусочек показать. Куда погнал-то!? – дядя Лёня поднялся на подножку и сунул лицо, облизанное ветром до шелушения, в кабину.

– Ё-о! – вспомнил мой дядя. – Я и забыл. Разворачиваемся.

– Вот. Правильно. Час вам даём на туда-сюда. А мы с Валерой забежим пока в город и возьмем шубата пару бидончиков для пользы организма. В Кульсарах на Каспии и выпьем. – Будешь верблюжье молоко пить?

Это он уже меня спрашивал. А я никогда шубат не пробовал. В Кустанае и Владимировке его не было. А больше я не ездил никуда, кроме Киева, где про него, наверное, и не слышали совсем.

– А то! – утвердительно закивал я в ответ. – Соскучился уже по верблюдам и по молоку ихнему. Мне показалось, что я хорошо пошутит.

Они стали, раскачивая коров в кузовах, спускаться на нижнюю дорогу в Аральск, а мы погнались обратно, потом свернули направо и тоже стали спускаться в сторону от моря и от города, понемногу уходя всё левее к почти черному, как свежая пахота, пространству, конца которому я не увидел.

– Направо глянь! – Дядя мой сбросил скорость и ткнул пальцем в промежуток между городом и тёмной землёй, к которой мы летели на всём газу.

В этом промежутке далеко от нас солнце поливало желтую землю. Она уходила к горизонту не ровной площадью, а волнами, буграми и даже одна красноватая гора выделялась острым своим верхом.

– Это пески пошли. Видишь, там и желтый песок есть, но основной цвет – красноватый. «Кызыл» по-казахски. Идет песчаная пустыня под Туркмению. Равниной да барханами и маленькими горами из красного песка. Туда нам не проехать. Закопаемся под самый капот. А тут в Казахстане только небольшой кусок её. Такыры.

– Кто? – переспросил я, не отрывая слезящихся под встречным ветром глаз от барханов и красных гор песка. – Картина меня заворожила и привязала к себе мой взгляд как канатом.

– Такыры. Земля пересохла. Тут везде, почти начиная от самого Кустаная в древние времена море было сплошное. Потом тысячелетиями подсыхало. И вот что от него осталось, так это Аральское, Каспийское, да чуть дальше – Черное море. Земля стареет. Вода уходит – верный признак, что стареет земля и когда-то всё засохнет, и она остановится. Тогда всё исчезнет. Всё умрёт.

После этих слов мы стали думать об этом страшном времени, когда больше не будет ни фламинго с пеликанами, ни верблюдов, и змей не будет. Ну и нас, конечно, тоже.

С этими печальными мыслями мы незаметно ускорились и уже через час ворвались в инопланетное пространство. Я видел такое на картинках в фантастических книжках, которые лежали дома. Их любила читать мама.

Гладкая ровная земля, иногда большими кусками вдавленная какой-то силой метра на два вглубь, состояла из отдельных пластин, похожих на коросту. Они не соединялись, из щелей между пластинами не росло ничто. Поэтому пространство, сложенное из отдельных, оторвавшихся друг от друга и неодинаковых по размеру кусков земной коры, было похоже на мозаику, выложенную откуда-то сверху огромной умелой рукой художника и скульптора, который успел всюду по-разному расписать и разукрасить Землю, вылепить на ней горы, собрать огромные мозаичные картины из высохшей и разорванной миллионами трещин почвы, раскрасить тёмной синевою моря и лазурью луга и лесные поляны.

– Выходим, – вернул меня из глубин воображения добрый голос моего обожаемого дяди. – Станция Марс. Стоянка десять минут.

Я спрыгнул на такыр и сразу же почувствовал, что земля дышит. Из широких расщелин между пластами струилась нежная прохлада, которая, если приложить руку к щели, напоминала холодок осеннего воздуха, вливающегося в дом через приоткрытую форточку. Я сидел и всем телом, всеми нервами ощущал дыхание глубин нашей дорогой планеты.

Вокруг происходила разнообразная жизнь, чего я совсем не ожидал. Ползали разные жуки, большие и маленькие. На хорошей скорости носились мелкие пауки, бегали крохотные серые ящерицы, летали тонкие красноватые мухи и маленькие пестрые птицы, которые часто

садились на такыр, что-то склеивали и взвивались вертикально вверх, делая новые виражи с заходом на разведанную с высоты еду.

– Ты ж, дядь Вась, обещал мне показать на такырах пауков каракурта и фалангу, щито-мордника обещал показать, страшную змею. – Я поднялся и пошел вперед к каким-то кустам с кривыми и неказистыми ветками, усыпанными крохотными, слегка зеленоватыми листочками. Левее них торчали такие же кусты, но чуть пониже и пораскидистей. И стволы с ветками у них были светлее.

– Это саксаулы, – крикнул мне дядя. – Черные и белые. Так их называют. Сейчас не цветут уже, а когда весной проезжаешь мимо, пахнут цветы саксаула как духи. Розовые и сиреневые мелкие цветочки пучками висят на концах веток. Я потрогал ствол черного саксаула. Он был гладкий, бугристый и прохладный. Что меня очень удивило – от саксаула на земле не было тени при очень ярком солнце. Вообще.

– А тень куда делась? – крикнул я.

– Вот саксаул – одно единственное дерево на Земле, или куст, не знаю точно, которое тени не дает. Чудо природы. И никто не знает почему. – Дядя Вася шел за мной, внимательно оглядывая по сторонам такыры. – А! Нашел! Иди ко мне.

Я, осторожно прыгая через трещины земные, подбежал к нему.

– Блин! – мотнул дядя головой и рукой махнул на меня. – Я тебе говорил: по пустыне не бегай. Наступишь на кого-нибудь, потом хорони тебя, шкета малолетнего. Вон, гляди: круглоголовка такырная. Ящерица. Серая, маленькая. Вон сидит, возле крайнего саксаула. Надо тихонько подойти сбоку, чтоб не спугнуть

. И у нас получилось. У ящерицы была, действительно, круглая головка с маленькими глазками. Сама она была такого же грязно-серого цвета как такыр, но живот и низ хвоста выделялся матовым почти белым цветом. И, что меня удивило, по всей спине у ящерицы торчали шипы. Толстенькие бугорки, заостренныеверху.

– Острые шипы? – спросил я.

– Не трогал, – засмеялся дядя Вася. – Но природа зря ничего не делает. Наверное, не всем удастся её сожрать. Кому-то шипы не по зубам будут.

Я ещё раз внимательно изучил ящерицу, чтобы запомнить, и мы пошли искать каракурта или фалангу. Ходили бестолку минут десять, встретили по пути маленькую черепашку, названия которой дядя мой не знал, но сказал, что тут их много. И наконец нам повезло.

– Стоять! – дядя взял меня за плечи и прижал к земле. – Вот теперь стой и не шевелись. Смотри прямо на конец моего пальца.

Он приставил свой указательный сверху к моему носу и вместе с пальцем рукой повернул мою голову вправо и вниз.

– Гляди внимательно метров на пять вперед и вниз. – Он перешел на шепот. – Вот этот желтый с серым пузом паук и есть фаланга.

И я её увидел. Бесформенный, толстобрюхий, песочного цвета паук с длинными, высоко изогнутыми над телом волосатыми крепкими желтыми ногами, сидел, раскрыв некрасивый слизистый рот. Собственно, и не рот это был, а широко раздвоенный коричневый клюв. На верхней и нижней частях этого загнутого внутрь клюва торчали по два треугольных, тоже искривленных зуба. Круглое как яйцо тело этой «красотки» опоясывалось пятью вдавленными темными кольцами.

– Что это за кольца, зачем? – прошептал я.

Дядя Вася, не снимая рук с плеч моих, так же тихо ответил, что всё тело у фаланги – сплошной крепкий панцирь. И что раздавить её на почве даже ногой просто невозможно.

– Хотя и без яда, но самый зверский паук на свете. Ничего и никого не боится. В драку лезет первым даже на человека, не говоря уж о животных. Быстро бегают. Догонит кого угодно. И прыгает на метр вверх. Кусает больно и со слюной заносит все инфекции и микробы. Ну, от жратвы своей, оставшейся гнить во рту. Вот эти микробы и до смерти довести могут, если к врачу не успеешь добежать.

Дядя Вася, не убирая рук с меня, стал медленно пятиться назад, уходя подальше от фаланги. Потом уже отпустил меня и сказал, что больше тут мы до вечера ничего не увидим интересного, а ждать нельзя. Ехать надо.

Мы, прыгая через трещины такыра, бегом добежали до машины. Но в кабину дядя сразу влезать не разрешил. Он открыл обе двери, достал из боковины бака, где лежат шланги, тонкую палку и минут десять ковырял ей под сиденьями, за ними, стучал по потолку и панели. Только после этого сунул палку обратно, мы запрыгнули в кабину и поехали теперь уже на Аральское море. Наконец-то. Я ехал и переживал всё, увиденное в пустыне, а дядя, по лицу было видно, тоже переживал. Но о чем-то другом, о своем. А вот о чём – мне по возрасту и опыту знать было не положено. И ехали мы молча, подминая под колеса серо-бурую пыль с тонкой колеи. Ехали просто в другое для дяди моего место, а для меня в новое путешествие по незнакомой планете Земля.

Снова на левой стороне возник Аральск. Мы проехали его уже как знакомый мне город. Но солнце уже переехало зенит и Аральск потускнел. Зато с горки он стал виден лучше. Лучи не мешали видеть его во всю длину, не отсекали яркостью своей расположенный в дальней низине конец города. Он выглядел как-то уж очень строго. Огромные прямоугольные дворы, огороженные высокими заборами. Дворов таких я насчитал пять. Из-за заборов не видно было домов. Только одинаковые серые шиферные крыши. Они лежали на домах ровными рядами. Нигде жильё так ровно, по линейке, не строят.

– А там вон, вдалеке, дворы большие, одинаковые, это что? – я попытался разглядеть хоть что-нибудь во дворах, но не получалось.

– Это военные городки. Пять гарнизонов разных. – задумчиво ответил дядя Вася и лицо его стало напряженным. Похоже было на то, что он снова пытается догадаться о смысле существования пяти военных городков в Аральске, вокруг которого на многие сотни километров

не было ничего. Кроме степей, пустыни и мизерных аульчиков, которых даже подробная карта не разглядела на ровной поверхности.

– Да мать их перемать, эти городки! – он крепко стукнул ладонями по баранке. – Пять лет подряд у местных спрашивал, что там за военные. Не знает никто! А тут, мля, только со змеями воевать, да с каракуртами. Но не из пушек же их расстреливать и не танками давить! Тут же ни одной вражеской страны на тыщи километров нету! Вояки, мля! Спрятались ото всех в пустыне, чтобы враг не нашел, если что вдруг. Тьфу ,тьфу, тьфу... Короче, я тоже не знаю. Оно мне, конечно, без разницы. Пусть стоят, раз поставили. Но всё равно тут что-то не так. Байконур обслуживать – так какого хрена от него строиться за семьсот километров? Сказать, что по Аралу линкоры ходят с крейсерами, да подводных лодок полное дно – так не ходит ничего на воде кроме рыбацких посудин. А подводные лодки чего по дну будут лазить? Ракушки собирать? Но ведь почему-то же народ не в курсе – на кой хрен развели тут такую тайну! Вот не люблю я это. Наш народ в такой войне победил, а ему, вишь ты, нет доверия. Ещё раз – тьфу!

Он за Аральском повернул налево и по отчетливой ровной дороге на приличной скорости погнал вперед вдоль моря. Дорога шла выше, медленно спускаясь, и долгое время скрывала берег от глаз. Только возле самого горизонта небо и вода были почти одного цвета. Потом впереди замаячил в дрожащем от близости к воде воздухе поселок.

– А в деревне этой нам что делать? – грустно спросил я. Мне хотелось поскорее встретиться с морем.

– Я тебя везу показать самое страшное, жуткое и загадочное место на Земле. Деревня побоку. Каратерен – так называется посёлок. Тут сети ремонтируют. И новые плетут. А вот прямо напротив него – остров есть. Огромный. В море уходит. Вдаль. Подожди, сейчас сам увидишь, – дядя Вася выключил коробку на нейтралку и машина покатила с горки своим ходом, без мотора. Справа внезапно и пугающе вдруг выскочило второе небо. Первое было вверху, на своем месте, а это лежало внизу, на земле. От этой двойной ослепительной синевы я зажмурился и нагнул голову к коленям, успев срывающимся голосом уточнить у дяди.

– Внизу небо – это море?

– Оно самое! – весело и громко почти пропел он. – Арал-батюшка. Тормозим. Выходим. Дальше топаем на своих тренированных.

Мы остановились, исчез последний шум: шелест шин на твердом дорожном песке и мягкой, не такой как в степи, траве. Я спрыгнул с подножки, снял кеды и побежал к песчаному берегу. Он на секунды прикрывался мягкой и неторопливой волной, которая так же неспешно сползала с песка обратно. Море! Я стоял на песке, волна осторожно переваливалась через ноги, отдавая мне и тепло своё и прохладу, и звала за собой. Так мне казалось.

Я огляделся. Левее песчаной площадки, на которую меня сами принесли ноги, лежали острые крупные камни, круглые отполированные валуны, вдоль берега прямо в воде и на суше рос камыш, какие-то краснолистные кустики с бледной от яркого солнца корой. Это если смотреть влево. Направо, в сторону бугра, с которого мы спустились, виден был небольшой обрыв. С него свисали зелеными головами пушисто цветущие ветки молодого тальника. Потом я вернул взгляд на место и уперся им в море. Как только ни упражнялось воображение моё в оценке

фантастической картины, в которую я провалился и растворился волшебным образом. Я видел себя не глазами, а трепетными нервами то на другой планете, оставшимся навсегда, то в глубине немереной, плавающим в стае здоровенных акул, то самой частью моря, волной его, нет, даже каплей этого чуда. Я представлял всё это и подсознательно благодарил и дядю своего и судьбу мою короткую, которая уже в начале жизни ни за что преподнесла мне такой подарок.

И стоял бы я так не знаю сколько ещё, если бы дядя Вася не взял меня за руку и не вывел на сушу.

– Ты, Славка, передохни чуток, волнение утихомирь, а потом пойдем главное смотреть.

Я сел на траву, мягкую, ласковую и стал успокаиваться. Слушал звук моря, непривычные крики морских птиц и шелест кустов и веток камыша.

Повернулся в сторону поселка, начал разглядывать дома и обратил внимание на то, что на всех столбах, которые торчали вокруг поселка и внутри него, на больших каменных сараях или складах висели горящие электрические лампочки. Это уже почти днём. Около одиннадцати.

– Забыли выключить? – спросил я сам себя.

А ответил мне дядя Вася, который всегда знал почти всё.

– А чего им выключать. Им солярку жечь надо. Генератор слышишь? Ну, вот он тархтит постоянно. Он свет и даёт в поселок. А работает он на солярке. Наш бензовоз на бензине. А генераторы, трактора, комбайны – на солярке. Им её выделяет государство для освещения и для работы тракторов. Комбайнов тут нет. А солярка – это ж отходы при изготовления из нефти бензина. Поэтому дают её по разнарядке, сколько насчитали в Госплане. Есть такая контора. Она всё знает. И сколько совхозу бензина дать. Он, кстати, тоже копейки стоит. Литр – двадцать копеек. А к нему довеском солярки дают бесплатно. И все, кому горючее дали, должны потом отчёты написать, что его израсходовали полностью. Если напишешь, что только половину спалил горючки-то, на следующий год тебе привезут уже половину, а то и меньше. Потому что, мол, плохо работали раз не стопили бензин да солярку. Вот и жгут её и, когда надо, и когда бестолку. У нас во Владимировке мы, помнишь, каждый день бензин из бака в траву сливали по вечерам, когда в гараж надо ехать? Вот по той же причине. Наши начальники пишут наверх будто всё, что прислали нам, мы сожгли на работе. Тогда нам снова дают по полной. А не дай бог отчитаешься неправильно, что не всю использовал, так тебе потом уменьшат количество. Да так, что на уборку урожая, когда действительно много ездить надо, как раз и не хватит. Вот у нас в деревне с другой стороны МТС стоят две больших цистерны для солярки и три для бензина. Солярку трактора и комбайны за год не могут всю использовать. Она на зиму остается. И замерзает в цистернах. Так трактористы под цистернами костры разводят, чтобы она текла из крана. Зимой какая у тракторов работа? Снегозадержание, да дороги ножом чистить. Солярка по половине цистерны до весны остается. А тут уже тебе новую везут. По полному плану. По их расчетам. А старую куда девать? Сказать, что осталась половина от прошлого года, нельзя. Срезают объемы. Опять в посевную и уборочную не хватит. Вот у нас весной и сливают солярку в яму. Выкапывают канал от цистерн до ямы этой, которую экскаваторами выкопали, и по каналу в яму её и сливают. А она ж не бензин. Жирная. Впитывается в землю плохо. И у нас там целое озеро из солярки. Потом покажу. Сольют и канал этот закапывают, чтобы не видно было.

– Значит очень богатая у нас страна! – сказал я гордо – Войну выиграли, теперь ничего для народа не жалко государству.

– Дурак ты, шкет, – грустно ухмыльнулся дядя Вася. – Вечно так не будет. Землю доить на нефть еще лет двадцать можно и разбрасываться бензином, соляркой, мазутом. Но всё всегда кончается. Еда, вода, хлеб... Беречь надо. Экономить. А нас заставляют добро выкидывать. Вот представь, что дома вас четверо, а бабушка твоя готовит на десятерых. Вы же не съедите? Нет. Значит или пропадет еда, или выкидывать её надо. У вас полный погреб еды.

Таки он сегодня полный, но если на десятерых готовить и остальное выкидывать, то когда-то ведь в погребе не останется ничего. А могло бы остаться. Если беречь и не тратить лишнего.

Он посмотрел на мою застывшую физиономию.

– Понял хоть чего?

– Не всё и не совсем, – ответил я как пионер. Честно.

Ну, ладно. Пошли теперь самое жуткое место смотреть. Барса-Кельмес называется. В переводе с казахского – Пойдешь-не вернёшься. Не боишься?

– С тобой, дядь Вась, не боюсь! – сказал я бодро и, кстати, тоже честно.

И мы пошли чуть дальше поселка по берегу.

– А это что, пещера? Или гора? Может пропасть, где дна нет?

Мне всё же страшновато было и болтовней я страх прижимал.

– Остров это. Красивый. Цветущий. Но самый страшный остров, хранилище тысячелетних загадок и мрачных тайн.

Дядя мой надвинул кепку на глаза, плюнул себе под ноги, перекрестился зачем-то и сказал хрипло:

– Гляди. Запоминай. Здесь живут самые страшные земные и неземные ужасы.

И он показал вперед, в море, где километров в пяти благоухал невиданной красоты зеленый остров, Весь в изумрудно-блестящих деревьях и ярких цветах. От него веяло прямо до берега тонким теплом и ароматом густых трав. От него свежий ветер нёс к берегу веселые птичьи голоса и громкий шелест травы, сквозь которую пробивались какие-то странные лошади, похожие и на ослов, и на лошадей.

Страх тут же исчез. Осталось любопытство и радостное чувство от потрясающей неземной красоты.

До острова глазомер дяди насчитал пять километров. На воде это расстояние каким-то образом сжимается. В степи за пять километров я вряд ли смог бы разглядеть лошадей, да ещё и понять, что они напоминают ослов.

– Эх, лодку бы сюда, – мечтательно заныл я. – Посмотреть бы на деревья, потрогать их, листочков нарвать на память, в книжках засушить. С самого острова Барса-Кельмес. Пацаны городские сдохли бы от зависти.

– Ты лучше послушай, что скажу. – дядя Вася снял кепку вытер ей совершенно сухое лицо и сел. Я пристроился рядом с ним и уставился на остров, не мигая и не шевелясь. И ждал рассказа. А он всё тянул, покашливал, закуривал, гасил папиросу и снова закуривал, клал ногу на ногу, потом поджигал их и усаживался по-казахски. Попутно он изредка смотрел в небо, несколько раз резко опускал голову и впивался мрачным взглядом в остров, как будто рассказ, который он обещал мне, должна была прислать с острова волшебная его сила.

– Забыл что ли, а, дядь Вась? – дернул я его за руку.

– Тут мне один местный рыбак с завода ихнего года три назад говорил, что если знаешь тайну острова, то не говори её никому. А то помутнеешь разумом и сила телесная сгинет из тебя. Лежать будешь в холодном страхе, безумный и неподвижный. Пока не помрешь от этого страха. Сожрет он тебя.

– А тебе самому кто про остров страхи рассказывал и тайны открывал?

Дядя Вася посмотрел снова в небо, ещё раз вытер кепкой лицо, высморкался нервно и с удивлением сделал для себя открытие.

– Ну, как!? Он же и рассказывал, этот рыбак самый. Он всё про Барса-Кельмес знает. Даже доплывал один раз до берега на лодке. Час там сидел, рыбу ловил. И неплохо наловил. Не помню какую рыбу, не запомнил.

– Так он живой ещё? – тихо, чтобы дядя не обиделся, узнал я.

– Так видал я его в этом году весной, – дядя напряг лоб и надел кепку. – Мы цистерны новые две штуки привозили в Кульсары, на Каспий. Я на грузовом «УралЗисе» приезжал. Встретил его в Аральске случайно. Я за хлебом заехал в магазин, а он там водку брал на день рождения жены. Живой, мля, мать его туды-сюды! Морда – вот такая!

Он описал круг в воздухе. Выходило, что морда у рыбака была с мотоциклетное колесо.

– Вот же сучок, мля! – сделал правильный вывод мой умный дядя. – Ну, тогда слушай. И он начал шепотом рассказывать, упершись взглядом в остров. Как будто боялся, что остров мог его услышать.

– В легендах много чего говорится. Я расскажу только то, что слышал не один раз. Значит, правды больше, если разные люди, которые друг друга не видели никогда, рассказывают одинаково. Короче, в одной легенде говорится, что ещё позапрошлом веке однажды рыбаки, не здешние, пятеро их было, плыли в большой лодке по Аральскому морю с другой стороны. И ничего вокруг не наблюдалось. Вода сплошная и всё. А как только нос повернули к берегу

– ажник испугались. Перед ними не из-под воды, а как бы из воздуха объявился-вырос красивый остров, весь в зелени трав разных и деревьев. Птицы над ним кружились, рыба рядом играла, из волн выпрыгивала. И так тянул к себе этот остров, что они без вёсел к нему пристали и на берег пошли. Стали идти по берегу вокруг острова и насчитали, что величиной он примерно на сто с лишним гектаров тянет размером. Ну, это я так перевожу. Они как-то по другому размер называли.

Людей на острове не было. Бегали звери мелкие, суслики, зайцы, тонкие быстрые змеи носились в траве. Лошадей смешных видели. Поменьше обычных, ноги короче и морды похожи на ослиные. Деревья всякие росли одно к одному. Берёзы, сосны, ели, осины, ольха и карагач. Цветов и ягод всяких – даже не перечислишь. А с одной стороны острова всё это богатство земли как кто топором отрубил. Резко от леса отделялась красная пустыня гектаров пятнадцать размером. И не было на ней ни травинки, ни камушка, ни существа живого. Повернули рыбаки обратно, к лодке своей. Дошли до места по следам своим, глядят, а нет лодки. Искали и там, и сям – нет её и всё. Хотя привязали крепко к дереву. Но и каната не было. Как вроде отвязал кто.

Да... Ну, помыкались они по берегу, вокруг остров ещё раз обошли. На воду вдаль глядели. Нет, не унесло лодку. Просто испарилась, и всё. Рыбаки уже собирались плот из деревьев рубить. У одного за поясом топорик имелся. Но тут вдруг на том месте, где они лодку привязали, один из них увидел огромное яйцо. И какой-то голос, которого никто не слышал, но все почувствовали его нутром, сказал, что уже пора обедать. Нечего голодными ходить. Разбейте, говорит, это яйцо и ешьте. Достал тогда рыбак свой топорик из-за пояса и попробовал разбить яйцо. Топорик отскакивал, а яйцо даже не треснуло. Впятером по очереди кололи они яйцо, но разбить диковинную находку не смогли. Тогда один рыбак разозлился и со всего маху пнул это яйцо сапогом своим. А оно – раз, и развалилось. И вылез из него маленький зелененький змеёныш с палец длиной.

– Ну чем тут пообедаешь!?! – плюнули на змеёныша злые рыбаки и собрались уже идти лес валить для плота. Только смотрят, а змеёныш-то на глазах прямо стал расти как будто кто-то растягивал его и надувал воздухом. Они оцепенели и онемели. И как вроде приросли к земле. За какие-то мгновенья он вырос в огромного дракона или ящера и начал жрать рыбаков по одному. И съел четверых по очереди. А пятый, пока дракон жевал, смог отклеиться от земли и – бегом к воде. Потом упал и ползком пополз. И вплавь поплыл к тому берегу, где мы с тобой стояли. А там всего пять километров. Доплыл.

И тут ему бы, дураку, держать язык за зубами. Так нет. Стал налево-направо всем кому ни попадя страсти эти рассказывать и хвастаться, что на него у дракона сил не хватило.

А дело-то давнее. И мы тот народ древний не знаем. А люди тогда считали себя главными среди всех зверей. И они решили дракона убить. Поплыли туда с разным крепким оружием. Ждали их неделю, месяц, два. Не дождались. Сожрал их дракон. После этого все как с ума посходили. Молва про дракона в разные страны добралась. И везде находились желающие расправиться с драконом. Сколько народу туда плавало, и не скажешь. За много лет – тысячи. И все пропали. Всех сожрала тварь эта. Вот так, Славка.

Такое тут гиблое место.

– А сейчас где он, дракон? – осторожно шепотом спросил я, отодвигаясь от берега на заднице, помогая себе ногами.

– Испужался? – подобрался ко мне и дядя Вася. – Правильно. Впустую люди языками мотать не станут. Здесь он и сейчас. Потому и название такое, потому и не заманишь туда никого даже миллионом рублей.

Мне захотелось заплакать. Было жаль и рыбаков, да и всех остальных, которые хотели очистить остров от нечисти, но там и пропали.

– Так ты думаешь, это и всё страшное про Барса-Кельмес? – дядя горько усмехнулся. – Тут ещё посерьёзней чудеса творятся. Такие, что даже ученые не могут объяснить, руками разводят. Ладно пошли отсюда. В машину сядем, я тебе ещё пару загадок загадаю про остров. А ты попробуй потом в книжках поискать, как их можно объяснить.

Я бросил долгий прощальный взгляд на прекрасный издали остров, мысленно пожелал дракону побыстрее исдохнуть, и мы пошли к машине.

Глава седьмая

Мы выбирались обратной дорогой в горку, невысокую, но затяжную. Мотор пыжился, угрюмо и зло подвывал, но на бугор нас вытащил без обид за насилие.

– Сюда глянь, Славка, – дядя протянул мне левую руку, на которой красивым кожаным ремешком с выдавленными узорами держались часы «Победа». Большие, с белым циферблатом, золотистыми цифрами и тёмно-зелёными стрелками. Они светились в темноте и ночью указывали на такого же цвета точки под каждой цифрой. – Мы на место против острова в десять сорок пять пришли. Я смотрел. Сейчас сколько? Гляди сюда!

Я установил резкость, откачнувшись назад. Дядя Вася сунул мне часы прямо к носу.

– Сейчас времени ...это самое... А они правильно идут? Времени получается ещё девять пятнадцать. Ты их что, назад подкрутил?

– Не ещё девять пятнадцать, а уже! – Дядя не убирал руку – Это вечер. Пятнадцать минут десятого. Скоро тут темнеть начнет. Сейчас отъедем подальше вдоль берега, ещё раз на море глянешь. Оттуда его целиком видно.

Ну и на часы потом ещё раз полюбуемся.

Километров через пять он заглушил мотор, снял часы и дал мне.

– Смотри на море и иногда на часы. Ты примерно представляешь – сколько мы стояли напротив острова и возле поселка?

– Полчаса?

-Точно, полчаса.– Дядя помолчал и причмокнул губами. Головой качнул, в затылке почесал. – Так вот. А если на часы ориентироваться, то хошь-не хошь, а торчали мы там почти целый день.

Часы-то идут здесь страшно быстро. Сколько сейчас?

– Половина десятого! – заорал я то ли от страха таинственного, а, может, от непонимания простого.

– Ну, ну, не сдурей! Не хватало мне бешеного возить! – развеселился дядя.

Забрал у меня часы и стал что-то с ними делать.– Это я время обратно возвращаю. Понемногу мы там и были на самом деле. Ну и сюда ехали пятнадцать минут. Утро вот тут сейчас. Здесь, на этом берегу, на этом месте – утро. Какое и было когда ехали сюда. Ну, прибавь ещё сорок пять минут. Вот. Я теперь ставлю обратно время. А там, возле острова, где мы сидели, время, скажу я, не летит как угорелое. Часы ускоряются, конечно. Сам же видел. Но не шибко. Всё же пять километров до острова. Вот на нём самом – да! В десять раз быстрее прёт, чем везде. Понимаешь, штука какая. Побудешь там день, а домой вернешься – тебя уже неделю ищут везде.

– Как это – побудешь? – я почти возмутился – А дракон? Змей этот. Он же всех ест!

– Да нет там змея никакого, – дядя снял кепку. Вытер сухую шею. – Это сказка. Легенда. Кто придумал – не известно. Но ей уже, говорят, лет сто отстучало. А вот мне в Аральске рассказывали, что сюда ещё с конца двадцатых годов ученые всякие ездят. До сих пор, кстати. Никто не пропал. Все живы, слава Богу. Изучали остров. Животных, растения. Куланов, ну этих лошаaddock, на ослов похожих, они же и завезли.

Пустыню нашли на острове. Голую. Каменную, без песка и такыров. Вот на ней как раз все эти придурачества и творятся. Про Барса-Кельмес эти профессора книжек несколько штук написали. Так вот они и доперли, что на острове этом есть эта...вспомню сейчас...А! магнитная и гравита... Как же он сказал то? Короче – магнитная и грави там какая-то огромная аномалия. Что из земли островной идет невидимый столб какой-то не электрической, а другой, но энергии. Она искажает и время, и само место. Остров этот, известно уже, по площади сто гектаров с копейками. Ну, как наших шесть клеток пшеницы на поле. А начнёшь ходить по острову – за полгода не обойдешь. Так искривляет и увеличивает. Как вроде через лупу здоровенную.

И вот, сам видел, со временем какая хрень наблюдается. Кто про всё это не слышал, а попал на остров, с катушек спрыгивают. Умом трогаются. Вот тебе и местечко. Может, где на белом свете что и есть похожее, но неизвестно. Наверное, нету больше. Наша земля вообще вся чудесами набита под горлышко. Такой как Казахстан, слышал я, нет второй диковинной земли. Может, завирают, конечно. Не знаю...

Дядя Вася от длинной почти научной речи своей сам устал так, что аж побледнел. Он сунул руку за спинку сиденья, достал бутылку воды, завернутую в серебристую толстую фольгу, благодаря которой вода не грелась, и выпил сразу половину. Потом побрызгал на лицо, мокрой ладонью

прошелся по прическе, посмотрел на часы и улыбнулся.

– Во! Нормалёк! Время встало на место. Иди к обрывчику, смотри море, да поедем. Там мужики ждут нас. Недалеко поселок по пути на Каспий. Азактан называется. Там поедем, шубату поьем и – на Кульсары напрямик. Там база наша. А часы-то я подкрутил. Нарочно. Для наглядности. Чтобы тебе понятнее было. Оно тут так и есть. Время бежит побыстрее. Но надо на сам остров плыть. И на ту пустынную часть. Это факт научный, не легенда. Не обижайся!

Я долго стоял почти на самом берегу Арала. Вернее – над морем. Я видел его почти целиком. Какую-то крошечную часть перекрыл остров Барса-Кельмес, прекрасный и ужасный. Я смотрел в море как в вечность. Ему не было конца.

Как и вечности. Ближе к берегу плавали неизвестные мне птицы.

Воздух тоже был переполнен отсветом сине-зеленых волн и солнечными брызгами, которые происходили от лучей, разбивающихся о воду. Я пытался увидеть противоположный берег или хотя бы ещё один остров, выросший из волнующейся синевы, но не видел ничего, кроме лазури у горизонта, синевы над ней и голубой с зеленоватыми переливами поверхности грандиозной воды, которая тихими звуками своих глубин звала к себе. В чудесную и радостную бесконечность.

И не уходил бы я с этого счастливого места никогда, а стоял бы без еды и питья, насыщаясь одним только этим невероятным видением. Только мой дядя Вася все-таки не был поэтом и романтиком, каким слепо чувствовал себя я, ничего еще не знавший ни в романтике, ни в поэтике. Дядя грубовато крикнул мне из машины, что хватит глазеть, а пора двигать к Каспию. Но и этим он не нарушил моего счастливого состояния. Я попрощался с Аральским морем самыми ласковыми словами и, не поворачиваясь к нему спиной, довольно быстро добрал до бензовоза. Дядя посмотрел на меня понимающе и не сказал ни слова. Он закурил «Беломор», включил первую и мы стали быстро пропадать из счастливого места в никуда. Так мне казалось. Но впереди лежала рыжая дорога с травкой по обочинам, светило солнце и как дежурные по степи торчали возле своих норок прилизанные бежевые суслики. Мы быстро ехали мимо всего, что росло, летало и ползало, в село Азактан, где дяди Валера и Лёня никак не могли без нас начать пить экзотический для меня шубат.

Из Аральска на Каспий народ, похоже, ездил редко. Чего такого не хватало на Аральском море, чтобы кататься за полтысячи километров на Каспийское? Ну, разве что, осетров. Да аральцам своей рыбы девать некуда. Подумаешь – осетр. Поэтому дорога от Арала была не накатана, бита гусеницами тракторов, неизвестно зачем делавших черепахи свои забеги в такую даль.

Её размывали редкие, но сильные дожди, ветры выковыривали из дождевых хлябей приличные куски грунта. И ехать по дороге той было грустно. Тащились мы до Азактана часа три, хотя стоял он от края моря всего на сто двадцать километров, а от Аральска на сто семьдесят. Когда приехали, болело всё. Дядя Вася, в согнутом виде, прихрамывая и матерясь обошел бензовоз по кругу. Всё проверил, шины попинал. Вроде бы остался доволен. Ничто не отвалилось и не пропало. Я сделал двадцать приседаний и несколько раз кувыркнулся через голову в придорожной траве. Наши друзья стояли возле грузовиков и курили. Скатерти уже расте-

лили. Разложили на них всё, что было, и в центр поставили пятилитровый бидон. Наверняка с шубатом.

– Там у вас коровы не повывлетали? – ехидно спросил мой дядя.

– Да вон же они. За вами бежали всё время. Сами-то они дороги не знают. А тут вы! – И мужики укатились со смеху, хлопали себя по коленям и по бёдрам. Так крепко веселились. Ну, понятное дело, приехали уже чёрт знает когда и у них больше ничего не болело. Пока я сбегал за кустик, единственный на округе километров в пять, мужики уже привалились к скатерти в позах турецких султанов, какими я их запомнил из той же книжки «Восточные сказки». Там на рисунках они лежали на боку перед питьём, кальяном и едой, утопив локти в мягкие подушечки, а ладонью придерживая голову. У наших не было подушечек и кальяна. Но трава заменяла подстилку, а «Беломор» вообще всё. Не будь тут еды, покурили бы по три штуки, да и хватит. Есть после трех папирос не хочется, потому что тошнит и от еды воротит. Это я знаю по себе, поскольку попервой, из жадности, которая всегда живёт в начинающем малолетнем курилке, я тырил у дяди Васи сразу по три папиросы или «парадных» сигареты «Джебел» и выкуривал в сортире на задворках под самые кончики пальцев. Ощущения в мозге отпечатались надолго.

Я сел возле дяди Васи. Он налил мне кружку шубата и махнул над скатертью с края на край: – Всё, мол, что лежит, жуй.

Ну, начал пить шубат. Пил впервые. Он вообще не был похож ни на какое молоко. Он был мягкий, как растаявшее во рту масло, прохладный, напоминавший запахом мамин крем для лица с добавлением жира норки.

Кружку я выпил честно, после чего переключился на копченую рыбу и попутно пытался вникнуть в смысл разговора мудрых, трёпанных жизнью шоферов. До поселка Кульсары возле Каспия пилить предстояло ещё триста километров с довеском. Поэтому решили сегодня отдыхать здесь и ехать по холодку с утра. А время решили потратить на игру в дурака и разговоры за жизнь.

– А вот гудит-тарахтит в поселке тоже генератор электрический? – бросил я вопрос в середину скатерти. Прямо об бидон с шубатом.

– Ну, – ответили все по очереди.

– Солярку надо сжечь, – с умным лицом сказал я уверенно. – Свет днём на улицах, конечно горит. Надо план по сжиганию гоючего выполнить. А то больше не дадут никогда.

Дядя Валера и дядя Лёня внимательно оглядели моего дядю.

– Мальцу не вредно знать тонкости социалистического хозяйствования? – с трудом выговорил мудрёную фразу дядя Валера.

Дядя Лёня съел перо зеленого лука, предварительно вдавленного в банку с солью и ответил за дядю Васю:

– Нехай вникает в правду жизни. Легче будет жить. Поскольку на брехню газетную уже займает противоядие. И не станет за сердце хвататься, когда начнет взрослую жизнь в бардаке похлеще сегодняшнего, а ему «Правда» и «Известия» будут мозги выворачивать тем, что живем мы в раю и у нас всё давно получилось справедливо и честно, как завещал великий Ленин. А бардак усилится. Я вам говорю. Туда всё идёт.

– Да ладно, хрен бы с ним, с коммунизмом, куда всё идёт, как ты выражаешься, – дядя Валера выпил третью кружку шубата и вытер губы скатертью. – Мы до него не доживем, а малец к тому времени сам разберется, что брехня необходима нашей партии как инструмент для укрепления веры в идеалы. И только-то всего, ни для чего больше. Но хорошо, что хотя бы идеалы есть, хоть и на бумаге только. Вон, у капиталистов и таких нет. Живут – мучаются, не знают чему поклоняться кроме денег да Господа Бога.

– Много шибко вранья. Приписки, лозунги дешевые, сказки про счастливую жизнь народа, про верность идеалам строителей коммунизма и про светлое будущее, которое уже почти долетело к нам с небес. Пусть пацан знает сейчас, что жизнь отдельно идет. В ней почти все воруют, растаскивают государство по своим карманам да чуланам, в бога не верят, грехами обросли как бараны шерстью, говорят одно, думают другое, а делают третье. И даром никому никакой коммунизм не нужен. У одних он уже есть, как у нашего совхозного директора, а другие спят и видят, как бы сквозануть за границу и пожить по-людски. При деньгах и без таких проблем, как понимающего свою работу врача найти, чтобы желудок вылечить, – завершил политический диспут дядя Вася и все стали играть в дурака.

До ночи было ещё далеко и я пошел гулять по степи, которая чем-то была похожа на нашу, кустанайскую. Трава росла зеленая, цветов полно всяких и бабочек с кузнечиками. Ходил я и думал о том: большой я уже или ещё маленький. Вроде всё понимаю, что взрослые говорят и делают, а с другой стороны – ничего взрослого делать не умею. Ну, курю немного, на машине сам езжу. Но мотор знаю плохо, а с государством так вообще не дружу. Или оно со мной. И в кино на восемь вечера не пускают. Вроде маленький ещё.

И такой расклад мне не нравился и мешал правильно себя определить в этой скорой и сумбурной жизни. Но ведь если я про это рассуждаю, значит, я взрослый. Это меня немного успокоило и я стал ловить бабочек майкой. Поймал штук пять. Расправил их, слегка помятых, полюбовался и отпустил. Сел и смотрел вдаль без единой мысли и без самого желанного желания. Значит устал. Маленькие тоже устают, хоть и меньше, чем большие.

В общем, мужики резались в карты, ветер дул, куда положено в послеобеденное время. Солнце медленно покидало эту сторону планеты, какие-то цветы только распускались, а другие, наоборот, красоту свою прятали. Вдоль и поперек степи носились жуки, бабочки, кузнечики, суслики и желтые толстые мыши. А мне было совершенно нечего делать. В карты играть не любил, много есть – тоже, а знаменитый шубат организм не хотел больше принимать, несмотря на моё уважительное отношение к полюбившимся друзьям-верблюдам. А до того как наступит тёмный вечер, когда карты уже будут плохо видны и мужики съедят всё, после чего всех потянет ночевать, было ещё ой, как далеко. Часов пять, не меньше.

И чтобы этот ничем не заполненный фрагмент времени сидения на траве в степи тяготиной своей не сбил мне ритм изложения повести, я втисну в нее некоторые пояснения для вас, читатели мои, из сегодняшнего времени, из двадцать первого века, когда мне уже семьдесят. В детстве своем я больше не живу и уже никогда не вернусь в те удивительные годы, в то потрясающее время, когда люди не боялись других людей и ближайшего, да и далекого будущего. Так вот:

Конечно, всего, что было со мной тогда, в пятидесятые, я никоим образом не смог бы запомнить так детально, как описываю. Даже попыток не делал никогда что-нибудь специально закопать в память на всю жизнь. Очень многое, конечно, просто само задержалось в мозгах. В основном в виде записанных этими самыми мозгами ощущений и эмоций. Но во всём, что вы сейчас читаете в этой книге, нет вранья и выдумки. Хотя я до прошлого года ничего писать о детстве даже не думал и почти никогда его не вспоминал.

А вот когда решил сделать несколько книг о той великой и удивительной эпохе, о жизни в СССР, то понял, что не используя в виде инструмента для отражения того мира и времени собственную жизнь, я ничего не напишу. Вот лет с пятнадцати я сам помню всё. И врать, домысливать да раскрашивать в следующих книгах, поверьте на слово, ничего не буду. Не вижу смысла.

Но довольно большой кусок советской жизни я прихватил в пятидесятые, когда был ещё сопливым пацаном без малейшего намёка на пристрастие к литературе и писательству. Так вот, чтобы вы поняли, почему свои четыре, шесть или девять лет я здесь описываю в деталях, рассуждениях и довольно точных диалогах, я и объясняю. Лет в восемнадцать, когда судьба пустила меня в журналистику, которая и стала всей моей жизнью, во мне появилось, а, может, проснулось врожденное любопытство ко всему, что было, есть и будет. И я за несколько лет буквально доконал своих родных, близких и друзей тем, что выпытывал – каким я был маленьким, что делал, как говорил, чем жил и интересовался, чего хотел, где бывал, с кем любил разговаривать и о чем. Так понемногу нарисовалась картинка детства. Сейчас, когда я пишу повесть, их рассказы и дремавшие во мне первые жизненные чувства и эмоции внезапно взорвались, а потом обломки этого взрыва упали в одну кучу, соединились и ожили. И я увидел начало своей жизни так ясно, будто кто-то начал показывать мне кино по меня. В деревне Владимировке я после двадцати своих лет, уже после армии, просто достал бабушку свою Фросю расспросами о детстве своём, которое разорвалось тогда ровно пополам между городом и деревней. И она с удовольствием и красочно за месяц каждовечерних воспоминаний описала моё деревенское бытие. Которое я стараюсь передавать точно по её рассказам, воспоминаниям отца, двоих братьев его и двух сестер.

А уже тогда, когда мне было под тридцать, я неделю жил у любимого дяди Васи, мотался с ним по местным дорогам. Он ещё работал тогда. Я натурально извел его расспросами о нас с ним в конце пятидесятых годов. Отсюда – все абсолютно точные описания моей жизни рядом с ним. Он был всегда прекрасным рассказчиком, помнил всё, знал много. И рассказывал мне о моей маленькой, короткой ещё, как шнурок детского ботинка, жизни в таких деталях, из которых мог бы и сам составить забавную книгу. Но не дал ему Господь умения переносить мысли на бумагу. И он сказал мне тогда:

– Ты ж теперь корреспондент. Читал статьи твои. Получается у тебя. Вот возьми, да расскажи всем. У тебя же не просто житуха, а сплошные приключения с малолетства.

Я тогда посмеялся только: – Кому они нужны, мои приключения? У народа своих девать некуда.

– Не о тебе речь, – сказал дядя. – Ты про то время напишешь. Все умрут, кто жил тогда и рассказать о нём будет некому. А ты его опиши, как будто сфотографируй. Время то было светлое. Война кончилась. Жить в удовольствие начали. Мечтать стали, как ещё лучше заживём. Всё равно потом напишешь. Я чувствую.

Дядя Вася тогда готовился умереть. Целый год его пытались вылечить от рака желудка. В тридцать лет меня пригласили в Алма-Ату на хорошую журналистскую работу. О том, что он умер, сообщили через девять дней после похорон. Я опустил трубку телефона, закурил, вышел из кабинета и там почувствовал как из глаз на щёки и усы сходят слёзы. С ним вместе была похоронена и прекрасная, счастливая часть моей бешеной и бурной жизни.

А недавно я неожиданно для себя взялся писать эту повесть. Потому, что все родные, видевшие как я рос от маленького шустрого мальчика до отчаянного и жесткого юноши, рассказали мне всё про меня, о чем я просил и чего не помнил сам.

Теперь уже умерли все. А память о них и о послевоенном прошлом, о доброй и радостной советской эпохе осталась в подробном виде только у меня. Жить которому тоже скоро придется закончить.

Так что, прошу прощения за это отступление от текста повести. В общем, сейчас я знаю и помню всё. О чём и постараюсь рассказать правдиво и не скучно.

– Славка, ты где, мать твою!?!– кричал дядя Вася, похоже уже не в первый раз.– Давай быстро к машине. Спать ложимся.

– Иду! – крикнул я громко и побежал на свет керосинового фонаря. Мужики уже заканчивали попеременно оставаться дураками, раскидывали последний кон. Попутно они говорили о чем-то своём. Я понял только, что материли они тех, кто начислял им зарплату, не снабжал вовремя запчастями и зимой не давал отдохнуть, пересаживал на трактора, кидал на снегозадержание и расчистку трёх больших грейдерных дорог в соседние поселки, совхозные отделения. Я сел рядом с лампой и слушал, мало чего понимая. Смысл своей темы ребята так плотно зашифровывали матюгами, которые произносили мимоходом для плавности речи. Причем разные интонации одних и тех же матюгов меняли и смысл разговора, его остроту или одобрение. К слову, в деревне матерились абсолютно все, кроме коров и куриц. Никаких неприятных ассоциаций обычный бытовой мат не вызывал и никто не матерился специально ради удовольствия от матерщины. Она не выглядела непристойной или похабной, поскольку не несла в себе злобы, ненависти, душевного расстройства или неуважения к собеседнику. Я жил среди матерщины не один год и к своему девятилетнему возрасту как-то исхитрился разделить назначение мата на три отчетливых категории.

Категория первая: Мат радостный.

Например, дядя Гриша Гулько шел из сельсовета с новой пенсией, добавленной ему заботливым государством за оторванную на войне ногу. Прибавка была крошечная, но сам

факт грандиозным и радостным. Он встречал по дороге к дому родственника дядю Костю и сообщал ему новость.

– Костя, – говорил он. – Мне пенсию повысили.

Это я смысл вам передал. А сейчас изображу это сообщения с точками и прочерками в тех местах где, собственно и крылись все оттенки радости и гордости за уважение к нему правительства:

–—...мать, Костя! Я их маму...—...! —...можно! Ты представь, эти—...—...—допёрли мне доплатить за...—ногу..., которую...—...пятнадцать лет как! Это ж—...—полный, я прямо...—...когда узнал. Прибавка,—...но всё равно...—...—! Да и —...с ними, главное —...—мать, помнят же вояку...—...! А ты, мля, как считаешь?

– Дык —...—.. конечно!—...мля! Теперь, мля, ты со своей—...—пенсией нас всех —...—Потому—...—..литр первача, мля, ставишь, мля, сёдни вечером. Поздравляю тебя,—...—...! Это просто...—...—!!!

И ни расходились по своим делам, приветливо поговоривши и получив взаимное удовольствие от красиво выраженных чувств.

Категория вторая: Мат деловой, трудовой, рабочий.

Предположим, что приходит дядя Вася к завгару, проще – к заведующему гаражом с просьбой:

-Что-то, Петрович, у меня мотор забарахлил. Ну, ты в курсе. Ты мне обещал ещё две недели назад дать патрубок масляный и карбюратор новый. Поскольку прошло два месяца, дай, пожалуйста сейчас. А то я уже заждался.

– Вася, – отвечает Петрович – Ты зачем пришел? Вы мне со своими поломками просто надоели. Я изо всех сил стараюсь взять что кому надо в районном отделе снабжения. Но они тянут резину. Ты же их знаешь. Сегодня ты уже девятый пришел просить. Ну, где я их возьму сейчас? Поеду снова к Карнаухову и попробую его уговорить. А он скажет – не дам пока. Нету пока ничего. Иди Вася. Я, конечно не совался бы к Карнаухову, а сразу поехал бы к нашему уважаемому начальнику управления. Но он меня, думаю, не примет. Замучился я на этой неблагодарной работе. Голову пока мне не морочь. Поеду, со всеми поругаюсь, но необходимые запчасти привезу. Иди Василий!

Нет колорита в этом разговоре, не видны эмоции и богатые краски великого русского языка. Но в реальном переводе на нормальный мужской и вообще – общенародный язык диалог оживает и очеловечивается, окрашивается тонкими акварельными оттенками и брызжет яркими изысканными интонациями. Примерно вот так:

—...—...буду, Петрович, этот...— ..мотор...—...— меня на—...— вконец! Ты,—...—..мать, знаешь—...—эту ситуацию давно, мля! Какого—...— ты ...—..мне, что дашь этот—...—патрубок масляный и —...—..карбюратор новый. Ты—...—..мне обещал, что на...—..извернешься, а через две...—..недели без—...— дашь. А мозги—...—..мне уже два —...—..месяца, мля! Так какого —...—ты всё время —...—..меня.....—..в рот? Я уже—...—..ждать, мля! Давай...—...— его сейчас, не —...—...—!

Ответ перевозу:

—Вася, мля!—...—ты пришел? —...—вы меня вашими—...—поломками. Я тут—...— кручусь как —...знает кто, аж —...отваливаются. Районный этот—...отдел—...снабжения —...—на нас давно. Но я—...буду, это они —...—мозги! Ну, —... с ним, поеду я опять к этому—...—и —...—Карнаухову и просто дам хороших—...—ему и —...—начищу! Но эта—...— последняя все равно от меня —...— и не даст ни...—! Нету —...—, вон гляди. —...— полный! Ты—...—,Вася! Я бы к —...— этому Карнаухову вообще не пошел и...—...—положил с прибором. Я бы, мля, сразу к—...—...—...начальнику нашего—...—...управления —...— Но он меня—...—...обложит со всех сторон. Я так думаю. Честно, мля, —...—я с вами и—...—запчастями на этой—...—работе,—...—её, да—...—во все дырки. Давай, не—...—мозги мне пока. На работу...—..., не стой тут, как—...—у коня. Поеду, мля, всех—...—там, но запчасти, без которых нам всем—...—придет, я —...—буду, а привезу! Давай, Василий, „—...—, не шелкай—...—тут!

И после этой конструктивной и откровенной искренней беседы они оба расстаются довольными и уверенными, что друг друга поняли и договорились. Помогло могущество и насыщенность красотой языка нашего великого.

Есть третья категория мата. Культурно – общественно – обыденная, бытовая. Здесь мат используется вообще без смысловой нагрузки, а исключительно для плавности речи и показа своего, дружелюбного отношения к одному собеседнику или сразу к обществу.

Вот приходит, допустим, дядя Костя в сельповский магазин за закуской. Двое уже сидят у него дома, помешивают бражку поварешкой и ждут прибытия закусы.

А в село очередь из двадцати человек за недавно завезенным печеньем «Курабье», любимым всем населением.

Дядя Костя вежливо обращается к очереди и продавщице Галине Воскобойниковой:

—Позвольте мне, дорогие друзья без очереди взять кое-какую закуску под бражку. У меня гости маются-ждут. Мне тут селедочки, хлебушка, консервов «Печень трески» три баночки и лечо натуральное в двух экземплярах.

Продавщица говорит, что она не против, а очередь пусть разрешает.

Очередь в свою очередь разными голосами тоже приветствует задумку дяди Кости.

Даю перевод на человеческий язык:

—...—буду, мужики и бабы, да Галка, —...—моя ненаглядная!—...—я буду тут—...—шелкать час целый в вашей—...—очереди, когда бражка простывает на столе и два —...—ждут —...—закуски. Мне—...—на них в два счета, да они мне родственники, мля! Они—...—ждать, а мне, мля, неудобно будет. —...—с ним, я много ни—...—не возьму. Пару ...—селедочек, ну, ещё, мать их...—, три баночки печени и в рот...—вон то лечо. Две...—штуки всего...— их мать.

— Да лично мне по...—Бери...— с тобой. Только у очереди спроси, а то...—знает кто там—...—начнет.

-Да...-. Пусть берет.

-Ой, мля, ни...-.не стрясётся. Бери, Костя, мать твою...-.!

– Без закуски хлебать, так и– придет, не заметишь ни...-. как!

То есть при полном дружеском, мирном и насыщенно ярком согласии трёх сторон дядя Костя приобрел надобное и под одобрительные шутливые матерки пошел пить и закусывать.

То есть пропитанное матом, как сало рассолом, существование приличного, но разно-
мастного населения одной деревни было скреплено матом, жило тесно в дружбе и взаимопо-
нимании, так как матюги были интернациональны, уравнивали разные статусы и не давали
никому ни возвыситься, ни унизиться. А равенство и братство советских людей, скрепленное
добрым матом, помогало и строить, и жить, как хорошая песня

Утром мы рванули на Кульсары. Практически к самому берегу Каспия, к северному. Оттуда вниз к берегу разлеглась Прикаспийская низменность и сваливалась широкой изу-
мрудно зеленой полосой на запад, а потом опускалась к югу. Там в Каспий вливались и пре-
кращали жизнь свою сначала Урал, а после него и Волга великая. Наши коровы нагуливали
себе цветущую внешность и богатырское здоровье на северных лугах моря. Там, рассказал мне
дядя Валера за ужином, трава вымахала ему по пояс и среди неё росли какие-то, науке только
известные разновидности, в которых всяких витаминов было столько, что всю зиму кормить
растолстевших коров можно одной соломой, а молоко из них качать тоннами.

Ехать да поселка оставалась самая малость, каких-то триста километров плюс хвостик
маленький. Утро началось красиво. Голубое вверху и пестрое от непокрытого облаками солнца
внизу. Мужики с коровами уехали раньше на два часа, а дядя мой залез по пояс в движок и
торчал там с ключами и отвертками час, не меньше, временами выныривая на волю. Он курил
и снова погружался в недра мотора. Оказывается, ничего и не ломалось вовсе. Он просто делал
профилактику генератору.

Потом поехали. Дядя Вася рулил одной рукой, а в другой держал жирный кусок коп-
ченной рыбы и неторопливо обгладывал её, получая удовольствие и возможность лихо выплё-
вывать кости в степь. Сто километров мы пробежали за полтора часа по хорошей твердой и
ровной дороге. Она постепенно изменяла цвет с бурого на серый. А после него начала покрыв-
аться белым налётом, похожим на твердый тонкий слой слежавшегося за длинную зиму снега.

– Земля белая – это почему? – я высунулся из окна и ветер встречный надул мне в нос
и рот порцию горького, ещё не нагретого воздуха. Горечь была не полынная и не от твердой
едкой арчи, кустики которой просто исчезли. Не видно их было ни по-над дорогой, ни вдали.
Начиналась новая земля. Другая. Какой за тысячу с лишним улетевших назад километров я
не встречал ни разу.

– Соль пошла, – дядя мой сунул жирную руку под сиденье, достал довольно чистую
тряпку и долго вытирал руки, губы и руль. Балык кончился. Но лицо его выражало большое

желание употребить ещё кусок. Он боролся с собой и с разделенной любовью к копченой рыбе ещё километров десять. Несколько раз рука его, явно самостоятельно, без приказов из головы пыталась завалиться за сиденье и ухватить в сумке ещё половинку балыка. Но мозг всё же уловил эти подсознательные потуги и потребовал от шофера остановить и заглушить транспорт, чтобы взять рыбу, не создавая аварийной ситуации на дороге.

Дядя Вася со стремительностью кота, которому разрешили стащить со стола домашнюю колбасу, мгновенно затормозил, выключил зажигание и двумя руками проник в сумку. Рыба была завернута в фольгу и когда он распахнул её, в кабине стало пахнуть как в пивной. Я этот аромат легко запомнил, потому, что года два назад в городе отец со своим братом Шуриком пожелали пивка с рыбкой, а я гулял с ними и деть меня было некуда. Вот в этой пивной пивом не пахло, а рыбой жирной пёрло так основательно, что потом уже, на улице, от нас настолько вульгарно несло то ли жерехом, то ли сомом копчёным, что народ, обгонявший нас, с видимой завистью оглядывался и уносил с собой часть этого проникновенного аромата.

– Давай, прыгай за руль! – командным голосом приказал дядя. – Поедешь теперь до конца. Вот эта дорога километров через пятьдесят пропадет. Не будет вообще дороги.

– А куда ж ехать, если не будет?– растерялся я. Но из кабины выскочил, на бегу пнул правое колесо, обежал капот и стал ждать, когда дядя место освободит.

Глава восьмая

– Да...Значит...– он аккуратно двумя пальцами снял рыбу с фольги, а её одной рукой скатал в трубочку и уложил обратно в сумку за сиденьем.

– Дороги, короче, не будет. Будут просто следы от шин. Но не в колее, а вразброс, рядом. Их будет много, не потеряешь. Главное, не сворачивай никуда. Будет один след влево уходить, ты плюй на него и езжай по основным. В общем, дорога будет сначала похожа на посыпанную солью, хрустеть начнет под колесами. Это километров сто будет длиться. Потом пойдет гладкая, ровная, твердая местность из сплошной настоящей соли. Я тебе говорил, что раньше тут везде было море? Говорил. Это тыщи да тыщи лет назад. Потом вот остались Арал да Каспий, а остальное – это бывшее дно. По дну мы едем. А что это за море было – ученые знают. Оно почти всю землю покрывало. Суши мало было.

–А Кустанай был? А Владимировка?– я насторожился и замер.

Но дядя Вася мне доходчиво объяснил, что хоть и не было на наших местах воды, но Кустанаю ещё и ста лет нет, а Владимировке побольше, лет под двести Тоже не срок. Беглые люди с сибирской каторги остановились там под лесом. Маленькую деревеньку там поставили. Назвали Вишнянкой. Вишни вокруг было побольше, чем сейчас. Лес, поля, и всё – никого и ничего. В этих местах их никто искать не стал. А потом, до войны ещё, через несколько лет после революции, казаков уральских, деда твоего и всех наших прогнала власть с уральских хуторов. Добрались они, сплаваясь по реке Урал, потом пешком, да через разные мелкие речки на самоделках-плотах до нашего Тобола, поплыли ниже в сторону Иртыша, да устали вконец и остановились недалеко от этой деревушки. Жить стали тут с беглыми вместе. Потом

немцев с Поволжья от греха подальше переселили за Уральские горы. Они тоже попали в наше село. Ну, конечно, не только в наше. Но и у нас их, видал сколько?

Мне сначала и представить было страшно, что Кустаная и Владимировки когда-то могло не быть. Поэтому после разъяснения я успокоился. Дядя Вася увлекся догрызанием рыбы, но она никак не заканчивалась.

– Не, а зачем ты, дядя, мне дорогу так расписываешь? – до меня только дошло, что какой-то намечается подвох – Будешь подсказывать, куда вертеть. Ты же тут сто раз был. Знаешь, как и чего. А то сам заеду куда-нибудь. Выбираться потом замаемся.

Дядя удовлетворенно хрюкнул, сам достал ту же тряпку, вытерся, снял рубаху и бросил её в кабину. Остался в своей страшной майке.

– А с чего ты взял, что я дальше поеду? – спросил он весело. – Мне надоело. Я тут останусь. Рыбу доем. Потом суслика поймаю, поджарю. Или змею. А ты газуй давай. Нашим там всем привет передай, бензин в цистерну слей и дуй обратно. Я тут подожду. Правда, волки могут сожрать. Но, глядишь, обойдется. Я-то везучий. Вон в прошлом году эпидемия гриппа была. Вся деревня в соплях ходила, а меня даже не задела эпидемия эта. Во! Давай, поехал. Чего окостенел?

Я ужаснулся. Ездить я обожал. Но тут выходило, что в чужом, заморском в прямом смысле, краю я должен был не затеряться и, главное, не нарваться на какую-нито поломку машины. Тут бы и конец нам обоим пришел. Дядя бы помер без рыбы и воды. Или волки, действительно, им могли пообедать. А я бы скончался в бесплодных муках наладить машину.

– Да ну!– хныкнул я, видимо, очень жалобно. – Один я не осилю. А сломаюсь ежели? Тогда нам обоим хана.

Как дядя Вася ржал! Как он резвился! Подпрыгивал как молодой, шлепал ладонями по коленкам, даже падал от смеха и катался в без того грязной майке по степи пыльной. Раздирало его веселье минут десять, не меньше. После чего он утёр рукой слёзы веселья и молча пошел в кабину на сиденье пассажира.

– Погнали, ладно. Раздумал я.– Дядя выпрыгнул на подножку и закричал страшным голосом. – Едем бегом! Коровам пить нечего. Они и так лишние сутки без бензина. Воду вынуждены пить. Сдохнут, если ещё прочедемся тут.

Я прибежал, повернул ключ, надавил стартёр, воткнул сразу вторую передачу и наш УралЗиС-355М рванул по солончаку как самолет по взлётной полосе. Следы впереди я видел прекрасно. Настроение моё подпрыгнуло мгновенно, как температура у больного гриппом, и я повел наш земной танкер с удовольствием и покоем внутри организма. Километров через двадцать Дядя Вася поник головой, начал неаккуратно стучаться ей об панель с «бардачком», но как-то все же смог выпрямиться и стал зевать затяжно и заразительно. Я почему-то тоже зевнул пару раз.

– Посплю немного. Доедешь до большой толстой соли, это километров через сто двадцать будет, разбуди. Соли домой наберем.

Последние слова он произнес уже во сне. И минуты через три дядя мой храпел как дед Панька на печи – заливисто, громко, с музыкальными интонациями и посвистыванием.

Километров восемьдесят я пролетел как птица, которая рада воздуху, ветерку и солнцу. Руль был ещё скользкий от рыбьего жира и мне пришлось на ходу добыть под сиденьем ту же тряпку, да ещё и разыскать на ней сухое место. Вот вытираю я руль, гляжу зорко вперед, отрываюсь от сиденья, чтобы голова всё же выше торчала над баранкой. Дорога шла ровно и становилась всё белее от соли. Она стелилась так гладко, что машина даже не качалась как обычно в стороны от рытвин и бугорков. На такой нежной дороге дядя Вася мог бы проспать до конечной точки, до поселка Кульсары. Я даже представил как это будет. Глушу я мотор и говорю, как он мне частенько:

– Станция «Дед Мазай». Кто тут зайцы – вылезай!

Я засмеялся, не опасаясь разбудить его. Смеялся долго, весело и радостно от того что вот ехал сам без контроля. Как взрослый. Что степь была красивой в своих белых одеждах, похожая жарким летом на январскую, запорошенную искрящимся снегом. Что путешествие мое совсем не кажется мне испытанием для малолетнего любителя приключений, а проходит так же интересно, спокойно и познавательно, как и вся моя богатая всякими событиями жизнь.

И вот в этом месте гулявшую по всему моему телу радость оборвало нечто до такой степени кошмарное, что я даже мяукнуть бы не смог.

Из ниоткуда, из воздуха или из неба, или из глубин белой земли возник и несся на меня огромный грузовик. Очень похожий на наш УралЗиС. Дороги не было. Места вокруг на сто автомобилей хватит, чтобы всем легко разъехаться. Но этот летел прямо на меня, прямо в лоб нашей машине. Стекло его переднее отсвечивало и шофера скрывали яркие блики. Я вспомнил все жуткие рассказы о блуждающем по степям древнем грузовике с мертвым водителем, который приставал к машинам и живым водителям, требовал остановиться, гонялся за машинами.

И ужас сдавил меня как удав, нет как бетонная плита, упавшая сверху и отнявшая у меня способность сопротивляться, и даже просто двинуться. Я уперся взглядом в металлического зверя, который уже напал на меня, который становился с каждой секундой всё злее и кровожадней. Потом голова вдруг возвращала меня в реальность и уже не зверя видел я, а машину, мигающую мне фарами, бешено, громко и непрерывно сигнализирующую. Она летела прямо в середину нашего бензовоза, в котором под завязку пять тонн бензина. И даже при том оцепенении тела и мозга я отчетливо увидел взрыв страшный, рвущий всё и всех нас на куски и на мелкие пылающие, летящие в небо наши пальцы, носы, зубы, уши и скелеты, на которых ещё дымилась догорающая кожа.

Оцепенение не давало мне повернуть руль и, что самое ужасное, я не мог сбросить газ. Нога вдавила педаль до упора и мы сближались с этим зеленым монстром на колесах со скоростью пятьсот километров в час, хотя торчащий перед глазами спидометр держал стрелку на цифре восемьдесят. До удара лоб в лоб оставалось секунд двадцать. Не больше. Страх мой уже давно превратился в холодную, бездонную черную небыль. Оттуда, из небытия, я в упор разглядывал нашу с дядей Васей смерть. Она была зеленая, ободранная, с фарами, светящими днем ярко как ночью. Только косили они светом в разные стороны. Колеса грузовика вырывали из земли куски белого цвета, улетающие как ядра из пушки назад в степь. Он летел вперед с той же скоростью самолета, как и наш бензовоз. И даже не пытался избежать удара, столк-

новения, взрыва. За пару секунд до краха мне даже услышалось как кто-то невидимый в том грузовике громче обоих моторов и ураганного от скорости ветра дико и свирепо захохотал. Оставалась секунда. И я закрыл глаза, сжал руль до боли в пальцах, поднялся и наклонился к стеклу, не убирая ноги с вдавленного в пол акселератора. Выхода не было. Не было и голоса, чтобы издать предсмертный крик. Не осталось ничего. Ни надежды на чудо, ни сил для страха. И я исчез. Пропал. Меня не стало и вокруг не стало ничего.

Очнулся я, видно, через минуту, не больше. Осмотрелся: лежу головой на боку дяди Васи. Руль стоит ровно, работает движок, под колёсами шуршит и потрескивает солончак, нога моя не давит газ до упора, а лежит на педали и бензовоз медленно едет. Я вскочил, убедился, что с дороги не вылетел, посмотрел на капот. Он был целый, нетронутыми висели на креплениях и зеркала. Остановился. Открыл дверь. Пальцы болели, дрожали руки, немела правая нога и почему-то стучало в висках. Я вылез как больной радикулитом из кабины, сделал два шага и испуганно посмотрел назад. Туда, откуда ехал. Там не было никого и ничего. Даже соленая пыль мёртво лежала на грунте, нетронутая, слежавшаяся.

Я зашел с другой стороны, открыл дверь и с трудом растолкал дядю Васю.

– А!?!– сказал он и протер глаза. – Ты чего остановился?.. Ехать надо. До темна должны добратся.

– Грузовик был, – я старался говорить без дрожи в голосе. Но получалось плохо. – Он на таран шел. Лоб в лоб. Здоровенный. Как наш, только с кузовом. Старый, краска облезлая. Шел в меня прямо. А я свернуть не могу. Руль не крутился. И скорость не сбрасывалась. Ногу как будто вдавил кто-то в педаль. А тот тоже не свернул. Потом я ничего не помню. Как остановился – не знаю. Вышел, а никого нигде нет. Грузовика того нет. Следов тоже.

– Счас, – дядя вышел из кабины, обошел машину, разглядывая её как впервые увиденную редкую старинную монету. Ничего непонятного не увидел.

Потом пошел на дорогу с моей стороны, сел на корточки и стал долго изучать следы. Поднялся.

-Все старые. Свежих нет.

-Но грузовик же был. Настоящий. Я же его как сейчас вот тебя видел. И запомнил его даже, когда он от нас за три метра был. Вот сюда шел.

И я показал место на капоте, куда точно врезался грузовик, после чего сознание из меня ушло.

Дядя мой долго смотрел назад, на ровную белесую полупустыню. Потом еще раз оглядел машину, дорогу и долго внимательно смотрел на меня.

– Ехать можешь? – спросил он и закурил.

– Смогу, – подумав, тихо ответил я. – А что это было?

Дядя курил, глядел на небо, думал.

– А хрен его знает. – сказал он наконец, потягиваясь. – Может, и было. Может, не было. Степь. Пустыня почти. Дикие места. Там чудеса, там леший бродит, русалка сидит где-то там. Ветвей тут нету.

Он похлопал меня по плечу.

– Живые же мы? Живые. Чего ещё нам надо? Ничего. Поехали что ли?

– Ну! – я взбодрился, выпятил грудь. – Чего стоять? Постояли уже.

Ещё раз против желания оглянулся на голую пустынную степь и полез в кабину. Дядя зевнул и начал удобно пристраиваться справа. Наверное, не выспался ещё.

Я завел машину, плюнул как дядя Вася в окно. И поехал. Туда, где раньше было глубокое дно древнего моря, а сейчас осталась от него только соль. То ли соль моря, то ли соль земли.

Я даже не заметил, что дядя мой снова заснул. Но уже тихим, спокойным сном. Что-то хорошее снилось ему. Он изредка улыбался, даже хихикал легонько, а иногда отчетливо говорил отдельные слова и целые фразы. Не очень внятно произносил, но я всё угадывал. Особенно мне понравился его ответ кому-то из начальников МТС – «Ты вслепую мотор разберешь? Во! А я запросто». Страх мой от пережитого фантастического ужаса, которым накрыл меня летящий на наш бензовоз грузовик, спрятался в самую глубину сознания и запомнился, похоже, на всю жизнь. Но зато его уже не было на воле и он меня не терзал. Даже если бы сейчас он появился снова, я точно знал, что буду делать. Я заверну руль вправо до отказа на полном ходу метров за тридцать до крушения и он не успеет меня поймать.

Так вот и ехал я по белой, накрахмаленной, хрустящей простыне, накинута природой на бесконечное ложе степи, на котором как дома отдыхают ночи, ветры, свет звезд и луны. Ещё я вспоминал верблюдов, друзей моих шерстяных, фламинго ослепительных и добродушных пеликанов, Шынгыса, умеющего косить траву камчой. Снова перед глазами моими как настоящий возник прямо в воздухе бесконечный простор сливающегося с небом Арала, а в начале этого простора увидел опасный и чудесный изумрудный остров Барса-Кельмес. А потом привиделись мне все промелькнувшие под колёсами дороги. Серые, бурые, песчаные и каменистые, узкие и широкие, с травой по краям и кривыми корявыми кустами арчи, саксаула и неизвестными тонкими ветками, одиноко желтеющими на всеобщем фоне пожухших трав и мечущихся над всем этим строгим пространством маленьких птичек с рыжими грудками и перламутровыми быстрыми крыльями. Эти воспоминания производили в моём уме и в душе тепло и любовь к огромной, недоступной целиком для познания жизни, летящей со мной рядом, мимо меня и где-то так далеко, куда не дотягивалось даже воображение.

Утонувший на время в чувствах своих и переживаниях грустных, да радостных, я не сразу заметил, что проехал ещё девяносто километров и машина моя оказалась посреди безразмерного белого поля, украшенного разноцветными искорками, подпрыгивающими над его поверхностью. Я сбросил скорость, включил нейтральную и покатился по хрустящей поверхности до тех пор, пока не закончилась инерция.

– Дядь Вась! Приехали. Вот оно, самое глубокое дно древнего моря. Вот она, соль!

Дядя вскинул голову, посмотрел в окно и мгновенно закрыл глаза ладонью. Картина мира, в который мы въехали, была по-настоящему ослепительной.

Я вышел из кабины и осторожно пошел вперед. Мне казалось, что слой соли хрупкий, как ранний ледок на Тоболе. Из головы вылетело напрочь, что сюда я влетел на бензовозе, в котором плескалось пять тонн бензина, да и машина сама побольше двух тонн весила. Дядя мой вышел на твердь соляную уже с мешком и монтировкой.

– Ого! – изумился я. – Руками что, не поднимем мы соль по кусочкам?

– А попробуй! Пальцы только не сломай, – дядя Вася нашел место, где соль отливала голубизной вперемишку с тоненькими извилистыми желтыми прожилками. Он бросил рядом мешок и толстый отрезок шпата. – Ну, чего стоишь? Ковыряй.

Я попробовал продавить пласт пальцами, потом попрыгал на этом месте, после чего пяткой, укрытой толстой резиновой подошвой кеды, колотил по тому же месту раз двадцать. Соль даже не пошевелилась ни одним своим зернышком.

– Ну, тогда иди, помогай. Складывать будешь в мешок. – Дядя мой как ломом взмахнул монтировкой и с возгласом «Кхэ-эх!» вонзил её в поверхность. Острый конец железки увесистой ушел под пласт сантиметров на пять- семь. Он ковырнул этот пласт, протолкнув монтировку с наклоном поглубже и подальше. Потом потянул на себя. Соль издала трескучий звук ломающейся льдины и отделилась от поверхности, оставив под собой рытвину черного цвета. Она перевернулась, блестя кристаллами, и легла у моих ног. Кусок выковырнулся большой. Полметра в длину и довольно широкий. Дядя Вася достал из кармана коробок спичек и поставил его на короткое ребро впритык к этому куску.

– Высота коробка ровно пять сантиметров. Значит толщина пласта на сантиметр больше. Хороший пласт мы нашли. Вот гляди. Если соль голубоватая и вот с такими ниточками желтыми в середине, то она самая лечебная. Лечит все болезни.

– Ну да? Прямо все подряд? В ней что, соли простой нет, а одни лекарства, какие только бывают? – не поверил я. Решил, что опять дядя шутит. Любитель он этого дела

Дядя Вася посерьёзней, посмотрел на меня с оттенком жалости и заключил:

– Вот ты, шкет, вроде умный. Книжки читаешь. А вот ты слышал про Мёртвое море? Народ со всего мира туда прётся. Там и грязи, и соль. Вот такая же! Вернее, та, которая у тебя под ногами, такая точно по составу как в Мёртвом море. Своя. Наша, казахстанская. На вот бесплатно, бери сколько влезет. И черт знает куда мотаться нет нужды.

– А мы чёрт знает куда и мотаемся. Она же не во Владимировке лежит, соль эта! Тысячу с лишним километров отбарабанили как-никак. Не все ж сюда доберутся! – Я попробовал поднять пласт. Он оказался для меня неподъёмным. – А как ей вообще лечатся и почему она действует как лекарство?

– Вот приедем, баба Фрося тебе и расскажет всё. И полечит тебе что-нибудь.

Она компрессы из неё делает, в корыто её сыплет сколько надо, разводит водой. Это получается лечебная ванна. Соль морская, мертвая, высохшая, во-первых, как насос всю дрянь из тела высасывает. А во-вторых, имеет в себе все витамины и всякие удобрения для организма. Не знаю, как правильно сказать. Гадость она высасывает, а витамины с удобрениями, наоборот, из соли в тело переходят. Во! Ей и умываются, и растираются мокрым солёным полотенцем, компрессы на всё ставят, это я говорил. Раны заживают моментально, ожоги сходят сразу, гнойники, внутренние хвори всякие пропадают бесследно. И дышать такой солью полезно. Сердце выздоравливает, лёгкие и всё другое. Так что, это волшебное лекарство. А наша соль, которая здесь, перед Каспием, не хуже. Может даже и получше будет.

После научной своей речи дядя Вася поморщился. Тут вышло так, что ни одного матюга ему некуда было воткнуть. Но он это перенес геройски, наковырял ещё кусков пять, разбил их монтировкой на средних размеров пластины, которые я аккуратно, один к одному, сложил в мешок. Дядя его завязал, вскинул на плечо и отнес в машину. Между кабиной и цистерной пристроил.

– Ну, ты, Славка, накатался уже. С вражеским грузовиком повоевал, да победил гада. Теперь садись пассажиром. Я поеду. Мало осталось. Сто километров.

Мы уселись по местам, дядя оглядел ещё раз соляной простор и сказал довольно:

– На год всем хватит того, что мы наколотили. А на тот год, живы будем – ещё наколотим.

Машина вздрогнула, малость пробуксовала на продавленном месте. Стояли-то долго. А после этого капот аж приподнялся! Так умело дорогой мой дядя взял резкий и быстрый старт. Сто километров после тысячи пролетевших назад – это было уже не расстояние, а так. Тьфу – прогулка. Впереди было полтора часа ожидания конца маршрута и долгожданная встреча с морем, которое побольше и Арала, и Чёрного, с коровами, объедающимися деликатесным кормом, ну и, конечно, со всей нашей бригадой шоферов, пастухов, двоих мотористов, летающих мелкие и прочие ранки на движках и телах выносливых, как верблюды и лошади, наших автомобилей. Мы стремительно приближались к последнему на маршруте чуду, которое дарила

мне моя щедрая и прекрасная жизнь.

Проскочила и сгнула, как и не было её, пустошь, похоронившая под древней солью мифического моря всё живое. Мы выпрыгнули в прямом смысле, подброшенные незаметным трамплином-бугорком, на другую землю. Выглядело это так, будто в книжке с картинками просто перевернули страничку. На предыдущей рисунок был красивый, но однотонный, а на перевернутой – цветастый, пестрый, весёлый, от которого струилось вложенное художником радужное настроение. Всё вокруг нас снова стало живым. Летали птицы, которым нечего было носиться над гектарами соли, бегали грызуны разномастные от тушканчиков и полёвок до сурков и почти незаметных вдали осторожных шакалов. Росли не очень высокие, но пушистые деревья по-над дорогой и в степи, пахло снова полынью и сладостью синих цветов, растущих из большой колючей головки. Все запахи без разбора слабый встречный ветер забрасывал к нам в кабину. И они обосновались в ней как дома, не желая опять вываливаться в степь. Я смотрел по сторонам, мысленно ловил застывших высоко беркутов, гладил их мысленно и выпускал обратно, в середину неба. Я вглядывался в маленькие голубые озерца, надеясь увидеть и в них что-нибудь чудесное вроде фламинго. Но озера крохотные, наверное, не устраивали ника-

ких птиц. Они быстро убегали назад и разглядеть я успевал только выпрыгивающих зачем-то на свежий воздух серебристых рыбок. Они взлетали над тихой водой головой вверх и падали обратно вниз хвостом. Трава зеленела с каждым километром, меняла цвет земля. Из серой на большей части степи она превращалась в черную с коричневым оттенком и рождала какие-то совсем неизвестные травы, которых и не видел нигде. Это были тонкие былинки, плотно прижимающиеся друг к другу, а на верхушке каждой красовался розовый шарик с мелкими красными, желтыми и голубыми листиками, торчавшими как вихры первоклассников в разные стороны.

Между ними пролезли и возвысились почти на метр смешные ветки с цветком, похожим на подсолнух. Только лепестки были короче, а сам стебель походил на бамбуковую лыжную палку. Я вертелся, выглядывал из окна назад, приподнимался и паялся на другую сторону дороги, ложась на руки дяде Васи, которому моё взбудораженное состояние не очень понравилось. Он аккуратно занёс над моим лбом руку и вlepил средней тяжести щелбан.

– Сядь, шкет. Смотри вперед. Через пять минут выкатимся на Кульсары и ты сразу слева по борту увидишь Каспийское море. Оно – не Арал. Настоящее море, хотя по науке – просто огромное озеро.

Я стал вспоминать, что где-то уже читал про Каспийское озеро, которое за размеры прозвали морем. Но не вспомнил – где.

А пока вспоминал, машина наша задрала нос вверх и пошла на подъём. Не такой уж крутой, правда, но к спинке меня всё же приплюснуло. Тянулся подъем с километр, а когда сила двигателя вытолкнула нас на равнину, я остолбенел. Это в путешествии моём дальнем творилось уже не раз, поэтому я как остолбенел, так и расслабился. Но зачарованный взгляд упростить не получилось. Передо мной лежал путь в мир вечного покоя и райской жизни. Казалось, что даже могущественной природе уже никогда не удастся сочинить видение более феноменальное. Так я тогда думал, потому, что больше нигде не был. Но и первые мои замечательные открытия без выездов за далёкие рубежи в загадочные и потрясающие красотой страны смогли пройти по душе таким теплом, что душа не остыла и до сих пор. Она и сейчас волнуется, оживает, вздыхает ласково и позволяет мне растрогаться при встрече с красивым, сотворенным чьим-то вдохновением. Природы или человека-мастера.

Повсюду от берега и до горизонта вправо и прямо было море зелени. А слева до противоположного горизонта всё светилось, синим, голубым, бирюзовым, а на стыке неба и воды светло-фиолетовым. Кульсары, напичканный деревьями и огородами поселок, большой, спускающийся с бугра мягко и постепенно вниз, ждал нас для отчета и оформления путевого листа. Мы сделали всё довольно быстро в самом крайнем доме с синей вывеской повыше двери: «Районное отделение линейных грузоперевозок» – было красным по синему написано через трафарет. Дядя Вася вышел из конторы, помахал над головой тремя листами бумажек с печатями и штампами, сказал: – вот и хорошо. Просто замечательно. Нужные бумаги сдал, А самые главные получил. Люди хорошие. Сделали быстро.

В последний раз переведу его радостный текст в тот вид, в котором я его услышал:

– Вот! Всё теперь –...-!!! Просто –...-! Те –...- бумажки на –...- сдал. А вот эти, –...-...-...-...-...- во все дырки, забрал. Люди, мля, –...-! –...- как быстро –...-...-!

После чего мы сели в машину и поехали за угол последнего дома слева, за которым на просмоленных варом толстых столбах высотой в полметра стояли три десятикубовых серебристых цистерны. Дядя Вася слил бензин в одну из них, но не весь. Сто пятьдесят литров по счетчику, вставленному в цистерну, не долил. Оставил, как положено, на обратный путь. И мы поехали к Дяде Валере с дядей Лёней. Они ехали по другой дороге. Обогнули дно моря с солью. Набрали с прошлой поездки. Поэтому подъехали только что.

Мы пристроились рядом и стали ждать пока они спустят коров на землю.

Подшли четверо пастухов. Молодые парни в одних трусах, но с панамы на голове у каждого. Они помогли шоферам вытащить из креплений под кузовами обеих машин по четыре толстых пятиметровых доски. Потом открыли задние борта и доски разложили одна к одной от начала кузова к траве. Потом сверху и внизу стянули доски веревками, чтобы они под копытами не разъехались. И после сделанного шофера сели на траву, а пастухи запрыгнули в кузова, по двое в каждый. Они взяли первых двух коров сбоку за рога и вместе с ними пошли по логоту настилу вниз. Коровы шли спокойно, даже с удовольствием, а вслед за ними коротким мычащим и сопящим потоком наземь сошли и остальные восемь из каждого кузова.

– Все шестнадцать, мля!–.-.-! – подвел черту один из пастухов. Они обошли

. всех животных вокруг, осмотрели ноги, бока, рога и подняли большие пальцы вверх. То есть, доехали без повреждений. Всё это делалось на ходу, потому, что коровы спокойно, не спеша, но уверенно ковыляли в сторону моря, в низину, где паслись их сёстры по роду и племени. Шли они так, будто никогда в другом месте и не жили, и всё тут им было родное и дорожное.

– Ну чё, мужики? – постучал один из пастухов себя тремя щелчками по горлу.

– Погоди, Ваня,– дядя Валера взял бумаги у дяди Лёни и пошел в контору. – До вечера подожди. Мы заночуем в Карашах. Поедем утром. Вечером тогда и «вздвогнем». А чего припасено тут у вас?

– Самогончик первого налива, – Ваня погладил себя по коричневому от загара животу. – Местный. В Кульсарах Амантай с женой гонят. Другие тоже есть. Но Амантай делает самогон – от коньяка хрен отличишь. Век воли не видать!

– Сидел? Тихонько спросил я дядю Васю.

– Ну, – ответил он без выражения.– Пять лет. Жену с любовником поймал прямо дома у себя. Шофером тоже был. Из рейса на два дня раньше приехал.

Любовнику дал по башке. Тазиком для мытья полов. Вырубил. Потом взял нож и отпилил ..–.– ему напрочь. А жену просто за волосы оттащил, вытащил на улицу и в кадушку полную по пояс её засунул. Подержал пока она не обмякла, вытащил, на колено положил пузом, воду из неё выдавил. Задышала. Отсидел, приехал обратно во Владимировку, но к жене не пошел. В сельсовете упротил направить его пастухом на выгон. Вот и попал сюда. Два года работает. Парень хороший. Шофер нормальный был. Жалко пацана.

Дядя Вася поднялся, потянулся.

– Пошли купаться. Грязные, пыльные. Пошли.

Каспийская низменность почему-то низменностью не выглядит. Ну, просто немного наклонена земля в сторону моря. Вся она, земля низменности, описанию не поддается. Слов таких нет, чтобы точно выразить её великолепие. Поверьте на слово: если есть дорога в Рай, то она выглядит именно так. Начинаясь за полсотни километров от будки, в которой ждет праведников святой Пётр. В Каспии, ясное дело, рая не было. Но разнотравье, разноцветье цветочное, трава переливчатая, высокая и приземистая, песок прибрежный, бархатный и золотистый, камышитовый лес на левом бегу, качающий коричневыми, похожими на сигары головками – всё это, перенасыщенное криками чаек, пением веселых птиц в траве и в воздухе, ароматами трав, цветов и самого морского духа, близкий вход в Рай всё же напоминало.

Мы разделись. Бросили все свои шмотки на песок и пошли в воду.

– Поплыли! – приказал дядя и нырнул. Голова его появилась над водой метров через двадцать. Я тоже нырнул и ничего не понял. Что-то подняло меня обратно на поверхность, хотя нырять я умел не хуже любого взрослого.

– А!! – заржал дядя мой весело и беззлобно. – Он же нырять-то не может. Или лёгкий такой, не ел давно ничего! Ну, тогда хоть плыви как щепка, доски огрызок.

Я поплыл и тоже не мог уловить, что со мной происходит. Я понимал, что плыву, но при этом не трачу никаких усилий. Отмахал руками всего раз по десять каждой, а проплыл столько, будто сделал не менее сотни гребков.

– Теперь просто лежи на воде. Руки-ноги в стороны, и лежи.

Я лег, не набирая воздуха и не шевелясь. Снизу что-то поддерживало меня. Я опустил руку, проверил. Ничего внизу не было.

– Это соленая вода! – крикнул дядя Вася. – В соленой любой предмет легче становится в десять раз. Ты сейчас вообще граммов сто весишь. А я килограмм. Но и килограмм в воде должен потонуть. Правильно? А я вроде как шина, надутая воздухом. Тот же килограмм, но утонуть уже не может.

– Что, совсем нельзя никак потонуть в море? – я так удивился, что вообще забыл про воду, в которой лежал как на пружинной кровати.

– Потонуть и в луже можно, – дядя Вася подплыл ко мне. – Но плавать в соленой воде без затраты сил полегче в сто раз, чем на реке. Привыкай. Поплаваем ещё.

Прошло полчаса, а я всё никак не мог объяснить для себя, почему морская вода не забирает меня ко дну, а выталкивает на поверхность.

Это настолько поразило меня, так озадачило, что я решил потом, в городе уже, найти книжку, в которой можно выяснить необъяснимое сейчас. Я мысленно зафиксировал в голове купание в Каспийском море как очередное чудо. И это чувство не покидало меня ни в воде, где

мы бултыхались без напряжения минут сорок, ни потом на берегу. Я вышел из воды после дяди, оделся и вдруг до меня дошло, что я ещё и не замерз, ко всему, ни капельки.

С озадаченным лицом я долго ещё стоял на берегу, глядел на море, но уже без того восторженного оцепенения, которое сковало меня на Арале. Безбрежность водного простора не стала обыденной для меня после Арала, а вот на Каспийском море это случилось. Или закономерно произошло. Ведь привык же я быстро к тому, что степь и пустыня сливаются с горизонтом, но далеко не в самом конце своих просторов.

– Эй, Славка, иди ко мне!– Дядя Лёня стоял чуть дальше по берегу, в траве возле воды, из которой рос плотный, шевелящийся от легкого ветерка с моря камыш.– Бегом давай. Бегом, говорю, мля!

Я понесся к нему, подминая под себя высоченную, по грудь мне, мягкую шелковую траву. Потом вылетел на протоптанную дорожку, которая спускалась прямо к дяде Лёне. Подбежал, убрал язык с плеча, говоря образно и не отдышался, а сразу спросил торопливо:

– А тут что? Что здесь, а?

– Вон, гляди по пальцу!– он перешел на шепот почему-то, хотя ещё пять минут назад орал как вроде сел на хороший муравейник.

Я посмотрел и увидел, что между камышинками и рядом с ними вода волнуется, шевелится, местами чуть ли не вскипает, а отовсюду из воды торчат острые шершавые пики с точёными толстыми зубцами. Они перемещались беспорядочно, исчезали на секунды под водой, появлялись снова и описывали замысловатые фигуры, производя беспорядочно гуляющие низкие волны.

– Я подумал, что это маленькие драконы, как в легенде про Барса-Кельмес. Сейчас они моментально вырастут в огромных чудищ и сожрут нас, коров, пастухов и, может даже, наш бензовоз.– Я так подумал и искренне испугался.

– Кто там? – схватил я дядю Лёню за руку и потащил его назад.

– Да стой ты, смотри!– он выдернул руку.– Сейчас выглянут хоть два-три.

И тут, действительно, к берегу, почти к нашим ногам подплыли две огромные, побольше полутора метров в длину. Рыбины. У них были длинные носы, которые сплющивались к концу и оттого казались острыми как заточенные колья. От головы по всей спине до самого хвоста, чем-то напоминающего акулий, тянулись, возвышаясь в середине туловища, острые, твердые на вид шипы. Я никогда не видел живьём таких диковин. Но в детской энциклопедии были картинки с похожими рыбами.

– Это осетры?– неуверенно спросил я.

– Ну, они самые! Гордость Каспийского моря и советского рыболовства! Деликатес! Дорогая благородная рыба! Ловить не будем. Любую леску порвут, любой крючок обломают. Ладно, ты смотри, а я пошел. Надо к вечеру готовиться. Дорогу найдешь? Там тропинка.

Он ушел, а я ещё целый час стоял и сидел у берега. Осетры подплывали совсем близко и смотрели на меня большими неподвижными глазами. Чудо-рыбы осетры. От них у меня так же точно бегали мурашки по коже, как и от вида розовых фламинго. Мурашки не от страха, а от радостного потрясения. Какое уже по счету чудо я вижу своими глазами! И за что мне счастье такое?

Прошло часа полтора и осетры уплыли. Я постоял ещё немного. Думал вернуться. Но они ушли если не навсегда, то уж точно до завтра. И я побежал к машинам.

Дядя Вася укладывал в машину какие-то свёртки, маленькие мешочки. Он был уж в рубашке. Двигатель работал.

– Ночевать не будем? – я сел в кабину справа.

– Я уже всем сказал, что не будем, – дядя поднял с травы тяжелую сумку и с трудом поставил её за своё сиденье. – Еды нам накидали, мля! Роту солдат можно накормить. А ночевать нам некогда здесь. В степи пару часиков поспим, а утром ты за руль сядешь. Ты забыл, что послезавтра свадьба у дочки дяди Вити Алдошина Наташки? За Серегу Опарина выходит. Это сын Максимыча из сельсовета. Надо их крепко поженить, мля! Чтоб век помнили свадьбу, мать её так!

Мы пошли, попрощались со всеми за руку, они все нам пути пожелали доброго, а мы им отдыха на всю катушку. Ну, и разошлись без слёз и причитаний.

А ещё часом позже мы уже вкатывались на приличной скорости в красивый от багрового заката июльский рядовой степной вечер.

Мы рвались на веселую и буйную казацкую свадьбу, по сравнению с которой все наши прошлые приключения, как сказал дядя Вася, покажутся нам детскими играми в песочнице, где всё время не хватает песка, совочков, маленьких ведерочек и потому нет никакого веселья и куража.

– Казацкую свадьбу вытерпеть до конца тяжелее будет, чем четыре дня по степям да пустыням гайсать, – дядя Вася почесал подбородок и по лицу его пробежала небольшая судорога. – Ну, а чего? Мы ж тоже казаки или хрен с горы? Сдюжим, да?

– А то! – сказал я опрометчиво, не имея ни малейшего представления о том что нас ждёт на предстоящем рождении новой крепкой и счастливой советской семьи.

Глава девятая.

Путешествие наше по морям, степям и пустыням благополучно себя исчерпало как только мы свернули с трассы на сорок первом километре от Кустаная, сразу после голубой жестяной стрелки с золотистыми буквами «совхоз Владимирский». Дядя Вася гнал последние двести километров так лихо, будто в глухой степи влюблённый в свою работу владимировский почтальон его выловил на дороге, петляющей меж саксаулов, и всучил страшную телеграмму:– «Василий ЗПТ Дом наш горит пожаром ТЧК Надо срочно потушить ТЧК Ждем

ТЧК Валя ЗПТ дети» И только скатившись с трассы на поселковую грейдерную он малость обмяк и прекратил издеваться над педалью акселератора.

– Они ж без тебя всё одно не поженятся, дядь Вась, – вставил я, обалдевший от бешеного мелькания километровых и электрических столбов, деревьев и пролетающих как снаряды встречных машин. – Ты ж на свадьбе главный. Они ведь даже и не знают, как надо жениться.

– Вот ты какой едкий, шкет! – вскрикнул дядя и заволновался. Поэтому моментально стал травиться «Беломором». – Я кто? Я сват! Сват я, мать их, родителей Серёгиных!! Они меня, мля, выбрали. Так я ж сосватал неделю назад. Прямо как по нотам батя твой играет «Амурские волны», так Наташкиным родичам на сватовском заходе я так напел про жениха, что они её готовы были чуть ли не за меня сразу и отдать. Хотя женатый я. Впечатление произвел! Понял? А на сегодня, на два часа дня у нас сговор назначен и рукобитие. То есть – сдаём Наташку по обоюдному нашему с родителями согласию. Надо теперь наладиться – где гулять, сколько дней, кого звать. А! Забыл! Что есть да пить будем. Чего жених подарит всем. Ну родичам и Наталье. Куда теперь без неё? Чего они в приданное дадут – тоже обмозговать надо. Родителей жениха, Мишку с Марусей, надо захватить на сговор с Колькой да с Зинаидой. Они ж с обеих сторон по рукам должны ударить, что согласные на все условия и что одобряют весь этот кордебалет. Во как! А мы опаздываем. Мне рубашку белую одеть, да брюки, в каких на праздники хожу.

В голове моей всё немного перемешалось, но спросил я неожиданно правильно и к месту.

– А Наташка согласна замуж выходить за Серёгу-то? Про них вообще молчишь.

– Ну, ты сказал! – дядя Вася прямо зашелся в хохоте. – Они ж эту заваруху-то и заварили. Сами. Знать никто не знал. Потом к одним родителям сгоняли, к другим тоже. Доложили, что сдыхают от любви обоюдообразной и будут жениться. Ну, родичи для порядку покобенились минут пять-десять, да и согласились.

– А на фига тогда вот эти лишние бега? – спросил я почти стихами, чему мысленно поразился. – Сваты, сговоры, рукоприкладство? Ещё, небось, и в церковь попрутся, вместо того, чтобы на свадьбе плясать?

– Рукобитие, а не рукоприкладство, – дядя поглядел в окно. Проезжали мимо клуба. – Вон они. Серёга, Наташка и ещё десятка три таких же. Сопляки двадцатилетние. Насчет мальчишника и девишника договариваются. Наверное, на завтра.

– Так свадьба-то когда? Не сегодня что ли? – мне стало интересно, почему бы не взять, да сразу и отплясать, отпеть, да отпить и поесть.

– Мы, Славка, весь наш род по Панькиной линии – казаки. А у казаков порядок есть со старых времен. Всё надо делать как положено. Женить, хоронить, вас, сопляков, до ума доводить. Не мы придумали. Пра-пра-прадеды ещё. Обогнуть эти правила да установки – грех большой. Казачьи законы, они веками живут и не рушатся. Потому, что они самим Господом нам дадены, а его дурить негоже. Боком выйдет.

Всё, конечно, в жизни поменялось крепко. Они, молодые, теперь сами что хотят то и воротят. А раньше родители выбирали сынку невесту или дочке жениха. Через сватов договаривались – разрешить женитьбу или отказать. Невесту и не спрашивал никто – хочет она

идти за него или нет. Она могла только одно родителям сказать: – «Воля ваша. Как порешите». Во, как было! -

дядя оторвал от руля большой палец и воздел его вертикально. Значение придал серьёзное.

– Потом были смотрины. Жениху невесту показывали, домой к ним ходили смотреть. А уж после этого, да ещё и через несколько дней только невестины родичи или соглашались, или подальше посылали. Вот времена были! А сейчас я вроде и сват, но пришел со сватьей, Валентиной своей, да и сказали всё, чего им и так уже известно было. Вот теперь смотрины не будем делать, а по рукам ударить, да иконами благословить – без этого никак. И венчаться тоже Бог велел. Правда, уже теперь после ЗАГСа, когда распишутся. Остальное сам увидишь. Будете со всеми пацанами и девками малыми у тёток наших на прислуге. Носить еду, скамейки таскать, посуду мыть, другие дворы под свадьбу украшать. Гулять-то будем не только у жениха и невесты. А у того ещё, кто позовёт. Отказывать не положено. Понял?

– А то! – Сказал я твердо, хотя из этой насыщенной непонятками речи усвоил только одно: побегать да попыхтеть придется крепко.

Подъехали к дому и дядя пошел переодеваться в нарядное.

Вот пока он меняет рабочий прикид на торжественный, я вам, читатели мои, ещё раз напомню, что даже почти в десять своих лет я не мог запомнить всего, что творилось на свадьбе. Помню, что свадьба была и какие-то обрывки всего этого суетного, радостного и длинного события в мозгу моём отпечатались.

Но только самая малость. Наиболее поразительные и необыкновенные моменты. А вот когда я вырос до восемнадцати, то во время праздников разных, да и просто так, между делом, все подряд мои родственники, с бабушки, деда и дяди Васи начиная и кончая самими Серёгой с Натальей мне про свадьбу сами всё в подробностях и деталях часто рассказывали. Событие-то, ох, какое важное. Главный это был тогда праздник в нашем родственном отряде, большом и дружном. Поэтому всё, что я сейчас пишу – это не только отрывочные детские впечатления. Это полная детальная картина торжества рождения новой семьи, нарисованная моей недоразвитой в те годы памятью и забавными, точными и полными рассказами почти всех моих родственников о свадьбе. Так что, выдуманного ничего не будет.

Вышел из ворот какой-то молодой мужик, побритый так гладко, что от скул его отскакивали солнечные зайчики. Он держал в зубах не горящую тонкую сигарету, подбрасывал и ловил тарахтевший спичками новый коробок. На брюках его выделялись до того острые стрелки, что если понадобится, он мог бы их скинуть и косить штанами траву. Белая рубашка из поплина, заправленная в брюки точно не мужской рукой, была притянута к брюкам плетёным кожаным ремнем с гнутой крест-накрест бляхой из золотистого металла. Ноги мужику украшали сверкающие лакированные полуботинки на подошве из микропорки. Я сидел на дедовской скамейке как раз напротив ворот, откуда вышел мужик. От него на все двадцать метров до меня долетал сложный запах «Шипра» и свежего гуталина. В общем, был он похож на какого-то артиста. Меня просто подмывало побежать к нему и попросить автограф. До того смахивала его причёска на стрижку артиста Баталова из фильма «Летят журавли», который я весной в клубе смотрел. Это предстал пока только передо мной и свежим воздухом не артист, каких

много, а мой единственный дорогой дядя Вася, обновленный городской униформой и Валиными ласковыми руками.

Тьфу! – громко оповестил он окрестность о своем состоянии, отряхнул брюки, покрутил белый воротник, осмотрел сверху свое отражение в полуботинках, потом для убедительного показа своего отношения к штанам со стрелками и пугающей белизне рубашки сказал ещё раз: – Тьфу, мля, мать твою!

И исчез за воротами, которые через пару минут сами открылись его хитрым приспособлением с моторчиком, а ещё через минуты из-за сарая выполз дядин «Москвич-401», который он без очереди купил по разнарядке в городе как победитель соцсоревнования на уборочной 1956 года. Больше их и не выпускали, как он рассказывал сам. Один из последних экземпляров ухватил. Это была чудесная машина – красавица серого цвета. Она имела явный заграничный вид, который ей придавал длинный капот, дугой опускающийся к багажнику кузов, изящно гнутые крылья, плавно переходящие в подножку, и еще разные нержавеющие блестяшки на капоте и по бокам вдоль кузова. Из сверкающей нержавейки были сделаны оба бампера. На таких машинах, думал я тогда, должны были ездить кроме дяди Васи разные короли, цари, шейхи и всё наше правительство. Дядя Вася, правда, хвастался, что его «Москвич» – это фактически немецкий «Опель», который мы, победители в войне, забрали у немцев как заслуженную награду. Но ему не верил никто. Все говорили, что наша Родина после войны сама может сделать всё, что хочешь. Так выросли её могучие силы после победы. Дядя аккуратно перевалил машину через низкий утрамбованный холмик вдоль ворот, исполнявший роль плотины при дождях и весенних таяниях снега и позвал меня.

– Прыгай в кабину, шкет! Поедем за Серёгиными родителями.

Я быстро влетел в кабину и утонул в сиденье. Внутри я сидел не впервые, потому украшения салона, такие же блестящие и полированные деревянные, меня уже не гипнотизировали.

– Короче, такое дело, – дядя правил машиной не так как бензовозом, а нежно, будто она была из хрусталя вся. – Ты, Шурка Горбачев, Володька Конюхов, Федька Брызгунов и Саня Гусев будете сегодня до ночи свадебное место готовить. Гулять будем вон там, за углом. Напротив Серёгина дома. Посреди дороги в длину на весь квартал столы должны стоять. Четырнадцать штук. Возле них лавки. Столько, чтоб все столы захватили. Дружка, главный, значит, командир на гулянке нашей – это дядя Гриша Гулько. К нему подойдете, он пояснит откуда всё таскать и как ставить. Потом перегородите улицу. Отсчитаете по тридцать шагов в каждую сторону и воткнете поперек дороги колья. Они сейчас уже у дяди Гриши дома лежат. И ленты красные у него. К кольям их и привяжете. Лент много. Есть ещё белые и голубые. Вот их повесите вдоль улицы на деревья в палисадниках. Так, чтобы они волнами весели. Потом поможете Александру Павловичу Малозёмову, братцу батяни твоего, провода протянуть на шестах над столами, да лампочки будете ему подавать. Ночью тоже гуляем. Надо, чтобы никто сало мимо рта не пронёс. стакан, тем более.

Я выкрикнул как солдат: – Есть расставить, протянуть и подавать! А девки что будут делать?

– Девки малые все подтянуты к кухне. Носить на столы – ихняя задача, посуду грязную собирать, подметать от столов мусор всякий, рушники гостям менять на чистые, про сильно пьяных дружке доносить, новых гостей к нему подводить, чтоб он подарки молодым принимал

да рассаживал. А вот мыть посуду будете вы все вместе с бабушками всякими и девками молодыми. На дворе у Серёге чан уже поставили, под ним костер будет. Запасные дрова Михаил, батяко жениха, уже рядом скинул. Холодная вода в чане рядышком. И там ещё пятнадцать фляг налили, чтоб с ведрами до колодца второпях не метаться.

– А сколько гулять-то будут? – тихо поинтересовался я с мрачным предчувствием.

Лицо дяди как-то помимо его желания исказилось чуть заметным страданием, которое одновременно выражало и испуг, и болезненные чувства.

– Ну, минимально неделю пропадать будем...

Он вздохнул глубоко, выдохнул шумно, сказал любимое «хэ-эх!» и аккуратно подрулил к дому Михаила Антиповича Опарина, без пяти минут свёкра и без девяти месяцев – деда.

– Ладно, Славка, ты иди во двор. Там увидишь всё. Ужо обслуга, кто надо, с утра на дворе. Тасуют промеж себя обязанности. И ты давай. Но чтоб работа шла как в армии: «Ать-два!»

И скрылся в сенцах. Удалился на обсуждение деталей плана грандиозного события вообще и в частности отвоза-привоза подарков от жениха и приданного из дома невесты в хату к жениху, приёму, а также раскладки денег от гостей. Чего и сколько молодым, а какие вообще не светить и приберечь на остальные дни, да на частичное погашение бешеных расходов.

Процессу учёта и контроля неожиданно помешали жених с невестой и ещё пятеро разодетых в нарядное парней и девушек. Они с шутками и прибаутками ввалились в дом, чтобы обозначить на сегодняшний вечер точное время мальчишника в этой хате, а девичника – в избе невесты.

Пока они там судили, да рядили, определяли и согласовывали, я кое-что выяснил у друзей по чернорабочим обязанностям. Сама, значит, свадьба начнется завтра в пять часов вечера, сегодня будут всякие разрозненные посиделки, а с утра молодые на дядином новеньком «Москвиче» летят в ЗАГС районный, в Затоболовку, потом в городскую кустанайскую церковь возле базара – на венчание. За ними в совхозном автобусе пойдет кортеж сопровождения, набитый счастливыми родственниками, а за автобусом покатятся ещё три грузовика с сочувствующим народом, состоящим из друзей «молодых», тоже парадно одетых, из взрослых знакомых родителей, которым трястись в кузове было поперек горла, но зато привычно. Тогда в основном так и ездили те, кого не втиснули в кабину. ГАИ никогда не было на трассе, а в городе о такой службе слышали только водители, но никогда не встречались.

Вот отбарабанят они там все официальные процедуры и прямо из-под венца рванут к столу. Поскольку ни в ЗАГСе, ни в церкви невозможно полноценно вдохнуть в прямом смысле пьянящий дух свадьбы. Дух этот создаётся только смесью запахов горячих и холодных закусок, браги, пробивающейся хлебным вкусом даже через закрытые фляги, стенаниями гармошки и пьяных певцов казачьих песен. Да ещё жуткими, как выстрелы из-за угла, внезапные пьяные вскрикивания «горько», драками от баловства мозгов в задуревших юных головах, «кражей» невесты, которая вообще-то после ЗАГСа уже жена, зачем воровать жену? Ну и шумными матерщинными стычками старых друзей-соседей, которым невозможно и не за что было полагаться на трезвый ум.

Вечером, когда друзья молодоженов засядут на посиделки, эти обязательные «мальчишники-девишники» с бражкой вместо чая и салом вместо кренделей, мне бы лечь пораньше да выспаться на неделю вперед. Ведь не зря же дядя мой изменялся в лице в сторону приятного, но всё же отвращения от грядущего и неизбежного семидневного запоя. Что я и сделал. Часов в девять вечера залез к деду Паньке на печку, пристроился на краю овечьего тулупа возле стенки и стал считать баранов до тысячи, чтобы уснуть. Где-то на десятом баране дед проснулся, обстучал меня вслепую со всех сторон и спросил сонно:

– Славка, ты што ли, подлец малой?

– Ну не баба Фрося, ты ж пощупал! – удачно сострил я, после чего сразу получил щелбан по затылку. И пока удивлялся, как это одноглазый Панька, да ещё в темноте, не промахнулся. И вот как-то с этими раздумьями и заснул.

Это был редкий своевременный правильный мой поступок, хоть и неосознанный. Поскольку следующий день с самого раннего утра не пришел, не наступил, а влетел как сумасшедший в лице дяди Гриши Гулько и заорал:

– Малозёмовы, вашу мать! Чай не выходной! А ну, на работу все. Сегодня я главный!

Мы, вздыхая и кряхтя, сползли с печки, а бабушка с кровати.

– Гришка! Чего надрызгался поутру!? – Зашипел на него мой дед. – Как управляться будешь?

– Поговори мне, мля! – ответил дядя Гриша и на всякий случай, зная Паньку, шустро покинул хату на одной натуральной ноге и на одном деревянном «копыте».

Праздник начался.

Машины с молодоженами и толпой особо ценных гостей стояли на старте возле дома жениха на середине дороги, которую мы ещё не успели перегородить. Дожидались подбегающих с разных сторон опоздавших. Работы уже не было никакой на полях и огородах. Пшеницу во Владимировке сеяли только озимую, для себя. Созревала она рано. А рапс, гречиху, горчицу, горох, подсолнух, кукурузу силосную и овес, да арбузы ещё, уже убрали. Раннюю картошку тоже выкопали к середине августа. И трудовой народ позволил себе отсыпаться. Даже экстренный торжественный случай не мог из-за накопленной с весны усталости, заставить работяг просыпаться с петухами.

Но вскоре и подтянувшиеся «штрафники» завалились в кузова и кортеж с песнями, разными во всех машинах, рванул, скрывшись мгновенно за маскировочной пылью.

Почти до вечера, до возвращения свадебных автомобилей, наша универсальная бригада из тёток, бабушек, четырёх всё умеющих мужиков, девок почти взрослых и нас, десятерых сопляков мелких, пахала без приседа и сотворила очень приличный, красиво оформленный, подсвеченный сверху и с обочины разноцветными крашенными лампочками, полностью забитый едой, бутылками с лимонадом и водкой стол. А помимо того разукрашенный на цыган-

ский манер всякими атласными лентами и блестящим новогодним дождиком из порезанной на ниточки тонкой фольги, незанятый ничем простор вокруг свадебного плацдарма.

Только сели передохнуть, мужики и по паре затяжек не успели сделать, когда поселок аж подпрыгнул от гремящего бодрыми песнями, моторами, переливами минимум пяти гармошек и истеричными криками добровольных глашатаев, мужиков и баб: «Ох, ты ж, Боже, Боже мой! Молодых везём домой! Ох, скорее бы гулять, да с женьбой поздравлять! Горьку чарку выпивать, до утра не ночевать! Э-эх!!!» Всё наши внутренне вздрогнули. Потому, что всё тяжкое, что выпало нам с утра, вечером должно показаться безмятежным сладостным отдыхом.

Из автобусов и машин все ссыпались, подпрыгивая в пляске, которую они уже физически не в силах были прекратить, потому как гармонисты тоже не могли заставить себя не давить на кнопки и не тягать гармошкины меха.

Дядя Гриша Гулько ковылял впереди пляшущих и почти ясным после трёх кружек бражки взором разглядывал праздничное место. На лице его сияло выражение главного ответственного за торжество.

– Ну-ка все, шнырь с глаз во двор! – провозгласил ответственный почти трезво. – А Вы, гости дорогие, после жениха с невестой, приседайте по местам. Невестины люди – с её стороны, жениховские – напротив.

Под гармошки и непрерывное пение трёх или четырёх веселых песен одновременно, Серёга с Наташкой, которую сложно было распознать в многослойном белом нежном платье да под белой вуалью фаты, чуть было не сели первыми, но им помешали сваты – дядя Вася и Валентина, жена его. Они плавно выступили из ворот, неся вдвоём один поднос, покрытый вышитым рушником. Посреди подноса лежал огромный калач с дыркой. В дырку прочно был втиснут хрустальный стакан с солью. Следом за ними так же плавно, но шустро семенили родители невесты дядя Коля и тётя Зина с иконами на вытянутых руках. Мы, малолетки, залезли в палисадник и оттуда через дырки в штaketнике, наблюдали за невиданным раньше событием.

Дядя Вася на подходе к молодым всю тяжесть подноса взял на себя, а Валентина поддерживала его мизинцем.

– А ну, покажите народу, кто хозяином будет в семье! – пропел по-церковному дружка, хлебнувший незадолго из кружки, услужливо подsunутой ему в руку незнакомой мне тёткой из кухонных мастериц.

Серёга нагнулся, потому как был длинный, и отгрыз кусок сверху. Так с куском во рту и стоял. Много, казалось, отгрыз. Но Наталье не надо было наклоняться и она, откинув назад фату, отхватила такой огромный ломоть калача, будто ножом его вырезала. Его во рту удержать не удалось. Тогда Серёга тоже вынул свой кусок и они оба подняли огрызки свои над головами. Наташкин кусок победил безоговорочно. С преимуществом раза в три.

– Ну, Наташка! Учись играть на дудке! – звонким радостным визгом заверещала её двоюродная сестрёнка Ольга. – Под неё твой Серёга и плясать теперь должен! Да ещё и всю жизнь, не меньше! – И она залилась почти рыдающим хохотом, который как зараза при эпидемии передался всем за столом сидевшим, и нам в палисаднике, да всем работягам, к воротам приулюлившимся. Сразу стало весело и свободно. Оставался один торжественный момент, благо-

словление родительское. Но и его пришлось придержать на пять минут, пока народ выдавил из себя последние всхлипы хохота. Тогда дядя Коля и тётя Зина, каждый со своей иконой, наставили их на молодых как пистолеты, и сказали значительно и увесисто:

– Волею Божьей и любовью к вам, им же дарованной, благословляем вас, дети наши родимые, на счастливую жизнь, богатую милостью Господней, хлебом-солью и детишками, главным вашим богатством на земле нашей грешной! Во имя отца, сына и святого духа! Да пребудет с вами милость его!

И они протянули иконы прямо к носам молодоженов, которых заранее никто не проинструктировал как себя после этого вести.

– Иконы целуйте, да родителям в ноги кланяйтесь, кланяйтесь! – прошипел дядя Гриша, который как из воздуха материализовался за спиной Натальи. – Эй, Миха, Мария, порядка не знаете? Вы родители, али хвосты собачьи?! А ну бегом сюды, нагайки на вас нет! Чураетесь благословления, ай не согласные с ЗАГСом и венчанием?

Вот когда полный состав родителей состыковался, Серёга с Наташкой чмокнули святые лики попеременно одну и другую. Да так низко поклонились, что Серёга лбом въехал в тарелку с нарезанными ломтями хлеба. Бабушка Фрося напекла двадцать пять круглых буханок. А Наташкина фата на секунду нырнула в большую тарелку с залитыми собственным соком солёными груздями. Фату она потом вытерла рушником от откушенного калача, а крошки хлеба со лба Серёгинаго смахнула небрежно вниз. И они, ненадолго зависая на бостоновом черном костюме жениха, спланировали на дорогу.

– А ну, гуляй теперича, станишники! – дядя Гриша перед этим воззванием махнул гармонистам, чтоб притихли. – На всю Ивановскую гуляй, счастливую жисть молодым нагуливай! Ешьте-пейте, гости милаи, да доброй жизни им загадайте!

Народ повиновался немедленно и опрокинул дружно по рюмке с водкой, после чего приступил к аппетитному закусыванию таким разнообразием застольным, что даже у тех, кто его готовил и попутно жевал, включая и нас, пацанов, возникло повторное желание присоединиться к гостям. Удерживало только то, что в нас втолкнуть уже было невозможно даже маленькую кругленькую карамельку «рио».

И так бы, может, и побежал замечательный праздничный вечер, но тут поднялся над столом и народом могучий двухметровый дядя Сеня Сухачов и сказал как диктор Левитан.

– А вообще, если по порядку жизнь начинать, то невесту сперва выкупить положено! Не выкупал невесту? Значит, ни тебе, ни ей цену знать не будете. А это, считай, и не жизнь, когда супруга не ценишь, али супружницу.

– Мля! – тихо охнул по прежнему стоявший позади молодых дядя Гриша Гулько. – Это ж мне кол затесать на башке моей дурной! Запоматовал, мать иху, кто всё придумал. Давай, Наташка, дуй в комнату, братики малые Серёгины, за ней! Торговаться будете. Но не отдавайте за гроши. А то грош и цена ей будет. А просите больше. Пока карман у него не сквасится. Разбежались.

Тут я заметил отца своего и маму. Они шли с бабушкой Фросей от дома. Только, видно, приехали на отцовском мотоцикле-козле. Я так обрадовался, что вылетел из палисадника, как необъезженный конь из стойла. Добежал, обхватил маму за талию. Она нагнулась и нежно поцеловала меня в щеку. Отцу я подал руку как положено мужчине.

– Соскучилась я, – мягко сказала мама. – Когда домой поедешь?

– Пусть тут дышит, – тронул её за плечо батя мой. – Успеет ещё отравиться этим городом. Тут воля. А там – асфальт и радио орёт на каждом углу.

Мама очень стеснялась деревенских. А деревенские незаметно, но сторонились её, хотя и уважали. Просто мама моя и в молодости и в старости держала осанку польской панночки, одета была с иголочки и по последней моде, потому, что всё слизывала с журнала «Работница», в который вклеивали выкройки. Мама была голубой крови, отец её служил в Белом Войске польском (о чем мне никогда не говорили и дедовские фотографии прятали в особом холщевом мешочке. Боялись. Помнили времена репрессий. Рассказала мне мама про деда только когда мне перевалило за тридцать. Раньше, молодому и буйному, говорить такое мне боялись. Мало ли что). Она и вела себя как аристократка, хотя и не надменно, но так, что это вызывало лёгкую оторопь у деревенских. Общались они вежливо, культурно. Но мама владимировским так родной и не стала. Встречались не часто. Причем обе стороны искренне чувствовали непонятную неловкость друг перед другом. И сдержанные отношения между ней и деревенской роднёй так и застыли до конца жизни всех, по очереди уходящих в иной мир.

Мы вчетвером дошли до столов, родители сели на места, какие показала бабушка. Молодых все не было.

Торг шел в доме, а из недр его через открытые окна и двери летали по округе визги, смех, строгие пацанячьи возгласы «маловато будет!» и весёлый, довольный хохот молодежников. Длилось это вымогательство примерно полчаса. И к моменту, когда сторговались на какой-то заранее решенной взрослыми сумме, новенькие муж и жена вышли из калитки. Причем, вышли – не правильно я сказал. Вышел-то один Серёга, а жена лежала на руках его как русалка на ветвях, то есть вольготно раскинувшись. Платье её белоснежное подолом собирало пыль с травы и дороги, но это уже её не волновало. Официальная часть проскочила хоть и с сучками, да задоринками, зато всё равно конец ей пришел.

Оставалось только одно веселье, которого одинаково нетерпеливо ждали и гости, и хозяйева положения. Гостей прибывало. Подтянулись немцы со своей части посёлка. Человек пятнадцать. Они несли и водку, и какие-то фигурные плюшки, а кроме этого стандартного набора тащили пакеты, свёртки, коробки. Подарки, значит. Дядя Гриша, дружка, самолично встречал, принимал всё из рук новых гостей и тут же передавал предметы, не глядя, в бок. Дарёное подхватывали те, которые к этому назначены были. Они бегом уносили подарки в дом, а водку с плюшками во двор, на запасные столы. Тут же за немцами приплыла делегация корейцев. Они жили в конце поселка на двадцати дворах и имели особое уважение как самоотверженные полевые трудяги, которым неизвестный нам Бог корейский подсказал как выращивать огромные урожаи лука, морковки, какой-то хитрой капусты с длинными узкими листьями и помидоров с огурцами. Они часть увозили в город и продавали на базаре, а часть разносили по дворам чуть ли не всей Владимировке и не брали за это ни копейки. Сегодня корейцы толкали перед собой две тачки. Одну, доверху забитую аккуратно уложенными кастрюльками с их традиционной едой. Пахло из тачки остро, кисло и горько одновременно. Её закатали во

двор, поближе к столам. Вторая тачка везла горку из коробок, свёртков и пакетов. Её подкатили через воротца палисадника к окну и дядя Гриша лично передавал подарки в чьи-то руки, причем не одни.

В это же время с разных сторон деревни как мотыльки на свет слетались к разноцветно светящемуся пятидесятиметровому столу случайные люди, узнавшие про свадьбу. Они вкатывались из тьмы в свет с подарками и бутылками, и кричали громко:

– Старшой! Подь сюды! Прймай залётных, да из рук заberi, чего несём. Не наше это уже! А молодой семьи имущество.

Я сидел на корточках. Ноги затекли намертво. И мечта моя на тот момент была одна: как-нибудь остановить поток любителей порезвиться на чужой свадьбе. Но тут оно как-то вдруг само собой и притормозилось. Дядя Гриша с тётками всех рассадил, опоздавшим принесли свежую еду и налили каждому по штрафной. По полному стакану водки. Местные казачки из штрафников сразу заглотили эти двести граммов, сглотив водку только когда стаканы опустели. И сказали хорошие слова Серёге с Наташкой. Немцы и корейцы порядок казачий тоже знали. Но сразу осилить двухсотграммовую дозу отравы не умели. Они осушили стаканы в несколько приёмов, заполняя промежутки закусыванием грибками или, как немцы, салом. После чего издалека, поскольку сидели почти за последними столами, прокричали всякие подходящие к событию добрые слова. Последней из дома деда Паньки пришла моя городская бабушка Стюра, Настасья, Анастасия. Она приехала из города сама на попутке ещё днём и вместе с бабой Фросей хлеб пекла.

Потом до сих пор одна месила и ставила под опару тесто на завтра, догадываясь, что у невесты дома гостей будет не меньше. Ну, если, конечно, первый вечер, посвященный сражению организмов с водкой, брагой и неисчислимой едой, не вышибет некоторых казачков из седла. Бабушка села рядом с мамой и отцом, ничего пить, как и мама, не стала. Пригубили обе, чтоб всем видно было и стаканы опустили потихоньку. Обе на дух не переносили спиртное.

И вот когда пустот на скамейках не осталось, когда молодые муж с женой ровно, как чурбаки, возвысились на больших стульях в торце почти безразмерного стола, тогда и разыгралась настоящая свадьба. Народ за столами, в большинстве уже ощутимо отягощенный градусом водки, начал сначала беспорядочно, а потом почти слаженным хором орать разными по захмелённости голосами священное «Горько!!!». Тут же из темноты к Наталье выдвинулись три тётки с подносами, уставленными стаканами. В них до краёв была залита водка. Мне потом дядя Костя, брат Панькин, рассказывал. Лет, может, через пятнадцать, объяснил, что у казаков первое «горько» не означает, что целоваться должны молодые. Это было правило, по которому бывшая невеста должна обнести всех за столом, подать каждому его чарку, дожидаться пока он её опустошит, а потом поцеловать его в щеку.

В это время играли гармошки, гармонисты пели специальную песню под этот обряд, которую я не смог запомнить, да и старики через много лет тоже не вспомнили, что там пелось. Главное, что Наташка обнесла чарками всех и поцеловала каждого и каждую. После чего за столами началось невообразимое веселье, а молодая, с горем пополам доползла на каблуках до своего места и села, глядя в светящийся синим, зеленым и красным цветом воздух стеклянным взглядом, который из палисадника мне был хорошо виден. Взгляд не был наполнен никакими чувствами, в нём застыла тоска жуткая, смешанная с усталостью и плохо скрытым испу-

гом перед возможной очередной неожиданностью. Серёга прижал её к себе и так они сидели, счастливо и умиротворённо.

А я переключил всё внимание на застолье. Всего длинного состава из скамеек и столов мне не было видно. Но зато прямо напротив меня стоял дядя Гриша Гулько, главный управитель торжества, и спорил с двумя мужиками, оторвав их от более приятного употребления сваренного, зажаренного, накрошенного и налитого.

– Ты, мля, Леха, мля, не горлопань попусту. Чтоб ты, мля, годовалого бычка, как прошлым летом Шурка Малозёмов, от земли оторвал! Да не дури моё копыто! У Шурки жилы, мля, как канаты. Он ЗиС 5 старый на машдворе за передок от земли отрывал. Все видели!

– Я годовалого бычка на горбу с пастбища нёс. Три километра, мля! – возражал ему Лёха. Но слова выговаривал туго и почти невнятно. – Это когда он, мля, ногу заднюю подвернул.

– Котёнок твой ногу подвернул, мля! – наступал дядя Гриша Гулько. – Во дворе об плоскорез споткнулся, который ты год наладить не можешь, ножи вкривь так и торчат, мля! Вот его ты на горбу до хаты и нёс!

– Не, бычок был у Лёхи, – заступился за товарища второй, сосед наш, через дом жил. Кривощёков Юра. – Неделью жил дома как порядочный человек, а потом его на выгон отпустили, пастух проспал, а бычок тот убёг насовсем. Шофера наши его вроде в Воробьевке видели. Или в Янушевке. Дурная, мля, скотина! Но бычок был, факт.

– Дурак ты, Юрок – Лёха выпил полстакана и плюнул товарищу под ноги. – Тебя кто, мля, спрашивал? Суёшь свой язык пьянящий куда ни попадя!

– Во! – заключил дядя Гулько. – Хрен с ним, с котёнком. Тьфу, мля, с бычком! Я тебе утром нового привезу. У Прибылова Генки возьму. Годовалый, мля! Как новенький. Донесешь до пастбища?

– Ты счас привези! – завёлся Лёха. – Я тебе его, мля, до трассы отнесу. Там продадим проезжалам. Деньги – половину молодоженам, половину пропьём, мля!

– Хватит собачится! – развернула Лёху к себе жена его, Нюра. – Не было у нас, Гриша, сроду никакого бычка. Чего дурня слушаешь? У, нализался, асмадей! Когда успел? Домой вон лучше пошли.

– Нету у меня дома! – вдруг зарыдал Лёха живой слезой и обнял друга Юрка. – То, что есть, мля, это не дом! Это Гриша, тюрьма народов. Меня, значит, и сынка Валерки. Мы, мля, народ! Но для неё мы не люди, мля! Пойдем домой, говорит! Да свадьба началась вот только минут десять как. Нас, мля, ихние родичи потом на дух замечать перестанут. Тьфу на тебя, мля!

И он весь погрузился в скупые мужские рыдания, изредка утяжеляя их интенсивность из стакана без закуски.

– Юрка, домой потом его дотацишь, – буркнула Нюра, пошла попрощалась с молодыми и родителями, да незаметно для гостей исчезла в темноте.

Я пошевелил взглядом и уперся им в другую весёлую картинку. Четверо парней поспорили на бутылку, что её выиграет тот, кто сделает стойку на руках, уперевшись в табуретку, которая стоит на крышке нижней табуретки. Они вытащили их со двора на свет, заставили гармониста, напившегося раньше всех и готового играть всем и всё, сбавать «цыганочку» и стали регулярно и поочередно падать с табуреток в придорожную пыль, составляя пирамиду снова и повторяя падения, которые становились всё громче и смачнее. Вокруг них собралась куча девок и пареньков-ровесников, напевая слова «цыганочки» и поддерживая качающихся на руках «циркачей», которые, несмотря на коллективную поддержку, продолжали ссыпаться с табуреток, обдирая в кровь локти и плечи. В этой группе было очень весело и смешно. Но в палисадник зашла тётя Мария Скороходова, из кухонных, и тихо позвала:

– А ну, мелюзга, побежали посуду мыть. Скоро горячее разносить будем.

Я с трудом оторвался от забавных событий на улице и мы небольшой гурьбой побежали во двор к чанам с водой отдавать торжественному делу свой трудовой долг.

Глава десятая

Обновляли стол мы дружно и на предельных скоростях. Приставленный к кухне народ метался с горой грязных тарелок к нам, чистильщикам. Я сбрасывал их в чан с холодной водой, прихватывал высокую стопу чистой посуды, хватал со стола подносы и, пыхтя, улетал на раздачу, где две Людмилы, разные по возрасту, но одинаковые в скорости и точности разброса по тарелкам гарнира и огромных кусков мяса, вынуждали подквашенных до средней кондиции гостей стремиться к высшей ступени блаженства – полной отключке от реалий и переход в состояние невесомости мозга. В этом фантастическом состоянии мужики обнажали все душевные ресурсы: недержание языка за зубами, расбрасывание во все стороны эмоций, рук и неосознанное швыряние собственного тела туда, куда трезвый ум не пускает.

Я закончил мытьё посуды, протер всю и пошел на улицу, где становилось всё веселее и загадочней. Там крепко ругались два неразлучных друга, которых редко видели поодиночке, так как оба они работали на лесопилке. Один подавал бревно на пилораму, другой распилил принимал. Потом перекидывали половинки на другой станок и пилили уже на доски. Они были друзьями с детства и никогда не расставались. Даже в армии служили после войны вместе. Я их знал хорошо потому, что мы с моим деревенским лучшим другом Шуркой ходили на лесопилку часто. Подолгу сидели на опилках сбоку и наблюдали, попутно впитывая витаминный аромат свежей распилки.

Сейчас двое лучших друзей держали друг друга за грудки прямо возле палисадника и орали в голос что-то насчёт того, будто бы один из них, Витька, не понимает ни хрена в пневматике, которая уже завоёвывает всё повсюду. Витька возражал громче. Его возражения шли мимо предложенной другом темы, но тоже имели смысл и современное значение. Он кричал о том, что скоро весь мир завоюют такие аппараты, которые уже есть и зовут их телевизорами. Ставить их надо на тумбочку дома. Он читал про них в журнале «Техника-молодежи». И что в кино потом ходить не надо будет. Смотри на хате у себя. И ещё в телевизорах будут сидеть специальные люди для того, чтобы всем рассказывать все новости со всего мира.

Но Леонид, первый, он сильно плевать хотел на телевизоры, потому что пневматика сможет опрокидывать огромные кузова самосвалов. На сорок тонн кузова. Это же вершина прогресса. Не сравнится с гидравликой. А ещё будут пневматические поезда. Они по стеклянным трубам должны толкаться сжатым воздухом по рельсам со скоростью самолетов. Витька рвал на друге рубаху и клялся, что он купит телевизор в Москве, куда сгоняет завтра с утра и никогда Леонида не позовет смотреть кино. Пусть тот ходит за деньги в клуб, а после клуба нехай пневматика по темнякам задувает его до дому.

Я ещё немного постоял рядом, расстроился, что они порвали рубахи обоюдно до самых рукавов и пролез под столом на другую сторону.

Там взрослые дядьки и тётки плясали вокруг двух гармонистов кому что удавалось. Кто-то чечётку бил, другие давали классического украинского гопака, трети попарно танцевали вальс, а четверо молодых парней и девок как-то болезненно извивались, раздрыгивая ступни в разные стороны без отрыва от грунта. Изредка они орали незнакомое слово «Твист!», визжали и не прекращали вихляться, возбуждая любопытных, которые, покачиваясь, весело наблюдали и прихлопывали не попад ладошками. Гармонисты в это время, прислушиваясь друг к другу, самозабвенно играли и хрипло пели матерщинные частушки.

Но явился Дружка дядя Гриша Гулько и в секунду всех усмирил, остановил и привел к общему знаменателю зычным призывом

– А ну, станишники, сгрудились все взад за своими столами! Второе действие пьесы про светлые совет да любовь – пошло. Третий звонок!

И он сделал губами – trrrr-rrrr-rr-rr!

Три раза. Гости тут же прекратили скучные свои занятия и бросились по местам, к веселью, пробуждающемуся от запахов вкусной еды, волшебного звона бутылочных горлышек о стаканы и общего фонового гула, подтверждающего нерушимое застольное единств и идейную близость. По очереди стали говорить тосты. Короткие и длинные. Понятные или закрученные узелками, да скрученные в бараний рог. Их никто не понимал, но все одобрительно выкрикивали «век жить молодым побогаче, да подружнее», а также «деток нам давайте пяток, не менее того!» Жених с невестой, то есть муж с женой, искренне веселились от тостов и неторопливо ужинали. До тех пор, пока дядя Гриша снова не объявился позади них. Он раздвинул молодых руками подальше друг от друга и объявил предстоящее так громко, будто имел цель оглушить не только ближних, но и сидящих на выселках, в конце всех столов:

– А до сих пор вам, милочки, всё было сладко, да? Да! И вот скоро ночевать пойдете – ещё слаще будет!

Засмеялись по-доброму абсолютно все.

– А вот народу, гостям нашим вот ровно сейчас и стало горько! Да так что некуда горше! Как вам, гости дорогие, незабвенные живется сей момент?!

– Горько!!! – хором и в одиночку отметили своё состояние все. – Ой, как горько! Не естся и не пьётся, обратно всё льётся!

Дядя Гриша резво отскочил назад и молодые, оставшись без его опеки, вытерли рушниками губы, поправили одежду и Серёга медленно наклонился к жене и скромно поцеловал её в уголок губ.

Лет через пятнадцать мне отец случайно сказал, вспомнив ту свадьбу, что у казаков именно такой скромный поцелуй считается демонстрацией большой любви и нежности. А не то, что сейчас: глубокий, длящийся под аккомпанемент хорового счета до двадцати. А если меньше – то и не любовь у молодых. А так, забава одна, временная.

После поцелуя тосты стали носиться над столами с удвоенной силой и скоростью. Прозвучало их не меньше тридцати. Даже мама моя скромная прочла громко и с выражением, на какое способна хорошая учительница русского языка и литературы, сочиненную лично и конкретно для них стихотворную здравицу. Прочла, помахала молодым рукой и села на место под бурные продолжительные аплодисменты. Я очень порадовался за маму. Стихи были красивые и берущие за душу.

Я пошел в двор, Саша достал из кармана два больших охнарика, подобранных возле столов, нашел возле чана около дров спички, спрятался за угол дома и с удовольствием выдолбил один чинар, а второй спрятал тут же, в траве возле угла. И только присел передохнуть от шума, как услышал душераздирающий дамский вопль:

– Невесту украли!! Украли бедную! На глазах у честного народу! Ты, олух, куда смотрел, дышло тебе в нух!!!?

– Да стихомирься, Марья Игнатьевна, по нужде отошла она. Что ей, подохнуть, что ли? Надо, понимаешь? Сама, небось, раз десять бегала!

Игнатьевна пропустила слова Серёгины мимо себя и заверещала ещё истошнее:

– Да где ж охрана-то была? Где старшой у нас? Что теперь, жених один жить должен? А? Отвечай, Гринька!

И она не по-женски тряхнула дядю Гришу так, что с него ажик фуражка соскочила.

– Народ! – почти отчетливо сказал дядя притихшим гостям. – Всем миром, да отыщем! Так говорю?

– Любо, Гриня! – пьяно заорал кто-то с середины застолья. – Вставай, братцы! Горе у нас. Невесту украли, паскудники!

И всё ожило, задвигалось, замельтешило и собралось в приличную толпу. Один Серёга сидел на месте и мирно ел куриную ногу.

Искать начнем с Сашки-пастуха! – крикнул мой дед Панька. – Он вор ещё тот. Арбузов у нас с бахчей прямо из-под носа натягал мешка три.

– И трансформатор в запрошлом годе с МТС он же и спёр, – сказал главный механик совхоза, знатный гость на свадьбе.

– Тогда айда до Сашка всем кагалом! – дядя Гриша рванул, если можно так выразится, первым. А за ним широким ручьём потекла раскаленная гневом лава гостей. Мои мама и бабушка Стюра тоже поднялись и тихонько ушли домой к Паньке. Спать, наверное. А я побежал смотреть, как у пастуха будут отбирать Серёгину жену. Становилось всё интересней и таинственней. Чего я совсем не ожидал от радостной свадьбы.

Бежать было не так уж и далеко. За угол, потом по переулку, над которым по всей его длине склоняли, соединяясь почти у земли, желтые ветки ивы. В этом переулке не было домов. Здесь раньше существовал большой пруд. Его, жившего не меньше сотни лет, закопали по приказу очередного директора совхоза лет десять назад. Так мне рассказывали местные. Чтобы можно было напрямую проехать из одной половины деревни в другую, а не делать крюк в три километра. В пруду поймали бреднями всю рыбу и перенесли её в большое озеро возле клуба. Закопали. А директора сняли через год за неправильные посевную и уборочную.

Бежал я сзади всех вместе с Шуркой, ещё пятью пацанами и тремя девчонками. Орава, как ей казалось, наверное, летела как скорый поезд, болтаясь вкривь, иногда вкось. Некоторые вылетали с дороги, рушились там оземь и путь их к справедливости прекращался в кустах полыни и чертополоха, которые полем росли плотно и далеко, до самых домов. Добежали до пастуховского дома то ли самые сильные, то ли менее пьяные. Количеством их осталось с десятков, хотя разбег брали мужиков пятьдесят, не меньше. А вот где все припали к родной земле и, видать, задремали малость, даже мы не заметили. Ворота у Саньки-пастуха были закрыты на засов, поэтому сыщики стали использовать все способы проникновения на территорию злодея. Те, кто полез через забор, опали с него как сухие шишки с ели. Не задерживаясь в воздухе вроде осенних листьев. Они, успевая выкрикнуть одно и то же слово «мя!», валились грузно в траву. Маленько там пошебуршали и тоже прикорнули минут на сколько-то. Стоячих осталось четверо. Среди них мои дядя Гриша Гулько и дядя Вася. Они судьбу пытаться не стали, а просто постучали в ворота и в окно.

Вышла жена пастуха Нинка Митрохина. Её все уважали, так как она в сельпо была посменной продавщицей и мужикам бормотуху всегда давала в долг, под запись.

– Здоровая была, Нинок! – завел непринужденную беседу дядя Гриша. – Чего товар с городу, справно ли возют? Нет ли перебоев и шатаний в сторону от сортности и ГОСТа?

Нинка оглядела представших перед её трезвыми глазами искривленных водкой да бражкой потных от забега и красномордых от смеси всех удовольствий мужиков. Она уперла ладони в косяки калитки и, выговаривая слова по буквам, чтобы дошло до прибывших, осведомилась:

– Вам надо какого хрена? Если Санька, то он отдельно за вашу свадьбу нажрался браги в сенцах и шчасс мечтает заснуть. Но пока не может. Вон он, из нужника выполз. Тошнит его и рвёт навыворот. Хотя бражка хорошая. Сама проверяла. Вот на свадьбу вы нас не позвали, а в гости приходите. Это зачем, интересно?

– Ну, вся деревня не войдет на свадьбу. У нас столов всего четы. – Дядя Гриша долго силился сказать слово четырнадцать. Но не шло никак. Не тот был день и время ещё не то.

– Завтра к невесте на двор и приходите. Специально пришли позвать как положено. Колька с Зинкой послали оповестить вас, однако! – Это уже встрял дядя Вася. После чего под-

нырнул под руку Нинкину и кое-как сблизился с Саньком, потому что оба шли зигзагами и под разными углами. Нинка рванулась к ним, освободив путь и дяде Грише.

– Санец! – культурно произнес дядя Вася и с ходу влепил ему аккуратную дамскую пощечину. – Пошто ты, зверюга, стыбил со свадьбы нашу невесту?

Плачет жених и лезет повеситься на шнуре от лампочки. Родители сидят там, яд разложили перед носами и ждут полчаса. Если не приведем Натаху – съедят яд. Полный стакан. Послезавтра похороны всех троих.

– Мужики! – выровнялся от пощёчины пастух Санька – Хрена, мля, мне ваша невеста? Жена ж, ото ж, туточки! И разводиться не мечтаем. Живем, бога в душу! То есть, не так. Живем, Бога ради! Вон и детишков у нас трое. Чего вы?

– А ну давай, Гулько! И ты, Короленко, валите валом отсель! – Нинка взяла возле порога ухват. – Чего меня дразните? Невесту он, значит, украл и в солому зарыл. А меня с дитятками завтра на попутку, да обратно в Янушевку, где взял? У-у-у, охальники! Пошли давай, пока можете. А то огрею поперек горбов, ползком к утру прибудете на свадьбу свою.

– Насчет сена – это ты, Нинка, вовремя проболталась! Даже пытки к тебе не надо теперича применять. – дядя Вася обнял старшего по свадьбе за шею и они неровно, но точно по курсу двинулись к стогу в конце двора.

Мы скомкались все пятеро в калитке и глядели с открытыми ртами на всё, что двигалось и стояло. Саня-пастух уперся ладонями в колени и так замер. Отдыхал, возможно. Тётка Нинка поставила ухват обратно и села на завалинку, поправляя на голове косынку. На ходоков она глядела без зла, с

припрятанной улыбкой и любопытством.

Дядя Вася перед стогом отклеился от напарника и первым ухватил вилы. Дядя Гриша тоже взял рядом вилы покороче и они начали протыкать сено в разных местах аж до середины черенка. Потом они выбились из сил и привалились спинами к сену.

– Гля, Гриня! Нету там, – дядя Вася размазал по лицу пот и протер его пучком соломы. – Она, видать, в сенах привязанная мается.

И он, петляя, побежал к двери. Открыл и пропал там минут на пять. Тётка Нинка Митрохина посмотрела на нас издали и сказала:

– Шли б вы спать, мелюзга. Эти дурни ещё долго будут шарашиться.

Для них же свадьба, что тюремному воля. На свадьбе живешь дней пять, как хочешь. А потом опять – кто за рулём трясётся до ломоты в костях, кто брёвна таскает, пока руки не отвалятся, а третьи стога вон мечут из соломы на полях. Тоже горбы гнут. Пусть расслабятся маленько. Э-эх, жизнь крестьянская!

– Не! Мы отоспимся. Ничего. Посмотрим пока. Интересно же! – крикнул я из ворот за всех.

Из сеней лениво вышел дядя Вася, вытирая рот рукавом пиджака.

– Бражка натурально хорошая. Доведённая. С такой гнать можно. Первач пойдёт – я те дам какой!

Он подошел к Нинке и попросил, чтобы она Саньку отпустила на пару часиков молодых поздравить. А, мол, сама завтра у невесты дома поздравить в пять часов. У них на второй день намечено всё и готовое ждёт.

– А пошто, Васёк, ты меня по морде приложил? – мирно поинтересовался Саня-пастух. – Мы ж разве так договаривались? Ну, придете, спросите, что не я ли спёр невесту. Я, как уговор был, вас бы всюду провел посмотреть, а вы бы не нашли и забрали меня, как честного пастуха, догуливать.

– Да как-то само вырвалось! – изумился дядя мой. – Извиняйте оба, коли пошалил я манехо. Ну, пошли, что ль?

– Вы его чтоб к утру домой принесли, – тётка Нинка проводила всех до калитке, а Саньку кулачком по спине постучала. – Ты там смотри, с копыт не сбейся. Знаю я тебя, змей.

– И как у тебя, оно, Василий вырвалось-то, чтоб по морде хряпнуть? – удивлялся дорогой дядя Гриша. – Но ты, Санька, на свадьбе всем скажи, что избили тебя до полусмерти, но невесту не нашли. Уговор?

– Да чё ты, дядь Гриш! Уговор старый. Я слово свое никогда не отменяю.

Так и добрались до столов, за которыми, осеняемые волшебным пересветом крашенных лампочек, кто жевал, кто через силу запрокидывал стаканчики, а кто спал на скамейках или разместив голову на сложенные в полупустые тарелки руки.

В то же время из темени поодиночке сползались на свет отдельные потерявшиеся, которые вздремнули малость в полыни до восстановления сознания. Мы сели к штакетнику палисадника и с радостью считали всех, кто враскачку вваливался из тьмы на свет. Где-то через полчаса возвернулись сорок два охотника за вором из пятидесяти. Так посчитала Людка Терентьева, соседка наша. Через три дома жила. Она вообще любила считать всё, а тут как раз и случай выпал.

Невесты, тем не менее, на месте не было. Сидел довольный почему-то Серёга и жевал грузди, запивая их маленькими глотками водки.

– Чего лыбишься? – рявкнул на него дядя Гриша. – Не волнуется он. Не переживает. Думаешь, второй раз жениться дадим? А хрена вот тебе!

– Так ищите, мля! – зашумел одинокий муж. – Где баба моя? Кто клялся воров найти? Мне теперь что, свидетельство назад везти в Затоболовку. Попам в церкви тоже сказать, что непрочено обвенчали и невесту стырили как вилку со стола? Удивляюсь я на вас, мужики, мля. Вроде поели попили, сил набрались, а девку в родном краю сыскать слабо вам вышло.

– В родном краю! – эхом воскликнул двухметровый дядя Саша – Мозги ваши от курей! В родном краю!!! Это ж в лесу надо глядеть. Они её, собаки, в лесу спрятали. А утром, если мы не найдем сейчас, увезут её в Турцию. Или в Индию, мля!

– В Турцию-то на кой пёс? – удивился шофер дядя Лёня, который с нами на Каспий ездил.

– Этого мне знать не положено! Но увезти могут. Раз украли. Давай, по коням все! Шашки, нагайки – товсь! Все за мной!

Он первый подскочил к чьёму-то мотоциклу, в фару которого был воткнут сверху ключ. Он мгновенно завел движок, создав за собой вонючую дымовую завесу, включил свет и испарился в темноте. Виден был только прыгающий луч от фары и задний красный фонарик. Мужики, которые были в состоянии двигаться, тоже устремились, выписывая вензеля ногами, кто к мотоциклу, кто к велосипедам с фонариками над колесом. Они тоже стали вылетать, петляя, из света во тьму и не спеша устремились к ближнему колку. Километра три до него. Остальные с фонариками-жучками в руках, создавая повизгивающий и скрипящий шум, тоже поковыляли за ушедшей вперед техникой.

Мы с малолетками в лес не побежали. А смотрели вдаль на мечущиеся разнокалиберные огни, освещающие бездорожье, собственную пыль и выхватывающие временами фрагменты березового красавца леса, где уверенно рассчитывали найти и законно покарать него-дядев-воров.

Вскоре всё стихло и потемнело. Видимо, казаки достигли леса и спешились.

Серёга посвистел мелодию «темная ночь», которую красиво пел Бернес в кино. Потом выпил бутылку лимонада, взял ещё одну, прихватил горсть шоколадных конфет и сказал нам, потому что движущихся рядом больше не было. Все тётки ужинали на кухне.

– Эй, шкеты. Вы тут поглядывайте, чтобы натурально не спёрли чего. А то тут из темени наверняка глядят за нами. Тоже врезать мечтают. А их не позвали. Всех же не напоишь, бляха муха.

И он пошел в дом, насвистывая то же самое. Причем насвистывал весело, хотя песня была печальной.

Мы сели за столы. Нашли нетронутую еду, перекусили прилично. Ну, а потом стали сторожить свадебное место и ждать возвращения казаков с живой невестой и связанными по рукам и ногам мерзавцами-ворами, у которых и кляпы воткнуты в рот, и фингалы под глазами фиксировали наказание. Мы так рассуждали, что покормят их напоследок и на добрую память о домашней еде, да отвезут в ближайшую тюрьму. От этой надежды и уверенности всем нам стало хорошо. И тогда незаметно к каждому из нас подкралась из темноты дремота. Она уложила всех на скамейки и стала показывать хорошие, веселые, как эта славная свадьба, сны.

– А ну, геть звітсиля!!! – разбудил громовой голос сверху нас всех, кто зарылся носами в разнообразные блюда, лежал на траве в стороне от столов и света, ну и, конечно, нас, шкетов, вытянувшихся на скамейках. Команду выполняли все неодинаково. Из салатов и давленных солёных помидоров гости выковыривались с удивлением на раскрашенных мокрых лицах. Они туманно оглядывали то, в чем прибыли на праздник. Не узнавали ничего и оглядывались

вокруг, восстанавливая через мутноватые глаза былое, хоть и недавнее прошлое. Те, кто мял туловищем, тяжелым от выпитого и закушенного, траву нежную, поднимались побыстрее и вливались в действительность сразу. Земля была ночью не тепла и не очень уютна, а от прохлады земной и трезвости в них обнаруживалось побольше. На скамейках вздремнули мы, шкеты, и не слишком одуревшие от проглоченной водки мужички и даже сильные духом крестьянские дамы. С них и было легче всего вскакивать. Ноги опустил – и ты уже вернулся в праздник.

Команду подавал двухметровый дядя Саша, вернувшийся из погони за вором невесты по ближайшим лесам. Выглядел он жутко. На нём осталось немного рубашки в полосочку, верхняя часть брюк и одна левая туфля. Здоровенные часы с белым металлическим браслетом сами не присутствовали на руке, но оставили за себя четкую белую с грязными каёмками полосу и такой же круг. В пышном седом волосе дяди Саши присутствовало много всяких предметов. Кусочки березовой коры, мелкие веточки и зелёные листики. С затылка до шеи тенью прозрачной поникла снесённая на ходу паутина, в середине которой сидел желтенький паучок, не успевший вовремя соскочить.

Он приехал первым на том же мотоцикле, изменившемся только внешне. Не было заднего номера на крыле, поскольку само крыло осталось в лесу. Гоняясь за злодеями, он смог попутно сломать левую подножку, помять фару и отодрать каким-то крупным предметом половину заднего сиденья.

– Мотоцикл чей? – крикнул вдаль дядя Саша. – Завтра будет как новый. Отвезём сегодня на МТС. Там пацаны с золотыми руками все.

– А народ-то, шо с тобой утёк в леса который, он где? – заботливо спросила тётя Валя, жена моего дяди Васи. – Меня, конкретно мой Василий интересует.

Вслед за её вопросом начал сам по себе вырисовываться ответ. Сначала появились четыре велосипедиста, которые несли на себе велосипеды. Они выглядели страшнее дяди Саши. Но вы, читатели, ориентируйтесь на его описание, а воображение само слепит вам образы остальных. Единственное, чего было натурально жаль, так это колес, погнутых в классические восьмерки. Такие колеса даже золотым рукам из МТС не поддадутся и покупать придется новые. Вслед за велосипедистами, которые тоже вразнобой интересовались у окружающих, чей был бывший велосипед, появился второй мотоциклист. Он был глубоко изранен встречными деревьями, сучками, ямами лесными и лобовым столкновением со стенкой лесной сторожки, сделанной из кизяка, на первой поляне. Поэтому и мотоцикл уже не был похож на средство передвижения. На нём не осталось ничего кроме рамы, мотора и руля. Колёса прокололо чем-то вроде шипов бороны. Дырья в шинах напомнили одному старому уже дядьке следы от прямого попадания из крупнокалиберного пулемета. Дядька воевал четыре года, ему там руку по локоть оторвало. И в следах военных он понимал всё.

– А никто в тебя не стрелял в лесу? – тихо спросил он мотоциклиста. – Из противотанкового ружья или из пулемёта на треноге?

Мотоциклист задумался.

– Ты аки подурел, Демьяныч! – шепнула безрукому тётка Дуня, уборщица из сельпо. – Тут какие будут тебе партизаны? Али ты чуешь, будто немчура с нашего совхозу, которая на

свадьбу не попала, пошла в лес вас, дураков, поджидать? Так если б они, вас бы ни одного не осталось. У них ведь в лесах попрятаны танки, пушки, гранаты с длинными ручками.

– От дура ты, Дунька, мля! – ответил Демьяныч. – Метешь помелом своим окаянщину, как коридоры в сельпо. То ж с Поволжья немчура. Они пулемёта и в глаза сроду не видали. В кино разве что... Тьфу!

Затем из темноты выдвинулась самая большая бригада смелых и храбрых поисковиков невесты. Смотрелась она вполне сносно. Ну, там, мелкие царапины на руках и физиономиях, порванные небольшими кусками штаны, белые рубашки, покрашенные намертво соком свежих листьев, небольшие фингалы под потухшими от начинающегося похмелья глазами. И всё вроде.

Дядя Вася смотрелся получше других. Он, когда в лес заходил, разделся до трусов. Повесил всё на березку, полуботинки уложил рядом на куст вишарника. Поэтому у него только носки стёрлись почти до щиколоток. Но носки копейки стоят. Не обидно.

Сильнее всех пострадал, конечно, второй мотоциклист. Может и было на нём живое место. Но он и сам не мог показать – какое. Место его было не на свадьбе, а в районной больнице. В травматологии или у хирурга. И кто-нибудь другой сразу туда и ускакал бы. Да только не казак же! Смеялся бы над ним весь поселок до конца его жизни.

– Ты вот чего, – дядя Вася знал все приемы первой медицинской помощи. На двухнедельные курсы совхоз пятерых в город по разнарядке посылал три года назад. – Пойдем шас во двор. Там никого пока. Разденешься догола. И мы польём тебя всего водкой. Оно бы, мля, лучше спиртом. Но водка тоже убьет враз всю заразу, шо ты нахватал в лесу. И раны посушит. Завтра будешь такой же, как вчера. Молодой и красивый. Славка, Шурка, Володька Прибылов, с нами пойдете. Водку будете лить на дядю Костю.

– Какие с них поливальщики? – возмутились дуэтом братья отца моего младшие. Шурик и Володя. – Они водку понюхают и хоть гробы заранее заказывай. Мы польём. А ты его, Василь, держать будешь, шобы он не сорвался да не убег.

– Ладно, кубыть! – согласился раненый и мы маленькой толпой пошли во двор. Володя прихватил со стола три бутылки и три стакана

– Во дворе всё есть. Там ещё водки на две недели хватит. Пусть народ тут похмеляется, – дядя Вася забрал у Володи бутылки и всучил их одному из пробудившихся в подносе с тушеной рыбой. – На, братик, поправься малехо!

И мы вошли во двор. Дядя Костя снял медленно что-то, похожее на бывшие штаны, ещё медленней стянул продырявленные и разодранные со всех сторон портки, бросил на землю то, что недавно называлось рубахой, со спины через голову скинул исподнюю рубашку, похожую на крупноячеистую рыболовную сеть, вылез из трусов и изготовился.

– Трусы можешь надеть, – посоветовал умный Шурик. – Всяко может быть.

Дядя Костя намёка не уловил, но в трусы влез и подтянул их до пупа. Вот тут мы его и разглядели окончательно. Он весь кровоточил из всех глубоких и мелких разрезов, которые острые сучья делают не хуже ножа.

– Голову покажи. – Володя взял его за шею и нагнул. – У-у-у! Голову бы лучше совсем отрезать. И так уже ничего не осталось целого.

Пока дядя Костя размышлял над серьёзностью ужасного этого предложения, все трое откупорили по бутылке и начали поливать водкой пострадавшего. Он с первых секунд ничего и не понял, зато потом взвился как конь на дыбы и заорал страшно. Как утопающий, который понимал, что на берегу нет никого и спасти его некому. Дядя Вася держал его изо всех сил, но этого было явно недостаточно.

– Шурка, малой пусть поливает, а я держать буду!

И Володя прихватил мученика снизу за ноги.

После следующих трёх бутылок вопли дяди Кости перешли в хрипы, стоны и звериный рык. Глаза его вылезли из глазниц, рот пытался выхватить из водочных паров хоть каплю чистого воздуха, а руки он выворачивал так замысловато, что сумел освободиться от хватки дяди Васи. Потом он подпрыгнул так резво, что мокрые щиколотки Володя тоже не удержал. Свободный дядя Костя, раздираемый на мелкие детали болью, которую принесла водка в раны, сделал два бешеных круга во дворе, матерясь так многослойно и десятиэтажно, что даже закаленный жизнью дядя Вася сделал утвердительное заключение: – Да! В методике лечения мы не ошиблись. Если не помрет от болевого шока в течение двадцати минут, то завтра его можно по новой запускать в колючки. Как новый будет. Ни царапинки, мля, не останется.

Дядя Костя вылетел как снаряд из ворот и, сметая по пути всё и всех, унесся по дороге, которая вела вокруг деревни.

– А чего это он чесанул, как будто в тазике со скипидаром посидел?– Удивился двухметровый дядя Саша.

– Скоро вернется. Вон оттуда, – Шурик показал пальцем на другую сторону поселка. – И мы вместе с ним ещё погуляем. До рассвета ещё почти четыре часа.

– Всех настырно прошу занять закрепленные за ними места у столов. Вторая часть свадьбы продолжается, несмотря на отсутствие выбывших по болезни, тех, кого жены угнали и скурвившихся слабаков, – Дядя Гриша махнул фуражкой, топнул копытом культи оземь и свистнул гармонистам: – А ну, кудрявые, гопака нам на все лады! Да шоб с деревьев листья обсыпались!

Все быстро расселись, кухонные тётки чередой прибежали с подносами. Принесли жареные грибы, домашнюю колбасу, солёную рыбу, осыпанную луком, огурцы маринованные и много всего такого же, да ещё и мясо с кровинкой, истекавшее соком и манящее запахом. Заиграли три гармошки, а ровно под начало звуков из-за спин гармонистов вылетели четверо плясунов и стали скакать с таким усердием, будто свадьба ещё вообще не начиналась, а они её открывали весельем пляски. Все стали снова пить, есть и разговаривать друг с другом про то, как удалась свадьба.

Тут открылась калитка ворот Серёгина дома и вышла из неё невеста бывшая, а теперича жена Наталья Николаевна.

-Драсти всем честным народам! – засмеялась она залиvisto и красиво. -Спасибо вам, милаи наши, что дождались. Скрали мене окаянные людишки, да муж мой, Сергуня, отбил меня, поугробил сотню воров моих, да на руках десять вёрст пёр.! Во какой мужик у меня!

– Сухое спасибо рот дерет! – обрадовался найденной невесте большой дядя Саша.– Седайте на свой трон, раз так хорошо кончилось всё. Да горько выпьем!

– Ой, горько!– нестройно, но напористо закричал уцелевший народ.

– Погодьте!– Сзади к Наталье подошла тётя Валя, сняла с неё фату, расплела косу толстую искусственную, вынув из неё ленту белую. Затем сплела из нее две тонких косички, в которые вставила ленточки желтые. Потом косы свернула на макушке в кольцо, закрепила его шпилькой. После чего надела на Наташкину новую причёску странного вида шапочку фиолетового с коричневым оттенком цвета. Шапочка издала напоминала смешной невысокий колпак.

– Теперича ты жена подлинная. Не невеста ты больше. Муж, а ну, цалуй жонку свою как положено. Под хорошее «горько»!

– Горько! – завопили все, чокаясь стаканами.

И под звон этот Серёга смачно чмокнул жену в порозовевшую от счастья щеку.

– Эй, гуляй милая! Гуляй, публика! Гуляй, пляши, народ честной! – закричал гармонист и все трое растянули меха. Так широко и певуче начиналась свадебная застольная.

Снова стало интересно. Мы, не нужные никому уже, снова пошли на свои места в палисадник, чтобы ничего не пропустить из нашего общего замечательного деревенского праздника.

Веселье стало ярче сразу после появления дяди Кости в трусах. Он сделал круг по огибающей Владимировку дороге и ветер встречный охладил зверство водки, впитавшейся в «боевые» его раны. Продезинфицированный дядя Костя с ходу сел за стол, крикнул Шурику и дяде Васе что-то вроде «Ну, мужики, благодарствую вам! Вылечили зараз» и приступил к ужину с отменным аппетитом, который он нагулял бегом по объездной дороге. Все, кто сидел рядом с ним, аккуратно отодвинулись подальше, поскольку дополнительные пары водки, струящиеся окрест дяди Кости, ещё могли действовать на сидящих слишком близко, как живой продукт в количестве двести граммов на одного человека. Водочный запах доставал и на нас за штаткетником. Он был тошнотворный и имел привкус прокисшего теста. Но мы заткнули носы, а воздух чистый вдыхали прямо от самой земли. Туда пары водочные не опускались. Жена дяди Кости сгоняла за угол домой и быстренько вернулась с синей рубашкой и полосатыми серыми штанами.

– А ботинки? А носки? – совсем пришел в себя раненый. – Они во дворе у жениха. Найди, да принеси.

И через пять минут это был совсем другой человек. Поскольку он пропустил всё, то жутко поразился наличию за столом невесты.

– Ты кто? – спросил он, приподнявшись и приложив ладонь ребром ко лбу. – Тебя ж не нашли. Они, гады, украли, а мы, гады, не сыскали.

– А запасная у меня была. В сарайке держал до поры. Мало ли чё... А тут запчасть и сгодилась вовремя. А та, какую украли – нехай с бандюганом и живет! – захохотал Серёга и сразу же отхватил увесистую затрещину. Рука у Натальи была тяжелая. Как у мамы Зинаиды. Она умирала, рассказывали, шумного в подпитии мужа без дополнительного оборудования – нежной рукой доильщицы. Пальцы у неё были как из железа. Она брала его пальцами за шею и сгибала до постели. Держала, пока Николай не засыпал.

Дядя Костя этого уже не видел. Он пил водку, ел рыбу, потом мясо с солёными грибами, периодически повторяя себе под нос одно и то же: – Что ж горько так, а? Горько, говорю!

Но народ был занят, поскольку первый наплыв пьяного угара откатился назад благодаря времени и отрезвляющим приключениям. Народ не замечал ни Наташкиного подзатыльника, который помог Серёге прекратить ржать и начать есть всё подряд. Тем более, никто не прислушивался к тому, что бубнит жующий и глотающий дядя Костя. Играли гармонисты, визжали пляшущие тётки и не до смерти напившиеся мужички, горели разноцветные лампочки, ветерок красиво шевелил ленты на кончиках веток, метались туда-сюда кухонные работницы с подносами и пустой посудой. Дело шло к трём часам ночи, как сказала на бегу одна из разносчиц еды.

– Три часа ещё, а половину гостей как повышибало. Корейцы тихо смылись и немцы. Наши вон легли в траву. Хорошо хоть, что не сбежали со свадьбы. Грех это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.